

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МАРКОВА Юлия Сергеевна

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и
процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
д. соц. н., доцент
Н. А. Лебедева-Несевря

Пермь – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА.....	16
1.1. Модернизационные ценности как ресурс модернизации российского общества	16
1.2. Факторы становления и реализации модернизационных ценностей людей среднего возраста	43
ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕННОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА	80
2.1. Особенности содержания модернизационных ценностей людей среднего возраста в современной России	80
2.2. Инновационное поведение людей среднего возраста в процессе реализации модернизационных ценностей	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вызовы и угрозы современного мира, необходимость преодоления последствий системной дезинтеграции 1990-х гг. на протяжении последнего десятилетия требовали обоснования действенной стратегии устойчивого развития России. В конце 2000-х гг. в качестве такой стратегии была объявлена «системная»¹ или «интегрированная»² модернизация, основанная на инновационности и радикальном изменении базовых социально-политических и экономических институтов. Важность реализации «модернизационного проекта» России последовательно озвучивается на самом высоком уровне, в т. ч., в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ³. Эффективность модернизационных преобразований регулярно оценивается, тактика их реализации пересматривается. Залогом успешности модернизации называется преодоление внутреннего механизма ее торможения, связанного с недостаточно высокой производительностью труда, ограниченностью человеческого потенциала⁴. Возможности воплощения модернизационного проекта определяются не только действиями государства или бизнеса, но и активностью населения, выступающего сегодня «рассеянным зрителем»⁵ происходящих изменений.

Вовлечение и усиление роли человеческого потенциала в модернизационных преобразованиях предполагает учет ценностей населения, определяющих жизненные выборы и детерминирующих социальные практики

¹ Термин академика РАН М. К. Горшкова. См., например: Горшков М. К. Готово ли российское общество к модернизации? [Текст] / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова // Общество и экономика. – 2010. – № 5. – С. 105–172.

² Термин чл.-корр. РАН Н. И. Лапина. См., например: Лапин Н. И. О стратегии интегрированной модернизации [Текст] / Н. И. Лапин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 26–35.

³ См., например: Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 23.04.2018).

⁴ Медведев Д. А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики [Текст] / Д. А. Медведев // Вопросы экономики. – 2016. – № 10. – С. 5–30.

⁵ Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации [Текст] // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – № 3. – С. 41–64.

людей. Для решения поставленных стратегических задач требуется формирование адекватного социокультурного базиса, выступающего основой модернизационной деятельности. В этом случае становится возможным приближение к достижению основных целевых ориентиров стратегии модернизационного развития – построению более конкурентоспособной экономики, опирающейся на новейшие технологические достижения, качественному улучшению системы образования и науки, повышению уровня и качества жизни населения, снижению социальных рисков и обеспечению безопасности граждан страны.

Ключевым проводником модернизации в современной России выступает социально-демографическая группа людей среднего возраста как основной трудовой ресурс и наиболее массовый участник экономической деятельности, от которого зависит эффективность социально-экономических преобразований. Ценности людей среднего возраста выступают ключевой составляющей их социокультурного потенциала, определяющей характер модернизационного развития. Это предопределяет необходимость глубокого изучения структуры и содержания ценностей средневозрастной группы как мотиваторов модернизационного (инновационного) поведения, выявления модернизационной направленности ценностей, а также факторов их становления и реализации. Требуется ответить на вопросы о том, какова ценностно обусловленная роль людей среднего возраста в модернизационных процессах российского общества, в какой мере их ценности соответствуют целям и задачам российского модернизационного проекта.

Исследование модернизационных ценностей людей среднего возраста в современном российском обществе актуализировано рядом противоречий: а) между необходимостью реализации потенциала средневозрастной группы в модернизационных преобразованиях и факторами, препятствующими развитию у них ценностей, инициирующих модернизацию и инновации; б) между потребностью в усилении эффективности модернизационной политики и недостаточностью учета модернизационного потенциала ценностей

средневозрастной когорты как актора модернизации при принятии управленческих решений.

Изучение модернизационных ценностей людей среднего возраста обусловлено потребностью в разработке рекомендаций для построения управленческих моделей модернизационного развития российского общества, его отдельных институтов и организаций, которые бы учитывали особенности ценностного потенциала средневозрастной когорты.

Степень научной разработанности проблемы. Социологическое осмысление процессов модернизации обществ начинается вместе с зарождением социологии, одной из составляющей научного интереса которой выступило становление и развитие общества модерна, его отличительных черт от общества традиционного типа. Проблематика модернизации в соответствующем историческом преломлении получает развитие в классических социологических исследованиях М. Вебера, Э. Дюркгейма, О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, Ф. Тенниса. Теоретическое наследие первых социологов находит продолжение в анализе современности как массового общества в рамках структурно-функциональной теории (Р. Дарендорф, Р. Нисбет), как классового общества – в конфликтологической теории (Р. Милибэнд, Ю. Хабермас), теоретическом отрицании общества модерна в критическом подходе Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер).

Анализ таких моделей модернизации как вестернизация (европеизация, американизация) и догоняющая модель осуществляется в работах М. Леви, Т. Парсонса и др. Впоследствии данные теоретические наработки получают развитие в теориях конвергенции (Дж. К. Гэлбрейт, У. Росту). Концепция множественности форм модернизации различных обществ находит глубокое обоснование в научных трудах П. Бергера, С. Хантингтона, П. Штомпки, Ш. Эйзенштадта и др.

Модернизационные изменения российского общества изучаются в работах отечественных социологов, философов, экономистов (А. С. Ахиезер, Л. А.

Беляева, А. Г. Вишнеvский, Т. И. Заславская, Н. И. Лапин, В. Г. Федотова, В. А. Ядов, Е. Г. Ясин).

Эффективность модернизационных преобразований исследуется посредством анализа различных факторов: технологических, экономических, научных, политических (У. Бек, Э. Гидденс, П. Штомпка, О. Н. Яницкий).

Изучение социокультурных факторов модернизации закладывается в фундаментальных научных исследованиях М. Вебера, посвященных анализу влияния ценностей протестантской этики на развитие капиталистической экономики. К настоящему времени изучение модернизации обществ сквозь призму ценностного потенциала населения находит воплощение в двух основных предметных областях.

Во-первых, это анализ сущности и особенностей влияния культурно-ценностных характеристик на модернизацию, изучение специфики трансформации и стабильности ценностных систем в условиях социетальных изменений. За рубежом результаты подобных исследований освещены в работах М. Альтмана, Г. Триандиса, Г. Хофстеда, Ш. Шварца, а также таких крупномасштабных групповых проектов, как GLOBE под руководством А. Дастмалчяна и «Всемирное исследование ценностей» («The World Values Survey»), основанное Р. Инглхартом и находящееся в настоящее время под руководством К. Хэрпфера.

В России исследования, посвященные анализу ценностей в контексте модернизационных преобразований, представлены в научных трудах таких ученых, как А. А. Аузан, Л. А. Беляева, М. К. Горшков, Н. И. Лапин, Н. М. Лебедева, В. С. Магун, М. Г. Руднев, Н. Е. Тихонова. Научный анализ модернизационных ценностей осуществляется в разрезе межстрановых, межрегиональных и межпоколенческих сравнений, ведется поиск социокультурных предпосылок и препятствий модернизации российского общества.

Второй предметной областью исследований социокультурного фактора модернизации выступает анализ ценностей, лежащих в основании мотивации

инновационного поведения работников организаций, связанных с данными ценностями мотивов трудовой деятельности и профессиональных качеств работников (А. Инкельс, В. В. Карачаровский, М. Кастельс, О. И. Шкаратан).

Актуальной проблемой современной науки является поиск социальных акторов, обладающих высокими показателями модернизационного потенциала, включая его ценностную составляющую. Вопросы изучения основных акторов модернизации представлены в разрезе различных социальных общностей и групп: предпринимателей и менеджеров (Т. И. Заславская, М. А. Шабанова), интеллигенции и научного сообщества (Л. А. Беляева, О. Н. Яницкий), креативного класса (Ю. Г. Волков), среднего класса (С. В. Мареева, Н. Е. Тихонова).

Возраст как ресурс модернизации и возрастные общности являются на сегодняшний день одним из ключевых направлений исследований. Однако в научных работах большее внимание уделяется изучению, прежде всего, молодежи как актора инноваций и модернизации, их ценностным ориентациям (Ю. Р. Вишневский, В. Т. Лисовский, Ф. Э. Шереги, В. Н. Шубкин и др.).

Изучению социально-демографических, ценностных и социально-психологических особенностей среднего возраста как специфической социальной группы посвящены работы Н. В. Коровицыной, В. В. Семеновой, В. В. Солодниковой, И. В. Солодникова, Ф. Хадсона. Анализ среднего возраста в разрезе периодизации этапов человеческого развития представлен в исследованиях Б. Н. Рыжова, Д. Сьюпера, Э. Эриксона; характеристика средневозрастных когорт в контексте межпоколенческого анализа дана в работах Ю. А. Левады, К. Мангейма.

Вместе с тем, социокультурный потенциал людей среднего возраста как акторов модернизационных преобразований представляется недостаточно изученным как в зарубежной, так и в отечественной науке. Практически не исследованными являются модернизационные ценности людей среднего возраста, факторы развития и реализации данных ценностей, ценностно-мотивационные

особенности модернизационного и инновационного поведения средневозрастной социально-демографической группы.

Объект исследования – ценности людей среднего возраста.

Предмет исследования – содержание и направленность ценностей людей среднего возраста как акторов модернизации современного российского общества.

Цель исследования – выявить и описать ценности россиян среднего возраста с позиции соответствия стратегии модернизационных преобразований.

Цель диссертационного исследования детализируется в ряде исследовательских задач:

– Осуществить теоретический анализ социокультурных оснований модернизации как стратегического проекта и дать определение понятию модернизационных ценностей.

– Охарактеризовать социально-демографическую группу «люди среднего возраста» как актора модернизации.

– Оценить модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста, выявить факторы становления и реализации ценностей.

– Установить влияние ценностей людей среднего возраста на реализацию ими инновационного поведения.

Теоретико-методологические основания исследования. Диссертационная работа опирается на принципы проектного подхода к модернизации общества, трактующего модернизацию как целенаправленные технико-экономические, социокультурные и социально-политические изменения, ориентированные на повышение конкурентоспособности общества в миросистеме (М. К. Горшков, В. А. Ядов). В диссертации использовались также деятельностно-активистский подход (Дж. Александер, М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка), методология которого создает возможности для исследования людей среднего возраста как актора модернизационных проектов; социокультурный подход (Т. И. Заславская, Н. И. Лапин), акцентирующий внимание на ценностных основах модернизации.

Изучение модернизационных ценностей людей среднего возраста базируется на концепции детерминации человеческой деятельности (В. А. Ядов). Значительную роль в обосновании модернизационных ценностей сыграли теория стереотипов и сохранения культурной идентичности (А. В. Меренков), теоретические положения о целостности и процессуальности национальной культуры (А. Г. Здравомыслов).

В основу исследования факторов становления и реализации ценностей людей среднего возраста положены теоретические идеи о значимости социокультурных условий социализации в детстве и молодости для формирования базовых ценностей личности (А. Н. Алексеев, Б. Г. Ананьев, П. Б. Балтес, Р. Инглхарт).

Методология эмпирических исследований ценностей людей среднего возраста основывается на подходе Ш. Шварца к изучению базовых ценностей личности.

Эмпирическую базу диссертации составили результаты социологических исследований, проведенных при непосредственном участии автора:

1. Исследование «Социокультурные ресурсы модернизационных процессов в регионе: структура ценностей населения» (грант РГНФ № 14-03-00155¹), проведенное в 2014 г. в стратегии сочетания количественных и качественных методов:

– массовый репрезентативный опрос (формализованное интервью) населения Пермского края в возрасте 18 лет и старше (n = 1000, в т. ч. в возрасте 30–60 лет – 683);

– глубинные интервью с представителями различных субгрупп средневозрастной когорты населения Пермского края (n = 14).

2. Массовый репрезентативный опрос (формализованное интервью) населения Пермского края в возрасте 18 лет и старше «Инновационный

¹ Исследование реализовывалась в рамках Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (рук. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин).

потенциал регионов России (на примере Пермского края)» (грант РГНФ № 12-03-00200; n = 1000, в т. ч. в возрасте 30–60 лет – 671, 2014 г.).

3. Глубинные интервью, нацеленные на выявление ценностных основ политики модернизационного развития современной организации и проведенные с руководителями среднего и высшего звена организаций г. Перми, специализирующихся в сферах промышленного производства, медицины, образования и науки, медиа и маркетинга (n = 12, 2016 г.).

Кроме этого, диссертация основана на вторичном анализе результатов следующих исследований:

1. Формализованные опросы населения, проведенные в Вологодской (n = 1500, в т. ч. в возрасте 30–60 лет – 920), Омской (n = 1229, в т. ч. в возрасте 30–60 лет – 815) и Свердловской областях (n = 1004, в т. ч. в возрасте 30–60 лет – 568)¹.

2. Формализованный опрос населения России «Европейское социальное исследование» («European Social Survey», n = 2445, в т. ч. в возрасте 30–60 лет – 1309, 7 волна, 2014 г.).

Достоверность результатов проведенных исследований обусловлена опорой на достаточную теоретико-методологическую базу, глубокий анализ научной литературы, интегративный качественно-количественный подход к эмпирическому исследованию модернизационных ценностей. Методы и материалы исследований соответствуют основным методологическим правилам и процедурам проведения социологического исследования, способы формирования и объемы выборочных совокупностей корректны, обработка и анализ количественных данных осуществлены с применением релевантных математико-статистических методов, качественные данные проанализированы в соответствии с положениями качественной методологии.

Научная новизна диссертационной работы заключается в характеристике ценностной структуры сознания россиян среднего возраста с позиции ее

¹ Исследования проводились в рамках Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (рук. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин).

соответствия целям и задачам стратегического проекта модернизации. Основные результаты, полученные автором и содержащие новизну, состоят в следующем:

- впервые проведен анализ ценностей россиян среднего возраста как особой внутренне дифференцированной социально-демографической группы; установлены социокультурные факторы их становления и реализации;

- уточнено понимание модернизационных ценностей как детерминант поведения, направленного как на совершенствование существующих социальных структур, практик и отношений, так и создание, усвоение и принятие новых посредством творчества, изобретательности, социальной активности, самореализации и саморазвития социальных субъектов;

- введены понятия «инициирующих» и «стабилизирующих» модернизационных ценностей. Показано, что первые направлены на инновационное поведение, творчество, продуцирование изменений, вторые – на их закрепление, принятие, распространение;

- доказано на материалах эмпирических исследований преобладание в сознании россиян среднего возраста стабилизационно-модернизационной ценностной матрицы;

- раскрыты особенности ценностного сознания различных субгрупп средневозрастной когорты (30–39-летних, 40–49-летних и 50–60-летних); установлено, что для всех субгрупп характерно сохранение в ценностном ядре типичных для советского общества ценностей безопасности и традиции, не только не замещившихся «постсоветскими» прозападными ценностями богатства, достижения и новизны, но сохранивших свое приоритетное значение;

- доказано, что коллективистские ценности средневозрастной когорты, прежде всего, ценности безопасности, благожелательности и универсализма, могут при определенных условиях стимулировать модернизационные изменения и инновационную активность, что определяет необходимость адаптации управленческих стратегий инновационного развития;

– определены направления совершенствования программ модернизации на федеральном, региональном уровнях на основе ценностно-ориентированного обоснования ее целей и задач, развития системы информирования и мотивирования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Показано, что к модернизационным относятся ценности, определяющие поведение, направленное не только на создание, усвоение и принятие новых социальных практик, норм и отношений, но и на совершенствование существующих, посредством творчества, изобретательности, социальной активности, самореализации и саморазвития социальных субъектов.

2. Показано, что соответствующими целям отечественного модернизационного проекта «инициирующими» его ценностями выступают самостоятельность и достижение успеха; «стабилизирующими» – ценности безопасности, традиции, благожелательности, универсализма и конформности. Типичные для модернизационного проекта западного образца ценности риска, власти и богатства в российских условиях не приняты представителями среднего возраста как способствующие желаемым модернизационным преобразованиям.

3. Установлено доминирование в сознании россиян среднего возраста стабилизационно-модернизационной ценностной модели, характеризующейся коллективистской направленностью ценностей (безопасность, благожелательность, универсализм), что вызвано историческим опытом, традициями, спецификой базовых социальных институтов и социокультурных контекстов социализации представителей этой общности.

4. Выявлена схожая структура ценностей различных субгрупп (30–39, 40–49 и 50–60-летних) средневозрастной когорты россиян. Доказано, что особенности социально-экономических и общественно-политических условий первичной и вторичной социализации привели к большей выраженности ценностей достижения в молодых когортах и ценностей традиции – в старших. Однако общая коллективистская направленность ценностей характерна для всех субгрупп.

5. Показано, что высокая значимость для работающих россиян среднего возраста ценностей безопасности и традиций при средней значимости самостоятельности и слабой – достижения успеха приводит к низкому уровню инновационной активности: свыше 70 % работающих граждан средних лет не участвовали в течение последнего года в создании инновационных продуктов, услуг или технологий.

6. Доказано, что отсутствие системы анализа и учета ценностных установок разных социально-демографических групп при разработке и внедрении модернизационных программ приводит к исключению средневозрастной когорты из процесса производства инноваций, сопротивлению их внедрению, длительной адаптации к нововведениям как к ситуации риска.

7. Разработаны конкретные рекомендации по учету ценностей средневозрастной когорты при обосновании и реализации модернизационного проекта в России на федеральном, региональном и организационном уровнях; стимулированию инновационной активности отдельных средневозрастных субгрупп; снижению социальной напряженности при внедрении нововведений.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении и развитии научных представлений о сущности модернизационных ценностей как детерминант человеческой деятельности через критическое обоснование неправомерности применения универсалистского подхода к их выделению. Впервые осуществленный в рамках диссертационного исследования социологический анализ модернизационных ценностей средневозрастной когорты, выявленные факторы их становления и реализации, установленная направленность ценностей людей среднего возраста могут служить основой для дальнейшей концептуализации данной группы как актора модернизационного проекта. Полученные в ходе исследования результаты являются важным вкладом в разработку социологической теории и методологии изучения возрастных когорт, способствуют созданию целостного представления о малоизученной как в отечественной, так и зарубежной науке социально-демографической общности – людях среднего возраста.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут способствовать формированию управленческих стратегий и моделей модернизационного и инновационного развития отдельных организаций, институтов или общества в целом, тем самым способствуя повышению эффективности политики модернизации. Полученные результаты могут быть внедрены в практику развития организационной культуры работников среднего возраста российских предприятий и организаций, полезны для формирования оптимального управленческого стиля менеджмента, развития системы мотивации сотрудников, а также применяться в программах повышения квалификации менеджеров и управленческого персонала, в процессе преподавания учебных курсов «Общая социология», «Социология возраста», «Социология культуры» и «Социология организаций».

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует специальности 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. Раскрываются следующие области исследования: 5. Трансформационные социально-стратификационные процессы современного российского общества. Основные пути формирования новой социальной структуры; 11. Социальная динамика и адаптация отдельных групп и слоев в трансформирующемся обществе; 30. Возрастные когорты в системе социально-структурных отношений. Молодежь на рынке труда, перспективы трудоустройства. Региональные особенности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 11 научных публикациях, в том числе, 3 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ и 1 совместной монографии, а также были представлены на научных конференциях – V Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 2016 г.) и 6 научно-практических конференциях международного и всероссийского уровней: «Социокультурные факторы новой индустриализации регионов России: вызовы, возможности, проекты» (XI

Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», г. Омск, 2015 г.), «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», посвященная памяти профессора Л. Н. Когана (XIX Международная конференция, г. Екатеринбург, 2016 г.), «Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России» (XII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», г. Самара – Тольятти, 2016 г.), «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии» (XIX Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Пермь, 2016 г.), «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (III Международная научно-практическая конференция, г. Екатеринбург, 2017 г.), «Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе» (IV Международная научно-практическая конференция, г. Пермь, 2017 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 4 параграфа, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

1.1. Модернизационные ценности как ресурс модернизации российского общества

Необходимость технологического прорыва, формирования новой экономики, осуществления принципиальных институциональных и инфраструктурных изменений почти десять лет назад были объединены Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым под видом «модернизационного проекта», последовательно называемым предпочтительной стратегией развития России на самом высоком уровне.

Старт «дискурсу модернизации»¹ был дан статьей Д. А. Медведева «Россия, вперед!» и его посланиями Федеральному собранию. Задача «перехода страны на следующую, более высокую ступень цивилизации» соотносилась с *модернизацией* политической системы и, в частности, российской демократии, экономической и технологической *модернизацией*².

В июне 2012 г. уже указом В. В. Путина был создан Совет при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России³. На первом заседании Совета Президент подчеркнул значимость модернизации для успешного развития России, назвав модернизацию «генеральным путем развития

¹ Глухова А. В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) [Текст] / А. В. Глухова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 68–73.

² Медведев Д. А. Россия, вперед! [Текст] / Д. А. Медведев // Экономика и управление. – 2009. – № 9. – С. 3–7.

³ О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России: Указ Президента РФ от 18 июня 2012 г. № 878 (с изм. и доп. от 20 ноября 2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70190762/#friends> (дата обращения: 06.05.2018).

нашей экономики, укрепления ее позиций в глобальной экономике, создания условий для самореализации граждан»¹.

В послании Президента РФ Федеральному собранию в декабре 2015 г. говорилось о высокой актуальности технологической модернизации, на которую «надо нацелить институты развития» и значимости модернизации транспортной инфраструктуры². В марте 2018 г. Президент подчеркивал важность «рывка в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления»³, новых задач модернизации здравоохранения и профессионального образования.

Проповедуемый первыми лицами страны проектный подход позволяет охарактеризовать модернизацию как своеобразный ответ на существующие угрозы и риски, обусловленный потребностью в улучшении условий и качества жизни населения, повышения конкурентоспособности экономики, обеспечения безопасности граждан страны. Суть модернизационного проекта часто сводится к необходимости преодоления технологической зависимости России от экономик других стран на основе построения национальной инновационной системы, инновационной экономики «знаний»⁴. Шире же цели модернизационного проекта включают не только развитие инноваций, но и «построение справедливого капитализма» и «ясное самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве»⁵.

Реализация проекта модернизации предполагает опору, прежде всего, на человеческие ресурсы. В российских государственных стратегических

¹ Заседание Совета по модернизации экономики и инновационному развитию 24 октября 2012 г. [Электронный ресурс] : стенограмма // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16708> (дата обращения: 06.05.2018).

² Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 23.04.2018)

³ Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/11> (дата обращения: 23.04.2018); Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения: 23.04.2018).

⁴ Наумов С. А. Российский модернизационный проект как ответ на вызов времени [Текст] / С. А. Наумов // Инновации. – 2010. – № 5. – С. 15–20.

⁵ Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки [Текст] / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2010. – № 12. С. 31.

документах актуализируется значение совокупных усилий государства, науки и бизнеса для достижения основных задач приоритетных направлений модернизации¹. Однако не менее важной представляется роль различных групп населения, чьи ценности, установки, интересы, детерминируемые ими повседневные практики, а также образовательные, материальные, квалификационные и другие ресурсы во многом определяют характер, темпы и результативность осуществления модернизационных проектов. Выбор индивидами и их сообществами тех или иных стратегий (инициирующей, поддерживающей, индифферентной, адаптационной, конфликтной и т. п.) оказывает непосредственное влияние на происходящие в обществе преобразования². В свою очередь, культурные и структурные факторы, условия жизни, среда, в которой осуществляются действия и взаимодействия, оказывают обратное воздействие на потенциал разнообразных социальных субъектов.

В современном российском обществе проблема реализации модернизационных проектов обострена низким взаимопониманием между основными акторами модернизации, высоким уровнем недоверия между населением и представителями органов власти разных уровней, отсутствием эффективной стратегии и координации деятельности социальных субъектов и различных социальных институтов в осуществлении модернизационных преобразований³. Данная проблема во многом обусловлена слабым учетом ценностной компоненты модернизации, ценностных ориентаций населения как культурных регуляторов социальных практик, поступков и взаимодействий. Для успешной реализации модернизационных проектов на разных уровнях организации общества необходимы культурные основания, способствующие принятию модернизационных изменений. Для ответа на вопрос о возможностях поддержки населением модернизационных проектов, характере участия

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения: 23.04.2018).

² См., например: Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life [Text] / T. Piirainen. – Aldershot : Dartmouth, 1997. – 262 p.

³ Лапин Н. И. Развилки процессов модернизации и взаимопонимания в российском обществе (обсуждение проекта) [Текст] / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 137–147.

отдельных социальных групп в модернизационных изменениях требуется обращение к ценностному миру людей, предопределяющему их жизненные выборы и действия.

Современная проектная концепция модернизации вбирает в себя доказавшие свое методологическое и прикладное значение положения модернизационной теории, прошедшей длительный путь развития.

История изучения социальной наукой процесса модернизации обществ значительна, к настоящему времени накоплен богатый теоретический и эмпирический материал. Теоретические истоки концепции модернизации восходят к идеям и положениям, разрабатываемым в эпоху Просвещения в теориях социального прогресса и социальной эволюции И. Г. Гердера, Ж. А. Кондорсе, А. Р. Тюрго и др. Данные теории были развиты в XIX – начале XX века, прежде всего, в рамках функционализма и теории конфликта в ее марксистском варианте. Классические социологические работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, Ф. Тенниса, посвященные крупномасштабным социальным трансформациям рубежа XIX–XX вв., заложили фундамент в социологическом осмыслении модернизационных преобразований. Последующее развитие данная концепция получает в 50-е гг. прошлого столетия, главным образом, в теориях структурного функционализма, неомарксизма и неовеберизма. Именно в этот период в широкое употребление вводится и само понятие «модернизации». В дальнейшем, начиная с 80–90-х гг. XX в., происходит пересмотр ряда положений модернизационной концепции, связанный с активизацией осмысления процессов глобализации, отказом от идеи однолинейного развития мира, признанием возможности различных путей модернизации и многообразия типов современных обществ, а также развитием положений постмодернистской теории.

В первом приближении модернизация может интерпретироваться в связи с категорией прогресса, что истекает из значений английского слова «modern», указывающего на «наивысший уровень достигнутого», несущего в себе смысл «усовершенствования». В этой связи «модернизацию» определяют как

происходящие в обществе или какой-либо его сфере прогрессивные социальные, культурные, политические, экономические или технологические изменения¹. Подобная широкая трактовка модернизации позволяет охарактеризовать любые улучшения, происходящее на разных этапах процесса развития общества. Соответственно, она может быть применима к любому историческому периоду, рассматриваться вне временных рамок и ограничений, поскольку человечество с момента осознания себя в качестве «самостоятельной природно-общественной силы» целенаправленно продвигалось по ступеням развития. В указанном значении трактовка модернизации альтернативна понятию регрессивного развития, деградации. Условно данный смысловой аспект понятия «модернизация» можно назвать «прогрессивным», что отражает не только содержание, но и ключевую проблему предложенной трактовки – сложность разграничений понятий «социальный прогресс» и «модернизация», определяющую подмену одним понятием другого. Недостаточная ясность в вопросе о том, следует ли трактовать модернизацию как источник социального прогресса, как его характеристику или способ реализации, привело к возникновению более узкой интерпретации модернизации как перехода общества от традиционного к современному, «модернизированному» состоянию, новой эпохе «современности», или модерна (modernity). Данный подход был заложен еще классиками социологии, предметом научного интереса которых выступило становление западного общества модерна (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, К. Маркс, Г. Спенсер, Ф. Теннис и др.).

Данная эпоха, начатая Новым временем, сопровождалась процессами индустриализации, урбанизации, секуляризации, рационализации, сменой демографических установок в поведении населения, изменением типа личности и т. д.² А в фокусе исследователей находилось описание и объяснение сущности

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова ; Ин-т «Открытое общество». – М. : Аспект Пресс, 1996. С. 121–122.

²См., например: Парсонс Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.; Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change [Text] / S. N. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1966. – 166 p.; Eisenstadt S. N. Studies of Modernization and Sociological Theory [Text] / S. N. Eisenstadt // History and Theory. – 1994. – Vol. 13. – No. 3. – P. 225–252; Giddens A. The consequences of modernity [Text] / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 188 p.;

современной стадии развития обществ, характера, форм и способов преобразований, происходящих в современности, а также выделение специфики современного общества (модерна) относительно общества прошлого (премодерна), или традиционного. Указанный аспект рассмотрения модернизации может быть назван *историческим*; он, являясь широко обсуждаемым, включает две концепции модернизации, классическую и современную (концепцию «множественности модернов»), оказавших влияние и на другие трактовки.

Классическая теория модернизации (середина XX в.) характеризовалась следующими общими положениями: во-первых, выделялись две стадии в историческом развитии – традиционная и современная; во-вторых, современность трактовалась через институциональную и культурную организацию западных обществ, утверждавших приоритет капитализма, демократии, бюрократии, науки, индивидуализма и мотивации личного успеха (европо- и америкоцентризм); в-третьих, наличествовали такие методологические допущения, как универсализм и телеологизм; в-четвертых, предполагалось, что модернизационные преобразования обществ ведут к повсеместному улучшению их подсистем (экономическому развитию, демократизации и т. п.), то есть способствуют общим прогрессивным изменениям.

В целом оценивая теорию модернизации середины XX века, можно отметить, что, с одной стороны, она в значительной степени обогатила представление о характере развития и признаках обществ традиционного и современного типов. С другой стороны, она имела ряд существенных недостатков, основными пунктами критики выступали следующие¹: 1)

Levy M. J. Some Sources of the Vulnerability of Relatively Non-Industrialized to Those of Highly Industrialized Societies [Text] / M. J. Levy // The Progress of Underdeveloped Areas / ed. by B. Hozelitz. – Chicago, London : University of Chicago press, 1952. – P. 113–125; Moore W. Social Change [Text] / W. Moore. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice Hall, 1963. – 120 p.; Smelser N. J. Processes of social change [Text] / N. J. Smelser // Sociology: An Introduction / ed. by N. J. Smelser. – New York : Wiley, 1973. – P. 709–762.

¹ См., например: Александер Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология [Текст] / Дж. Александер ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. – М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 505–600; Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние [Текст] / Б. Виттрок // Полис. – 2002. – № 1. – С. 141–159; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. С. 362–383; Тихонова Н. Е. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века [Текст] / Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин, С. В. Горюнова, Ю. П. Лежнина // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2007. – № 25. – С. 22–47.

рассмотрение исторического развития как дихотомического (что в действительности не оправдано, как было показано, например, в исследованиях «цивилизаций осевого времени» Ш. Эйзенштадта¹); 2) рассмотрение институтов и ценностей традиционного общества как тормоза экономического развития; 3) однолинейность развития при игнорировании этнической специфики обществ; 4) нормативный характер («нормативная иллюзия», по Э. Гидденсу²) – убежденность в том, что образцом общественного развития выступает западный тип социально-экономической, культурной и политической систем; 5) установка на то, что универсализирующие изменения являются неминуемыми и связанными с развитием (как показывает социальная теория и исторический опыт, они часто неожиданны и могут повлечь за собой катастрофические последствия³); 6) видение акторов модернизации преимущественно в элитах стран «третьего мира» или развитых стран, которые посредством тех или иных стратегий (капиталовложений, установления определенных образовательных моделей и др.) могут повлиять на общественные изменения⁴.

Активная критика классической теории модернизации послужила предпосылкой для уточнения модернизационной теории и отказа от методологической установки на универсализм. Сегодня признается множественность форм модернизации различных обществ (*multiple modernities*) (У. Бек, П. Бергер, Б. Виттрок, А. Б. Гофман, Н. Мезулис, Э. Тириакийян, А. Турен, С. Хантингтон, П. Штомпка, Ш. Эйзенштадт и др.)⁵. Особое распространение концепция «множественности модернов» получает на фоне усиления глобализационных процессов и возникновения так называемых «альтернативных

¹ Eisenstadt S. N. Social Change, Differentiation and Evolution [Text] / S. N. Eisenstadt // American Sociological Review. – 1964. – Vol. 29. – No. 3. – P. 375–386.

² Гидденс Э. Устроение общества ... С. 375.

³ Александер Дж. Смыслы социальной жизни ... С. 519–520; Muller K. “Modernizing” Eastern Europe: Theoretical Problems and Political Dilemmas [Text] / K. Muller // European Journal of Sociology. – 1992. – Vol. 33. – No. 1. – P. 109–150.

⁴ Тихонова Н. Е. Эволюция концепции модернизации ... С. 27.

⁵ См., например: Гофман А. Б. Пятнадцать тезисов в защиту идеи модернизации [Текст] / А. Б. Гофман // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2012. – Вып. 11. – С. 27–35; Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние [Текст] / Б. Виттрок // Полис. – 2002. – № 1. – С. 141–159; Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order / S. Huntington. – Penguin Books India, 1997. – 367 с.

глобализаций» – «глобальных культурных движений, возникающих за пределами Запада и оказывающих на него все возрастающее влияние»¹.

Современную концепцию множественности форм модернизации также следует отнести к историческому аспекту, но описывающему современность в конкретно-исторических и культурно обусловленных проявлениях.

На наш взгляд, в современной теории модернизации (в ее историческом понимании) до сих пор существуют риски повторения ошибок прошлых теоретических установок. Современная концепция «множественности модернов» представляет важные для нашего исследования теоретические замечания, учет которых значим с целью недопущения негативных тенденций: отрицание единого образца экономического или социокультурного (в т. ч. ценностного) развития обществ; признание разнообразия характера и форм модернизации различных обществ в связи с их социально-историческим опытом и культурной спецификой, а также – социальных общностей и сфер жизнедеятельности; понимание того, что потребность в модернизации могут испытывать и современные общества; избегание дихотомических упрощений. Множественность модернов не означает отсутствия в них тех или иных общих черт (например, таких, как урбанизация, индустриализация и постиндустриализация, становление демократии и гражданского общества; повышение уровня образованности граждан; высокая роль науки; улучшение здравоохранения и т. п.). Одновременно, важно понимать и то, что такие институциональные структуры, как, например, капитализм и демократия, которые прежними теоретиками утверждались в качестве обязательных проявлений модернизации, не являются исторически неизбежными. Общественное развитие зависит от нормативных установлений и культурных традиций, исторического опыта, стратегического положения и влияния тех или иных социальных групп или отдельных личностей, действующих в своих интересах². Кроме того, модернизационные изменения даже будучи по сути своей

¹ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации [Текст] / П. Бергер // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. С. 18.

² Александер Дж. Смыслы социальной жизни ... С. 597; Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 210–257.

прогрессивно ориентированными могут порождать острые социальные противоречия и крупномасштабные потрясения.

В третьем смысловом аспекте термин «модернизация» применяется к относительно менее развитым странам, означая процесс их национального ускорения, усилия, направленные на то, чтобы сократить существующий с современной западной цивилизацией разрыв. Данная трактовка появляется в 50–60-е гг. XX столетия, когда актуализировалась проблема разделения мира на развитые капиталистические, социалистические и постколониальные страны «третьего мира»¹. С этих позиций выделяются такие модели модернизации как вестернизация (европеизация, американизация) и догоняющая модель. Данные идеи закладываются, прежде всего, в работах Т. Парсонса, М. Леви и др.² Впоследствии они получают развитие в теориях конвергенции (Дж. К. Гэлбрейт, К. Керр, Ш. Эйзенштадт, У. Ростоу, С. Хантингтон и др.)³. Представленный аспект рассмотрения модернизации следует назвать *компенсационным*. В нем подчеркивается необходимость восполнения и преодоления отставания в социетальном развитии, своеобразным критерием которого является, прежде всего, западный тип социальной системы.

В современной социологии концептуализируется еще один, четвертый, аспект понятия «модернизация». Он представлен, например, в теории английского исследователя И. Роксборо, который определяет модернизацию как «возрастание возможности социальной трансформации» и связывает ее с процессами структурной дифференциации и ростом формальной рациональности социальных

¹ Тихонова Н. Е. Эволюция концепции модернизации ... С. 23.

² См., например: Парсонс Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.; Levy M. J. Some Sources of the Vulnerability of Relatively Non-Industrialized to Those of Highly Industrialized Societies [Text] / M. J. Levy // The Progress of Underdeveloped Areas / ed. by B. Hozelitz. – Chicago, London : University of Chicago press, 1952. – P. 113–125.

³ См., например: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество Избранное [Текст] / Дж. К. Гэлбрейт ; пер. с англ. под науч. ред. И. В. Филатова. – М. : Эксмо, 2008. – 1200 с.; Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change [Text] / S. N. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1966. – 166 p.; Huntington S. P. Political Order in Changing Societies / S. P. Huntington. – New Haven: Yale University Press, 1968; Kerr C. Industrialism and Industrial Man [Text] / C. Kerr, J. T. Dunlop, F. Harbison, H. Harbison, C. A. Myers. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1960. – 331 p.; Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto [Text] / W. W. Rostow. – New York, Cambridge : Cambridge university press, 1960. – 179 p.

действий¹. Согласно многочисленным исследованиям, эффективность модернизации обуславливается различными факторами: технологическими, научными, политическими, социокультурными и др. (У. Бек, А. Инкельс, Н. Мезулис, Н. Смелзер, Ю. Хабермас, П. Штомпка, Ш. Эйзенштадт, О. Н. Яницкий и др.)². Важная роль в этом процессе принадлежит социокультурной модернизации, требующей формирования особого ценностного сознания человека, модернизации личности как необходимого условия и ресурса модернизации экономики и общества³. В представленной трактовке обосновывается значение различных ресурсов общества (социальных, политических, материальных, духовных и др.) как средств для обеспечения модернизации. В соответствии с этим данный аспект может быть назван *инструментальным*⁴.

Развивая эту идею, российские социологи и экономисты предлагают акцентировать пятую, *целевую*, установку, и определить модернизацию как многоуровневый социальный процесс, ориентированный на повышение конкурентоспособности обществ в условиях глобализации, постиндустриализации и непредсказуемых социальных изменений⁵. Целевой аспект в определении модернизации позволяет обозначить некий ориентир, или критерий, в соответствии с которым становится возможной оценка характера и результативности модернизационных преобразований.

¹ Roxborough I. Modernization Theory Revisited. A Review Article [Text] / I. Roxborough // Comparative Studies in Society and History. – 1988. – V. 30. – № 4. P. 756.

² См., например: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова ; Ин-т «Открытое о-во». – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.; Яницкий О. Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии [Текст] / О. Н. Яницкий // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2010. – Вып. 9. – С. 124–139; Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change [Text] / S. N. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1966. – 166 p.; Inkeles A. Becoming modern: Individual change in six developing countries / A. Inkeles, D. Smith. – Cambridge, MA, Harvard University Press, 1974. – 437 p.; Mouzelis N. Modernity: A non-European conceptualization / N. Mouzelis // British Journal of Sociology. – 1999. – Vol. 50. – № 1. – P. 141-159; Smelser N. J. Processes of social change [Text] / N. J. Smelser // Sociology: An Introduction / ed. by N. J. Smelser. – New York : Wiley, 1973. – P. 709–762.

³ Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации [Текст] / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. С. 7–10; Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 79–80.

⁴ Термин Т. И. Заславской, В. А. Ядова. См.: Заславская Т. И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений [Текст] / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

⁵ Заславская Т. И. Социальные трансформации в России ... С. 12; Хорос В. Модернизация России в контексте глобализации [Текст] / В. Хорос, В. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 2. – С. 90–103.

Таким образом, анализ теоретико-методологических подходов позволяет выделить, по меньшей мере, пять смысловых аспектов понятия «модернизация»: прогрессистский; исторический; компенсационный; инструментальный и целевой¹, акцентирующих внимание на различных аспектах рассмотрения данного процесса.

Два последних аспекта отчасти соотносятся с трактовкой модернизации, заложенной в российской государственной политике по модернизации, курс на которую был объявлен в 2009 г.² В официальном дискурсе российский «модернизационный проект» представлен, прежде всего, как преодоление технологического отставания, «техномодернизация» при существенно меньшем внимании к вопросам социального и культурного характера³. Тогда как, на наш взгляд, большей эвристической ценностью и практикоориентированностью обладает сочетание инструментальной и целевой трактовок модернизации (Т. И. Заславская, И. Роксборо, В. А. Ядов, О. Н. Яницкий)⁴, которое позволяет сделать акцент на поиске оптимальных способов и ресурсов осуществления модернизационных преобразований, в т. ч. способов формирования модернизационного сознания, а также целевых ориентирах модернизации.

Необходимость включения в число значимых ресурсов модернизации общественного сознания связано с невозможностью реализации модернизационного проекта без конструктивной поддержки общества, при отсутствии реальных социальных сил, способных выступить субъектами (актерами) модернизационных преобразований, готовых не только пропагандировать, внедрять и сопровождать новые технологии, но и инновационные формы организации трудовой деятельности, способы взаимодействия с государством.

¹ Типология автора.

² Послание Президента Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (дата обращения: 02.10.2016).

³ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. [Текст] / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. – М. : ПРООН в РФ / Дизайн-макет, допечатная подготовка, печать : ООО «Дизайн-проект «Самолет», 2011. С. 14.

⁴ Заславская Т. И. Социальные трансформации в России ... С. 8–22; Яницкий О. Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии. С. 124–139; Roxborough I. Modernization Theory Revisited ... P. 753–761.

Модернизационные преобразования общества и различных его сфер и структур зависимы от деятельности социальных общностей и составляющих их индивидов, их ресурсного потенциала, который, в свою очередь, во многом определяется характером развития социальных институтов. Социальные акторы (социальные общности и составляющие их индивиды), первоначально социализируясь в рамках существующих социальных институтов и приобретая определенные ресурсы (образовательные, ценностные, экономические и др.), затем посредством реализации социальных практик влияют на изменения социальных структур, включая кардинальные их трансформации¹.

Только посредством реализации потребности в развитии на уровне отдельных личностей, а затем и общностей в целом, осуществляется совершенствование общественных структур и отношений². Здесь проявляется сложная связь сознания, его мотивационно-ценностных характеристик и поведения личности в их опосредованности конкретно-историческими условиями жизнедеятельности общностей и общества в целом. Фиксируемые в сознании совокупность знаний, потребностей, мотивов, установок, интересов и ценностей находят воплощение в поведении и деятельности людей. Отсюда направленность сознания и поведения социальных акторов, включая ценностную обусловленность их деятельности, во многом определяет направленность и качество социального развития, возможности общества сохранять конкурентоспособность, особенно в условиях современных рисков и многообразных вызовов.

В соответствии с этим определим модернизацию как *целенаправленный процесс взаимосвязанных изменений в социальных структурах, с одной стороны, и в сознании и поведении разнообразных социальных акторов, с другой стороны, обеспечивающий эффективное функционирование и развитие общества, и, как следствие, повышение его конкурентоспособности в миросистеме.*

¹ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций [Текст] : курс лекций для студентов магистратуры по социологии / В. А. Ядов ; Фак. социологии Гос. акад. ун-та гуманитарных наук, Ин-т социологии Российской акад. наук. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2009. С. 40.

² Меренков А. В. Социология стереотипов [Текст] / А. В. Меренков ; М-во образования Рос. Федерации, Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 64.

Многие современные подходы к трактовке модернизации тяготеют к объективизму, исследуя модернизацию преимущественно на макроуровне, как широкомасштабный системный процесс. За рамками рассмотрения остается практическая деятельность социальных субъектов как непосредственных агентов модернизационных преобразований. В лучшем случае, субъектность модернизации связывается с деятельностью элит, что нередко смещает фокус анализа в область идеологии. Вместе с тем, как и всякий социальный процесс, модернизационные изменения связаны с потенциалом и социальной практикой многообразных социальных субъектов – бизнес-групп, представителей научного сообщества, граждан, занятых в различных отраслях экономики и пр. Обладание определенными ресурсами – личностными и социально-статусными (экономическими, культурными, социальными и др.) – создает их социокультурный потенциал, который может быть реализован посредством различных стратегий – от приспособительной до активно преобразующей. Именно от качества реализации потенциала социальных субъектов (различных социальных общностей и групп, социальных движений) во многом зависит эффективность модернизации.

Модернизационные трансформации, будучи формой социокультурного развития, предполагают прогрессивный, улучшающий вектор изменений. Однако верно и то, что там, где разворачивается борьба различных социальных сил, стремящихся навязать обществу свои правила игры или добиться социального компромисса, возможны последствия не только улучшающие по своей природе, но и, напротив, обратные им. Кроме того, в условиях глобализации (и/или глокализации¹), информатизации, проявления социокультурных признаков постмодерна изменения приобретают черты непреднамеренности, лишенности устойчивого вектора развития². Отсюда возникает проблема сложности

¹ См.: Featherstone M. *Global Modernities* [Text] / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London : Sage Publications, 1995. – 292 p.

² Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества [Текст] / Н. Н. Зарубина // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 4. С. 59.

управления социальными процессами, предъявляющая особые требования к субъектам деятельности, их компетенциям, навыкам, знаниям, ценностям.

Важной характеристикой социокультурного потенциала ключевых акторов модернизации выступают ценности, способствующие модернизационным преобразованиям общества, т. е. носящие характер «промодернизационных»¹, и выступающие детерминантами человеческой деятельности².

На уровне личности промодернизационные ценности следует определить как особые *внутриличностные мотивационные структуры (высший уровень социальных диспозиций³ или устойчивые критерии для выбора способов реализации потребностей⁴), побуждающие к модернизационно ориентированному поведению* – действиям, нацеленным на поддержание оптимального функционирования и развития социальных взаимодействий, социальных практик, общественных институтов и общества в целом, его способности отвечать на разнообразные вызовы⁵ (экологические, демографические, политические, экономические, социокультурные и др.).

Модернизационные ценности существуют также на более крупных уровнях организации общества, находя воплощение в культуре общества в целом, с одной стороны, и на уровне отдельных социальных общностей и социальных групп, с другой стороны. Общекультурные модернизационные ценности общества являются частью содержания национального сознания, однако имеют большее или меньшее выражение на уровне отдельных социальных общностей или индивидов. Усваиваемые в процессе социализации ценности затем, в процессе

¹ Аузан А. А. Доклад «Культурные факторы модернизации» [Текст] / А. А. Аузан, А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин, В. А. Найшуль. – М. ; СПб., 2011. С. 10.

² Ядов В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и ее социальной обусловленности [Текст] / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», ФГНУ Центр социологических исслед., Ин-т социологии РАН. – 2-е расш. изд. – Москва : ЦСП и М, 2013. – С. 31–39; Меренков, А. В. Система детерминации человеческой деятельности [Текст] / А. В. Меренков ; М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. горно-геол. акад. : Банк культурной информации, 2003. – 229 с.; Schwartz S. H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries [Text] / S. H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – No. 25. – P. 1–65.

³ Ядов В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности ... С. 36.

⁴ Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности. С. 130.

⁵ Заславская Т. И. Социальные трансформации в России ... С. 12.

жизнедеятельности различных социальных акторов, могут по-разному реализовываться, способствуя или препятствуя модернизации.

В силу того, что в основе модернизационных процессов лежит инновационность, суть модернизационных ценностей состоит в их инновационной направленности, то есть в способности выступать мотиваторами качественно новых изменений в социальной практике, способствующих развитию. В то же время развитие может иметь разную направленность – прогрессивную или же регрессивную. Оба этих типа направления развития связаны с определением цели, для которой осуществляется развитие, и которая служит критерием установления его характера (прогрессивного или регрессивного). Как это было показано выше, модернизация в классических теориях рассматривалась как процесс, способствующий прогрессивным изменениям обществ. Однако в действительности модернизационные преобразования зачастую оборачивались острыми проблемами, такими как, например, рост глобального и регионального социального неравенства, перепроизводство, исчерпание природных ресурсов и др. В настоящее время вновь актуализирован вопрос об определении критериев прогрессивного развития, что не может не отражаться на теории модернизации. В самом общем виде можно сказать, что прогрессивные модернизационные изменения должны способствовать такому развитию, которое бы улучшало качество жизнедеятельности людей в условиях гармоничного сосуществования различных социальных общностей, обществ, общества и природы.

К настоящему времени в литературе накоплен значительный пласт исследований, позволяющий составить представление о содержательных характеристиках промодернизационных ценностей. В целом в качестве предметных областей исследований следует выделить: во-первых, изучение влияния, оказываемого на модернизацию культурой вообще и ценностями, в частности, анализ сущностных характеристик модернизационных ценностей; во-вторых, анализ ценностей, лежащих в основании мотивации инновационного поведения работников организаций.

Начало подобных научных изысканий связано с именем немецкого социолога М. Вебера, который, как известно, впервые осуществил наиболее целостное обоснование роли ценностей в коренных социально-экономических трансформациях, доказал значение влияния ценностей протестантской этики (достижения, самостоятельности, личной ответственности) на развитие капиталистической экономики¹. Позднее веберовская теория была дополнена указанием на то, что не менее позитивное влияние на капитализм оказали альтернативные англосаксонской культуре этические традиции – синтоистская и конфуцианская этики².

Анализ зарубежных и отечественных исследований ценностных факторов модернизации³ показал, что в современной теории до сих пор существует жесткое противопоставление промодернизационных и антимодернизационных ценностей, которое, по-видимому, основывается на присущей теории модернизации дихотомической, или бинарной, структуре ее кодов⁴. Понятийная бинарность, как это было показано выше, находила выражении в противопоставлении и взаимоисключении современности и традиции, модерна и постмодерна, капиталистического и социалистического в терминах добра и зла, сакрального и профанного. Подобная дихотомизация чревата упрощением, универсализацией и крайностями этноцентризма.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–271.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

³ См., например: Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении [Текст] / М. К. Горшков // Мир России. – 2009. – № 2. – С. 3–21; Лапин Н. И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти [Текст] / Н. И. Лапин // Модернизация экономики и общественное развитие : материалы VIII Международной научной конференции. В 3 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 201 – 219; Его же. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации [Текст] / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3–18; Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 1 [Текст] / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23; Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур [Текст] / Г. Хофстеде // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2014. – № 12. – С.19–45; Inglehart R. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence [Text] / R. Inglehart, C. Welzel. – N. Y. : Cambridge University Press, 2005. – 344 p.; Shane S. Why do some societies invent more than others? [Text] / S. Shane // Journal of Business Venturing. – 1992. – No. 7. – P. 29–46; Triandis H. C. Culture and social behavior [Text] / H. C. Triandis. – New York : McGraw-Hill, 1994. – 330 p.

⁴ Александер Дж. Смыслы социальной жизни ... С. 505–600.

Модернизационные ценности, как и ценности вообще, формируются, с одной стороны, на основе потребностей (среди которых есть и универсальные, общечеловеческие), с другой стороны – в соответствии с социально-конкретными историческими условиями, формами жизнедеятельности, характерными для общества, группы¹. В конкретных исторических условиях и в соответствии с потребностями общества или социальных групп те или иные ценности могут выступать модернизационными или не являться таковыми, могут как способствовать, так и препятствовать модернизации. Жесткая дихотомия всех ценностей как исключительно модернизационных или немодернизационных, с нашей точки зрения, некорректна.

Во-первых, мотивация модернизационной деятельности в разных культурах может базироваться на разных ценностных основаниях, что исторически и этнически обусловлено различием национальных характеров, менталитета, мышления, предопределяющих те или иные варианты социального действия. В основе модернизации Запада, СССР или Южно-Азиатских стран лежали различные ценности. Индустриальная модернизация СССР в форме социализма, несмотря на все присущие ей противоречия, во многом была успешной, благодаря опоре на коллективистские ценности. Пример Японии или Тайваня показывает, что традиционные для них ценности общинности, солидарности, терпеливости, фатализма сделали возможным значительный модернизационный скачок, подтвердив уникальность социокультурного развития данных стран. Сохранение культурной идентичности позволяет людям сохранять достоинство и уверенность в себе, а это, в свою очередь, служит предпосылкой успешной деятельности².

Во-вторых, одна и та же ценность может быть реализована по-разному, может приобретать различные формы воплощения и в зависимости от этого выступать функциональной или дисфункциональной относительно модернизации. Характер реализации ценностей зависит от многих факторов: культурно-исторического контекста, условий развития конкретной страны или ее регионов, а

¹ Ядов В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности ... С. 31–32.

² Федотова В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации [Текст] / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. С. 269–270.

также от тех или иных социальных акторов, их ресурсного потенциала, потребностей и интересов.

Принимая во внимание идею, что культуру следует рассматривать не только как единую ценностную детерминанту, но и как противоречивый процесс ценностного воспроизводства¹, мы выходим к пониманию противоположности или общности восприятия и реализации ценностей различными социальными группами – региональными, классовыми, гендерными, возрастными и т. п., различий ценностной мотивации деятельности личностей или групп в многообразных конфликтогенных социальных процессах. Отсюда следует, что модернизационный потенциал тех или иных ценностей вариативен не только в разрезе культур различных стран, но и относительно разнообразных социальных акторов внутри страны. Обладание определенными ресурсами, в том числе ценностными, позволяет им реализовывать различные поведенческие стратегии, которые могут способствовать, препятствовать модернизации или не оказывать на нее влияние.

Следует пояснить данные тезисы на примере рассмотрения конкретных ценностей.

Прежде всего, следует остановиться на соотношении традиционных и современных ценностей. Подобно тому, как классики модернизационной теории, а также и некоторые современные теоретики², противопоставляют современность традиции, которая оказывается в той или иной мере исключенной из современной стадии социальной жизни, традиционные ценности во многих подходах не рассматриваются как модернизационные, как имеющие возможность оказывать позитивное влияние на модернизацию.

Преобразования, происходящие сегодня, показывают, что традиция не только не исключается из современности, но усиливается на фоне глобализационных изменений. Глобализация, казалось бы, должна была

¹ Здравомыслов А. Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания [Текст] / А. Г. Здравомыслов // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 3–18.

² См., например: Giddens A. Living in a Post-Traditional Society [Text] / A. Giddens // Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Cambridge : Polity Press, 1994. – P. 56–109.

способствовать исчезновению локальных отличий, в то время как вместо этого происходит их сохранение и укрепление. Вместо интеграции и унификации культурных образцов мы зачастую становимся свидетелями сепаратизма, партисипатизма, обострения интереса к региональным особенностям и традициям далекого прошлого. В то же время оборотной стороной данных процессов становится то, что М. Кастельс назвал «исключающим развитием»¹, а З. Бауман – «новой глобальной иерархией», при которой общемировые и локальные процессы по-прежнему строятся по принципам дискриминации и на основе применения силы². Оказываемое глобальными финансовыми, технологическими, информационными потоками и властными решениями воздействие ведет к фактическому исключению отдельных регионов и социальных общностей из сети глобальных взаимодействий. Проблема диспропорций территориального развития была исторически присуща российскому обществу, однако в современных условиях интеграции в глобальную экономику и культуру данная проблема еще более обострена неравными возможностями включения разных регионов в глобальное развитие³.

Таким образом, традиция является неотъемлемой частью современности, оказывающей на нее влияние. Это объясняется тем, что традиции представляют собой особый вид стереотипов – устойчивых программ воспроизводства образа жизни, форм сознания и поведения индивидов и социальных общностей⁴. Усвоенные программы жизнедеятельности являются необходимым условием функционирования и воспроизводства всего живого, фиксируя устойчивость условий существования и обеспечивая адаптацию к ним⁵. Поэтому традиции сохраняются на протяжении жизни многих поколений. Традиционные ценности, обычаи, верования составляют содержание национальной идентичности, складывающейся в ходе развития национальной истории и культуры. Сохранение

¹ Кастельс М. Информационная эпоха ... С. 392.

² Бауман З. Текущая современность [Текст] / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. С. 200.

³ См. об этом: Шинковский М. Ю. Глокализация как предмет научного исследования [Текст] / М. Ю. Шинковский // Политика. – 2008. – № 2. – С. 46–57.

⁴ Меренков А. В. Социология стереотипов ... С. 68.

⁵ Там же. С. 30.

национальной идентичности соответствует законам воспроизводства стереотипов жизнедеятельности этнических общностей. Кардинальные трансформации идентичности народов противоречат природе воспроизводства человеческой жизнедеятельности, потому как любые изменения усвоенных программ или создание новых возможны только в их связи с опытом прошлого, в условиях частичного преобразования существующих стереотипов, а не полного их отвержения¹. Психические особенности людей не позволяют полностью отказываться от усвоенных стереотипов сознания и поведения и жить лишь новым. Учитывая вышесказанное, можно сказать, что вся современность, несмотря на многочисленные отличия от общества прошлого, пронизана традицией и построена на ней.

Следовательно, и модернизационные ценности не могут противопоставляться традиционным, каждая из них может как способствовать, так и препятствовать модернизации.

Так, как показал П. Бергер, модернизация ряда стран Юго-Восточной и Южной Азии опиралась на традиционные для них культурные ценности и образцы², во многом обусловившие успешность инноваций и развития. Сохранение национальной идентичности способствовало поступательности изменений, основанных на складывающихся веками социокультурных программах жизнедеятельности. Архаичные традиции в то же время могут оказывать и отрицательное влияние, выступая тормозом социально-экономического развития, особенно в условиях ориентации на «восприятие реальности в статике, либо в качестве системы с преимущественно циклическими процессами»³. Кроме того, архаизация отдельных территорий или общностей чревата их исключением из процессов общественного и глобального развития.

¹ Там же. С. 63.

² In Search of an East Asian Development Model [Text] / ed. by P. L. Berger, H.-H. M. Hsiao. – New Brunswick, N. Y. : Transaction Books, 1988. – 242 p.

³ Аузан А. А. Доклад «Культурные факторы модернизации» ... С. 37.

В свою очередь, препятствовать модернизации могут и современные непродуктивные, а подчас и антигуманные ценности, отрицательно и, более того, пагубно сказывающиеся на развитии личности, организации или общества.

Еще одно противопоставление, которое можно обнаружить в теоретических подходах¹, состоит в различении индивидуализма как относящегося к модернизационным ценностям и коллективизма как не являющегося таковым. Однако подобная жесткая дихотомия, на наш взгляд, неосновательна.

Каждой культуре присущи как коллективистские, так и индивидуалистические характеристики сознания и поведения людей. В то же время, согласно исследованиям Г. Триандиса, коллективизм в большей степени свойственен странам Востока и Африки, а индивидуализм – странам Запада². Во многом это способствовало тому, что западные страны опирались в процессе модернизации на ценности индивидуализма, в то время как восточная «современность» выстраивалась на основе коллективистской солидарности. Одновременно истории известны примеры попыток трансформации национальных идентичностей (например, по типу вестернизации как модели модернизации), граничащих с насильственностью изменений, использованием местных ресурсов и отрицанием значения культурно-исторического опыта стран. Модернизация в разных странах базируется на разных ценностных приоритетах, и, более того, в разное время на передовые позиции исторического развития могут выходить те или иные ценности, поддерживаемые и по-разному реализуемые различными социальными акторами (государственными элитами, общественными движениями, теми или иными социальными группами и др.).

Индивидуализм и коллективизм также следует рассматривать в их функциональном и дисфункциональном проявлениях в отношении модернизации.

Индивидуализм функционален в отношении модернизационных преобразований в той мере, в какой он позволяет людям принимать на себя ответственность за события собственной жизни, быть инициаторами тех или иных

¹ См., например: Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России ... С. 5–23; Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте ... С. 19–45.

² Triandis H. C. Culture and social behavior [Text] / H. C. Triandis. – New York : McGraw-Hill, 1994. – 330 p.

изменений, социально и профессионально самореализовываться, проявлять гражданскую активность. Другими словами, субъективно ощущать локус контроля над биографическими обстоятельствами внутри, а не вне себя. И, напротив, дисфункционален в отношении модернизации тот индивидуализм, который приобретает форму исключительно потребительских, бытовых ориентаций и интересов. Как отмечает Н. Н. Зарубина, оборотной стороной процесса «реабилитации» повседневности в России на рубеже XX–XXI вв. и «возвращения домой» политически мобилизованного в эпоху советской модернизации населения стали растущий нигилизм, апатия и гражданская демобилизация, нежелание принимать на себя ответственность за общество и государство¹. Усиление такого рода индивидуалистических ориентаций нельзя назвать способствующим модернизационным преобразованиям.

В свою очередь, коллективизм также может принимать крайние негативные формы, нивелируя качества личной ответственности и инициативности, и, напротив, в своем функциональном начале выступать необходимой составляющей модернизационных изменений. В современных условиях от работников требуется наличие важнейших коллективистских знаний, навыков и качеств, позволяющих обеспечить развитие организации: умение вступать в диалог и работать на достижение общей цели, учиться у коллег, оказывать им помощь, принимать совместные решения или выдвигать альтернативные идеи и др. Не менее важен коллективизм при включении в различные общественные организации и движения, гражданской активности и небезразличии.

В современных условиях возрастает значение ценностей открытости изменениям. Данные ценности также должны дискутироваться в контексте характера их влияния на модернизацию.

В условиях «текущей современности»² как перехода от сложного структурированного мира, построенного на основе социальных обязательств, к

¹ Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций ... С. 58–59.

² Термин З. Баумана. См., например: Бауман З. Текущая современность [Текст] / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.; Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 12.03.2017).

изменчивой, подвижной действительности, человек вынужден становиться гибким, мобильным, способным к быстрым изменениям, готовым воспринимать новое и создавать его в разных сферах социальной действительности.

Отсюда вытекает другая ценность – ценность риска – как обратная составляющая изменений. С одной стороны, сами риски, индуцируемые и производимые модернизацией¹, глобализацией², естественной средой, побуждают современных людей быть гибкими относительно изменения бытовых стандартов, квалификации, места работы, места проживания, образа или стиля жизни. То же касается организационной деятельности, требующей от работников способности и готовности к нововведениям. Способность инициировать инновации, поддерживать новое, адаптироваться к рискам повышает социальные возможности людей, организаций, социальных общностей. Стремление же сохранить и упрочить существующее положение может препятствовать оптимальной жизнедеятельности и развитию.

С другой стороны, инновации сами часто сопряжены со слабо просчитываемыми или латентными рисками, угрожающими безопасности человека, организации или общества в целом. Повседневность, которая раньше обеспечивала стабильность, не успевает в современных условиях за быстрыми изменениями информационной, технологической, культурной, социальной среды, а потому все больше превращается в источник тревоги и неуверенности³. Тревожность становится атрибутом современности, порождая дистрессы. Отсюда не снижается, но увеличивается значение ценностей безопасности, сохранительных ценностей, которые исходят из природы человека, его потребности к сохранению своей жизни и здоровья. К тому же, способность адаптироваться к рискам и продуцировать новации зависит от ресурсного

¹ См. об этом: Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

² См. об этом: Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность [Текст] / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – №. 5. – С.107–134; Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс ; пер. с англ. – М. : Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.

³ Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций ... С. 58–59.

потенциала тех или иных социальных групп – их культурных, образовательных, социальных или экономических ресурсов.

Следует также отметить, что продуцирование инноваций или риска может преследовать интересы, противоречащие модернизационным процессам. Как убедительно показывает О. Н. Яницкий, производство риска в современном обществе прибыльно¹. Риск выступает новым стратифицирующим критерием, разделяя общество на производителей и потребителей риска и формируя соответствующие солидарности: с одной стороны, это общности людей, которые посредством приватизации национальных ресурсов и воспроизводства структур общества, производят риски, действуя в своих эгоистических интересах; с другой стороны – те, кто так или иначе адаптируются к ним или им противостоят, защищая здоровье и безопасность природы и общества². Отсюда ценность риска по-разному реализуется разными общностями, влияние которых на модернизацию, таким образом, также оказывается различным. То же можно сказать об инновациях.

В условиях субъективизации и индивидуализации рисков³, возрастающей мобильности, необходимости инициирования изменений особенно высокую значимость приобретает модернизационный потенциал ценности самостоятельности. Причем данная ценность еще больше актуализируется по причине многообразия жизненных выборов, ролей, стилей и стратегий⁴, предлагаемых обществом современному человеку взамен относительно устойчивых и стабильных социальных структур, образцов и норм. Необходимость принимать жизненные решения и нести за них ответственность ложится на плечи самого человека.

¹ Яницкий О. Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции [Текст] / О. Н. Яницкий // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 2. – С. 5–15.

² Яницкий О. Н. Риск-солидарности: российская версия [Текст] / О. Н. Яницкий // *ИНТЕР*. – 2004. – Том. 1. – № 2–3. – С. 52–62.

³ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

⁴ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации [Текст] / П. Бергер // *Многоликая глобализация* / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 8–24.

Неоднозначно значение и ценностей досуга и потребления для модернизации. Функционально важное значение для модернизационных изменений имеет ценность досуга как способа самореализации, саморазвития и культурного обогащения. Сверхценность досуга как времени потребления¹ (или «потребления пустого времени»²), по-видимому, следует рассматривать как дисфункциональную модернизации. В современную эпоху потребительская культура приобретает новое содержание. Потребление становится не только и не столько способом удовлетворения жизненных потребностей, сколько самоценностью, поддерживаемой мифами массовой культуры, симулякрами, китчем³. Символическое потребление, как это показывает Ж. Бодрийяр, обесценивает реальные качества вещей, возвышая значение их престижа как показателя статуса⁴. Однако изменение потребительских стандартов не решает проблемы социального неравенства. Более того, приоритетными видятся не изменения жизненных стратегий или более масштабные социальные изменения, а симуляция статусности через приумножение вещей.

Тенденции глобализации, интенсивной межстрановой миграции, нарастающей неустойчивости мировой экономики и геополитической ситуации требуют от России быстрых и достаточно кардинальных преобразований, связанных с поиском эффективных способов перехода к «инновационному социально ориентированному типу экономического развития»⁵. Данный переход, активно декларируемый на самом высоком уровне, предполагает опору, в первую очередь, на социальные ресурсы – высокое качество человеческого потенциала, соответствующую институциональную среду, новый тип связей государства, частного бизнеса и общества и пр. Особая роль отводится ценностно-нормативному сознанию, которое, учитывая специфику социокультурных

¹ Аузан А. А. Доклад «Культурные факторы модернизации» ... С. 41–42.

² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака [Текст] / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – М. : Академические проект, 2007. С. 89.

³ Там же. С. 12–19, 67–93, 274–283.

⁴ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. С. 67–93; Его же. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступительная статья С. Н. Зенкина. – М. : Добросвет, 2000. С. 115–125.

⁵ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 23.10.2017).

процессов последних 30 лет в России и «русскую ментальность»¹, должно принять новые «модернизационные» ценности, сохранив при этом ценности традиционные².

На сегодняшний день перед российским обществом стоит достаточно сложная задача, согласно которой формирование и усвоение модернизационных ценностей как ресурса инновационных преобразований должно осуществляться в условиях бережного отношения и сохранения богатого наследия многовековой российской культуры, ее архетипических образов и свойств, традиционных ценностей. Как справедливо отмечает В. А. Ядов, «особый путь» России не тем специфичен, что он отличен от стран – мировых лидеров социально-экономического развития, а тем, что модернизационные преобразования осуществляются сквозь призму присущих российскому обществу особенностей социальных институтов, культурных ценностей, менталитета и стиля поведенческих практик граждан³.

Особая роль в этом процессе принадлежит массовым акторам модернизационного развития. Успешная модернизации – это результат действий своеобразного тандема «власть – общество». По замечанию О. Н. Яницкого, «мотор модернизации – это «впередсмотрящая элита» и связанный с нею слой инноваторов»⁴. «Модернизация сверху» не будет эффективной без активной поддержки заинтересованных в ней социальных акторов, выступающих двигателем модернизационного процесса. Остро стоит проблема поиска акторов, обладающих инновационным ценностным потенциалом и способных выступить агентами модернизации.

Анализ ресурсного потенциала тех социальных групп, которые рассматриваются в качестве акторов модернизации России, с одной стороны,

¹ Новикова Л. И. Словечко «инновация» как «покушение на русскую ментальность» [Текст] / Л. И. Новикова // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 9. – С. 46–47.

² Послание Президента Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 26.03.2017).

³ Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества [Текст] / В. А. Ядов // Мир России. – 2010. – № 3. С. 55.

⁴ Яницкий О. Н. Социальные ограничения модернизации России [Текст] / О. Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2010. – № 7. С. 19.

позволяет отметить значимые элементы в его структуре: определенный культурный капитал в виде профессионального образования, управленческие навыки, творческие качества. К данным группам принадлежат, прежде всего, представители бизнес-сообщества, работники внегосударственного сектора экономики, деятели науки и культуры. Они создают основу для распространения модернизационных ценностей.

С другой стороны, наличие ряда субъективных и объективных факторов затрудняет успешную деятельность рассматриваемых акторов. Такие параметры постиндустриальной модели, как расширение сферы услуг, рост роли образования, науки и инноваций, наличие большого числа квалифицированных специалистов с высшим образованием, управленцев различного уровня и бизнесменов, способных оказывать влияние на развитие экономики и общества, представлены в России недостаточно¹. При преобладании третичного сектора экономики представители этих групп зачастую сталкиваются со многими проблемами: социальной дезориентированностью и отсутствием навыков и нацеленности к освоению новых профессий, созданию инноваций в экономике и социальной жизни²; социальными неравенствами, снижением ресурсного потенциала и т. п.

Модернизация как процесс системных изменений, ориентированных на рост уровня и качества жизни населения, развитие экономики, повышение конкурентоспособности страны, требует формирования модернизационных ценностей, прежде всего, у ключевых акторов модернизационного развития. Ценностный набор данных социальных групп во многом определяют эффективность модернизации.

¹ Беляева Л. А. Культурный капитал, социальный капитал и напряженность социального пространства России [Текст] / Л. А. Беляева // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 6. – С. 27–44.

² Волков Ю. Г. Креативный класс: поиск социологического концепта [Текст] / Ю. Г. Волков // *Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков*. – М. : Новый Хронограф, 2010. – Вып. 9. С. 47.

1.2. Факторы становления и реализации модернизационных ценностей людей среднего возраста

Возраст как ресурс модернизации является на сегодняшний день одним из ключевых направлений исследований. Однако в научной литературе большее внимание уделяется, главным образом, изучению потенциала молодежи¹. Это связывается со специфическими характеристиками молодежной когорты, обуславливающими ее проактивный жизненный потенциал. Активная жизненная позиция, открытость новому, полнота жизненных сил рассматриваются как те социально-психологические, физиологические характеристики молодых людей, которые делают возможным их творческую реализацию, вклад в общественное развитие. Кроме того, большая модернизационная направленность современных молодых людей объясняется с точки зрения отличительных условий их социализации и начала трудового пути, совпавших с периодом общественных трансформаций, что обусловило меньшую выраженность у них экономической и социальной пассивности, по сравнению с более старшими возрастными группами².

Изучению людей среднего возраста как носителей модернизационного потенциала уделяется значительно меньшее внимание. Особенно редки подобные

¹ См., например: Вишневский Ю. Р. Человеческий капитал свердловского студенчества: динамика развития, тренды и проблемы [Текст] / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, Д. Ю. Нархов // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2017. – С. 112–119; Мареева С. В. Российская молодежь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве [Текст] / С. В. Мареева // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2013. – Вып. 12. – С. 361–380; Подвойская Н. В. Жизненные силы молодежи как потенциал молодежного развития России XXI века [Текст] / Н. В. Подвойская // Социальная политика и социология. – 2008. – № 4. – С. 150–158; Российская молодежь в динамике десятилетий. Статистические материалы и результаты исследований [Электронный ресурс] : монография / А. Т. Гаспаршвили, Д. Л. Константиновский, Л. И. Мешкова [и др.] ; Федеральное агентство научных организаций, Институт социологии РАН. – М. : Ин-т социологии РАН, 2017. – 175 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); Темницкий А. Л. Современная молодежь в перипетиях российского рынка труда и образования [Текст] / А. Л. Темницкий // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2017. – Вып. 15. – С. 91–108.

² Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2009. С. 759.

исследования в отечественной науке. С нашей точки зрения, необходимость обращения к анализу представителей когорты среднего возраста как актора модернизации обусловлена рядом следующих причин.

Во-первых, это увеличение продолжительности жизни, чему способствовало общее повышение уровня и качества жизни населения, развитие медицины и повышение уровня медицинского обслуживания в XX в., по сравнению с прошлым. Согласно данным Ф. Хадсона, в настоящее время люди живут в среднем на 25 лет дольше, чем в начале прошлого века¹. Если в 1920 г. средняя продолжительность жизни женщины составляла 54 года, мужчины – 53 года, то в 1988 г. – 78 лет и 71 год соответственно. По прогнозам, к 2040 г. средняя продолжительность жизни увеличится для женщин до 91,5 лет, для мужчин – 85,9 лет². Соответственно, увеличиваются и границы среднего возраста. В России за период с 1989 по 2015 год средний возраст россиянина вырос на 4,8 года, до 39,5 лет³. Для сравнения, в Америке в 1991 г. средний возраст составлял 35 лет, по прогнозу ученых, к 2025 г. он достигнет 40 лет⁴.

Во-вторых, увеличение продолжительности жизни закономерно увеличивает и период активной жизнедеятельности людей в различных сферах, включая трудовую или общественную. Рост ценности здоровья и нацеленность на сохранение активности ведут к тому, что многие продолжают вести активный образ жизни и в старости.

В-третьих, наблюдается тенденция к увеличению жизненных возможностей в среднем возрасте⁵. Если, наряду с другими характеристиками, демографическая модернизация проявляется в увеличении продолжительности жизни⁶, то социальная – в расширении возможностей личного выбора в реализации тех или

¹ Приводится по: Солодников В. В. Объект исследования – «средний возраст» человека [Текст] / В. В. Солодников, И. В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 1 (89). С. 169.

² Там же.

³ Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Электронный ресурс] / И. Г. Калабеков. – Режим доступа: <http://refru.ru> (дата обращения: 04.05.2016).

⁴ Солодников В. В. Объект исследования – «средний возраст» человека. С. 168.

⁵ Hudson F. M. The Adult Years [Text] / F. M. Hudson. – N.Y. : Jossey-Bass Publishers, 1991. – 352 p.

⁶ См., например: Демографическая модернизация России, 1900–2000 [Текст] / под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Новое издательство, 2006. – 608 с.

иных жизненных стратегий¹. В прошлом люди руководствовались на каждом возрастном этапе жизни устойчивыми социальными ролями и образцами поведения в различных сферах жизнедеятельности (семье, труде и т. п.), что закреплялось традициями и обуславливалось сравнительно более низкими темпами социокультурных изменений. В настоящее время социальная жизнь более разнообразна и изменчива, но одновременно – и более рискогенна.

В-четвертых, представителей когорты среднего возраста характеризует определенный, накопленный в процессе социального становления и развития, воспитания, образования, трудовой деятельности запас социокультурных ресурсов, который создает большие возможности для их участия в модернизационных процессах. Этому способствует и удлинение границ молодости в связи с увеличением этапа получения образования, во время чего происходит накопление личностных и статусных ресурсов.

В современной социологии отсутствуют полные и в достаточной степени обоснованные теоретические обобщения о понятии «средний возраст». Люди среднего возраста как особая социально-демографическая группа характеризуются общностью возрастных черт, социально-статусными особенностями и спецификой выполняемых социальных ролей, а также связанными с ними социально-психологическими качествами. Нет и единства во мнении относительно определения границ среднего возраста, что в целом обусловлено отсутствием общепринятой систематизации возрастных периодов развития².

Современная социальная геронтология предлагает следующую возрастную периодизацию для старшего поколения: 30–60 лет – «средний возраст»; 60–75 лет – «пожилой возраст»; 75–90 лет – «старческий возраст»; свыше 90 лет –

¹ См. об этом: Berger P. L. Facing Up to Modernity: Excursions in Society, Politics and Religion [Text] / P. L. Berger. – New York : Basic Books, 1977. – 233 с.

² Рыжов Б. Н. Системная периодизация развития [Электронный ресурс] / Б. Н. Рыжов // Системная психология и социология. – 2012. – № 5. – Режим доступа: http://systempsychology.ru/journal/2012_5/85-ryzhov-bn-sistemnaya-periodizaciya-razvitiya.html (дата обращения: 21.03.2016).

«долгожители»¹. 30-летний рубеж рассматривается многими учеными как верхняя граница молодежного возраста².

С нашей точки зрения, целесообразно обозначить границами среднего возраста период от 30 до 60 лет. Для данной социальной группы характерны следующие особенности, определяющие специфику разделяемых ценностей.

Во-первых, представителей когорты среднего возраста в большей мере, нежели старшую возрастную группу, характеризует преимущественно активная «стратегия контроля над обстоятельствами», которая предусматривает самостоятельное целеполагание, принятие решений, осуществление поступков и действий в большей мере независимо от средовых условий³. Подобно другим возрастным группам, люди среднего возраста являются социальными акторами, чья деятельность обусловлена как ориентацией на собственные ценности и цели, так и потребностью в приспособлении к обстоятельствам окружающей среды. Согласно исследованиям В. В. Семеновой, «стратегия контроля» над жизненными обстоятельствами, формируемая людьми, обладает специфическими особенностями на разных стадиях возрастного развития: для более молодых возрастов в большей мере характерна «достижительная» стратегия, в то время как для более старших – стратегия «выживания»⁴. Подобные жизненные стратегии усиливают в ценностно-мотивационной структуре личности людей среднего возраста установки на самостоятельность, независимость, личную ответственность, самореализацию и достижение.

Во-вторых, средний возраст характеризуется формированием довольно высокого уровня генеративности, включающей производительность и

¹ Феофанов К. А. Виктор К. Старость в современном обществе: руководство по социальной геронтологии [Текст] / К. А. Феофанов // Социальная геронтология: современные исследования. – М. : РАН ИНИОН, 1994. С. 52.

² См., например: Иконникова С. Н. Молодежь: Социологический и социально-психологический анализ [Текст] / С. Н. Иконникова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 166 с.; Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи [Текст] : монография / В. В. Павловский. – М. : Академический проект, 2001. – 301 с.

³ Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства [Текст] / В. В. Семенова // Россия реформирующаяся: ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Институт социологии РАН, 2004. – С. 157–170.

⁴ Там же. С. 159.

креативность¹. Э. Эриксон связывает выражение генеративности у мужчин преимущественно с творчеством, у женщин – с заботой о семье, рождением и воспитанием детей². Трансформация гендерных ролей в современном обществе привела к изменению подобной ситуации. Сегодня, несмотря на сохраняющееся гендерное неравенство, значительна роль женщин в экономических отношениях, в целом возможности их самовыражения в иных сферах, в то же время наметилась некоторая тенденция к увеличению вовлеченности мужчин в семейное воспитание. Общее расширение круга возможностей для самореализации в различных областях жизнедеятельности служит дополнительным стимулом генеративности. Однако исследования Э. Эриксона показывают, что существует негативное проявление развития идентичности личности на средневозрастном этапе жизни – сосредоточенность преимущественно на собственных потребностях и интересах, что может вести к личностному застою, и, соответственно, снижать возможности реализации творческого потенциала личности, приводя к ее физической и психологической инвалидности³. Таким образом, ценности самовыражения и творческой самореализации являются важнейшими составляющими средневозрастного этапа жизни. В то же время на данном этапе возможно усиление значимости для человека ценностей индивидуальной частной жизни, семьи и стабильности, снижающих выраженность самореализации и саморазвития.

Третья черта представителей средневозрастной когорты, связанная с предыдущей – это расцвет их профессиональной деятельности, характеризующейся высокой продуктивностью и сопровождающейся профессиональным оптимизмом⁴. В частности, исследования Д. Сьюпера

¹ Эриксон Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эриксон ; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеев. – СПб. : Летний сад, 2000. – 415 с.; Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон ; пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых.– М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344.

² Приводится по: Солодников В. В. Объект исследования – «средний возраст» человека. С. 170.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон ; пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых.– М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 149.

⁴ См., например: Зеер Э. Ф. Психология профессий [Текст] : учеб пособие для вузов / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 336 с.; Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека [Текст] / Ю. П. Поваренков ; Ун-т Рос. акад. образования. – М. : Изд-во УРАО, 2002. –159 с.; Super D. E. Theory of Vocational Development [Text] / D. E. Super // American Psychologist. – 1953. – Vol. 8. – № 5. – P. 185–190.

показывают, что в молодом возрасте (15–24 года) индивида характеризует исследовательская направленность в отношении поиска и проб профессиональных ролей в соответствии с имеющимися возможностями, способностями и навыками, в то время как в более старших возрастах, включая средний, человек проходит через этапы укрепления карьеры (25–44 года) и сохранения достигнутого (45–64 года), где наиболее полно реализует свои силы, после чего начинается постепенный профессиональный спад и освоение новых ролей¹. Многолетние исследования российского ученого А. Л. Темницкого и его коллег свидетельствуют о том, что с увеличением стажа работы на предприятии, возраста работников происходит возвышение показателей их профессионализма². В трудовой сфере находят выражение такие значимые для людей средних лет ценности, как трудовая самореализация, профессиональное совершенствование и мастерство, карьерная мобильность и достижение.

Однако, подобная положительная тенденция не всегда коррелирует с ростом соответствующего уровня дохода. Уровень доходов людей среднего возраста неравномерен, он отражает общую тенденцию снижения при увеличении возраста, что можно отметить как еще одну характеристику. При этом в России пик доходов приходится на возраст 30 лет, в группах с наиболее высокими заработками лидируют 30–39-летние³. Данная тенденция служит показателем иной, по сравнению с советским периодом, направленности распределения доходов между поколениями, когда наибольшую материальную обеспеченность демонстрировали старшие возрастные группы (в частности, люди в возрасте 50–60 лет)⁴. Это может быть объяснено рядом причин: лучшей адаптацией более молодых когорт к рыночной экономике и быстро меняющимся социально-экономическим и профессиональным условиям, требующим мобильности;

¹ Super D. E. Theory of Vocational Development. P. 185–190.

² Темницкий А. Л. Социокультурная модель наемного работника рыночного типа [Текст] / А.Л. Темницкий // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 3-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 376–385.

³ Косова Л. Б. Третий возраст: социальное самочувствие [Электронный ресурс] / Л. Б. Косова // Демоскоп Weekly. – 2015. – № 667–668. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/tema05.php> (дата обращения: 08.07.2016).

⁴ Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс ... С. 159, 163.

произошедшим на протяжении 1990-х гг. снижением уровня жизни населения с сопутствующей трудностью в адаптации к изменившимся условиям старших возрастов; создаваемые новыми экономическими отношениями возрастные ограничения, в ряде случаев граничащие с дискриминацией. Отсюда можно заключить, что более молодые когорты отличает большая ориентация на соответствующие потребностям рынка ценности предприимчивости, достижения и самостоятельности; кроме этого, в сознании средневозрастной когорты актуализирована ценность социальной справедливости в условиях высоких социальных неравенств.

В-пятых, есть основания полагать, что с увеличением возраста снижается самооценка социального благополучия и социального самочувствия¹, означающие, что люди среднего возраста в целом, с точки зрения социальных характеристик, ощущают себя лучше, чем более старшее поколение, но несколько хуже, чем молодежь. Самооценка социального благополучия коррелирует, прежде всего, с материальным положением и уровнем дохода. Люди среднего возраста на шкале «нищие – богатые» занимают более высокое положение, чем старшая возрастная группа. В то же время наиболее благополучно ощущают себя молодые люди до 24 лет включительно². Похожую закономерность можно проследить и в отношении субъективной оценки по шкале «совсем бесправные – имеющие большую власть»³. Указанные особенности обостряют ценности социальной справедливости и равенства, безопасности и прав человека.

Рассмотрение людей среднего возраста в качестве проводников модернизационных процессов обусловлено относительно более высокими показателями развития их человеческих ресурсов. К средневозрастному периоду жизни формируется запас значимых образовательных знаний, навыков, компетенций, продолжается накопление практического опыта, формируется

¹ См., например: Голенкова З. Т. Некоторые аспекты современной жизни российского предпринимателя [Текст] / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 183–196; Гурко Т. А. Социологический аспект социальной стратификации в постсоветской России [Текст] / Т. А. Гурко // Гендерные тетради / науч. ред. А. А. Клецин. – СПб. : СПб. филиал Института социологии РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 55–70.

² Гурко Т. А. Социологический аспект социальной стратификации ... С. 61.

³ Там же.

довольно высокий уровень производительности, постепенно достигается расцвет профессионального мастерства. Работающих людей среднего возраста, уже прошедших довольно длительный трудовой путь, отличает не только значительный профессиональный, творческий потенциал, но и потребность в его дальнейшем совершенствовании и реализации путем профессиональной мобильности, связанного с ней обучения, а также взаимного обмена и передачи опыта, в том числе, более молодым. Наличествуют установки и в повышении уровня заработной платы как значимого условия поддержания оптимальной индивидуальной жизнедеятельности и благополучия семьи, что также стимулирует трудовую активность. Таким образом, культурный капитал и потенциал средневозрастной когорты, их последующее развитие в процессе жизненного пути выступают принципиально значимыми факторами реализации модернизационных изменений различных областей и сфер жизни общества.

В качестве типичных социально-статусных характеристик средней возрастной группы необходимо назвать: активную трудовую деятельность, обусловленную, в том числе, относительно более высокими показателями социального и физического самочувствия; продолжающуюся карьерную мобильность; выполнение супружеских и родительских ролей, сочетаемых в старшем среднем возрасте с заботой о внуках и пожилых родителях. Кроме этого, анализируемая возрастная группа объединяет внутри себя несколько поколенческих когорт, отличных друг от друга как реализуемыми социальными ролями, так и сформированными ценностями, установками, интересами.

Представители «средневозрастной группы» в современной России, безусловно, внутренне дифференцированы, однако объединяет их важная черта – рождение и социализация (по крайней мере – первичная) в советский период (нынешние тридцатилетние родились в 1986 г.), характеризующийся острым противостоянием социализма и капитализма, пропагандой коммунистических идеалов и ценностей – социальной справедливости, государственного

патернализма, интернационализма, атеизма¹. Кроме того, данная социально-демографическая группа испытала сильнейшее воздействие со стороны политических и экономических преобразований 1990-х гг., длительного нахождения общества в состоянии транзитивности. Следовательно, процесс становления и реализации модернизационных ценностей людей среднего возраста в современной России принципиально отличается от аналогичного процесса, например, в группе молодежи.

Становление ценностей представляет собой процесс их интериоризации, то есть внутриличностного формирования целостной и иерархически упорядоченной системы ценностей посредством усвоения внешней социальной деятельности². Будучи усвоенными, ценности становятся важнейшими детерминантами человеческого поведения, определяя стратегию целенаправленной деятельности личности и выступая в качестве критериев оценки реальности³. В этом проявляется процесс реализации ценностей – детерминации ими человеческого поведения в повседневной практической деятельности – семейных, дружеских и организационных отношениях, труде, быту, досуге.

Являясь устойчивыми культурными конструктами, ценности изменяются в течение достаточно длительного периода времени. В силу этого данные изменения сопрягаются с процессами смены целых поколений людей. Исследования в области социологии и психологии дают основания полагать, что ценности, сформированные в молодые годы, сохраняются в основе своей на протяжении всей последующей жизни⁴. В нашем анализе важной представляется гипотеза социализационного лага Р. Инглхарта, согласно которой «состояние социально-экономической среды и ценностные приоритеты не соотносятся между

¹ См. об этом: Архангельский А. Базовые ценности: инструкции по применению [Текст] / А. Архангельский. – СПб. : Амфора, 2006. С. 29.

² Выготский Л. С. Избранные психологические исследования [Текст] : Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Л. С. Выготский ; под ред. и со вступ. статьей А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. – 519 с.; Дюркгейм Э. Социология и теория познания [Текст] / Э. Дюркгейм // История психологии периода открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX в.) : тексты / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – 2-е изд., доп. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – С. 273–297.

³ Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности ... С. 130–133.

⁴ См. об этом: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–23; Alwin D. F. Political Attitudes over the Life Span: The Bennington Women after Fifty Years [Text] / D. F. Alwin, R. Cohen, Th. Newcomb. – Madison, Wis. : University of Wisconsin Press, 1991. – 422 p.

собой непосредственно»: между ними существует определенный временной лаг, обусловленный тем, что базовые ценности индивида отражают социальные условия тех лет, которые предшествовали его совершеннолетию¹. На наш взгляд, формирование базовых ценностей не следует очерчивать границами совершеннолетия: молодежный возраст характеризуется по большей мере неустойчивостью ценностно-мировоззренческих позиций, амбивалентностью поведенческих установок². Скорее, вместе с завершением молодости формируется наиболее прочный фундамент базовых ценностей. К этому следует добавить и то, что ряд социальных факторов, особо сильно проявивших себя в XX веке – таких как увеличение длительности получения образования, соответствующее этому более позднее вступление в трудовую деятельность и отделение от родительской семьи – повысили верхнюю границу молодежного возраста, тем самым продлив этап обретения не только социального статуса взрослого, но и соотносимого с ним корпуса мировоззренческих убеждений. Вместе с этим, польза гипотезы социализационного лага состоит в том, что она указывает на значимость анализа факторов, влияющих на формирование системы ценностей людей разных поколений. При этом, она не противоречит тому факту, что человеческое развитие никогда полностью не завершается. Более интенсивно оно осуществляется в ранние годы, до достижения человеком зрелости. Дальнейшее изменение ценностных приоритетов происходит сложнее в силу того, что у человека формируется особая система убеждений – тех ценностей, которые выступают наиболее устойчивыми детерминантами его поведения³. С одной стороны, убеждения являются показателем зрелости личности, способной к самостоятельному принятию решений. С другой стороны, они могут стать источником консерватизма в системе интересов, когда новое не принимается, что

¹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности ... С. 14.

² Hall G. S. Stanly Adolescence: Its Psychology and Its Relation to Psychology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education [Text] / G. S. Hall. – N. Y. : D. Appleton and Company, 1904. – 799 p.

³ Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности. С. 132.

приводит к угасанию потребности развития¹. Таким образом, убеждения могут являться препятствиями на пути изменения ценностей.

Исследования, проводимые отечественными и зарубежными учеными (А. Н. Алексеев, Б. Г. Ананьев, П. Б. Балтес, П. Й. Перун, Д. Д. В. Биелби и др.), свидетельствуют в пользу гипотезы о достаточно высокой роли прошлых обстоятельств биографического пути для формирования различных компонентов актуальной жизнедеятельности человека². Нас интересуют, прежде всего, факторы, обусловившие становление и реализацию коллективных ценностей людей, которые к настоящему времени достигли границ среднего возраста – 30–60 лет. Это требует обращения к анализу тех социальных условий, в которых происходил процесс их социализации в молодом возрасте и которые сопровождали их коллективные биографические пути в дальнейшем. Схожие социальные условия, общие социальные контексты выступают основными факторами, формирующими коллективно разделяемые ценности и убеждения. Сложившаяся во время наиболее интенсивного формирования личности система ценностей современного поколения людей среднего возраста во многом продолжает определять их поведение, принимаемые решения и жизненные планы. А это означает, в том числе, и ценностную обусловленность модернизационно ориентированной деятельности.

Социальные контексты, в которых складывалась жизнь поколений – такие как реализация официальных идеологий, экономические реформы, политические трансформации, культурные революции и прочее – являются, на наш взгляд, ключом к объяснению жизненной позиции представителей данных поколений, а также многих явлений в сфере труда, быта, семейных отношений, досуга.

¹ Там же. С. 132–133.

² Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия [Текст]. В 4 т. Т. 1 / А. Н. Алексеев. – СПб. : Норма, 2003. – 592 с.; Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.; Балтес П. Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни [Текст] / П. Б. Балтес // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 60–80; Perun P. J. Structure and dynamics of the individual life course [Text] / P. J. Perun, D. D. V. Bielby // Life course: Integrative theories and exemplary populations / Ed by K. W. Back. – Boulder, CO : Westview Press, 1980. – P. 97–119.

Временной промежуток, отделяющий сегодняшних 30-летних от 60-летних, значителен, он охватывает большое количество многообразных исторических событий, оказавших влияние на становление ценностного мира социальной группы людей среднего возраста. В аналитических целях мы рассмотрим особенности социализации людей среднего возраста в разрезе трех возрастных когорт: 50–60-летних, 40–50-летних и 30–40-летних. Данное разделение условно, границы между выделенными когортами весьма подвижны, и внутри по своим базовым ценностям представители данных когорт также могут отличаться в зависимости от среды взросления, культурного контекста, социальных, образовательных и технологических возможностей и т. п. Однако, подобное деление позволит выделить некоторые ключевые социализирующие факторы, оказавшие влияние на становление и реализацию ценностей представителей данных когорт, а значит – общие и специфические ценностные тренды, отличающие или сближающие выделенные возрастные группы.

Самая старшая возрастная когорта – это люди, родившиеся в интервале между 1957 и 1967 гг., в настоящее время им от 50 до 60 лет. Если следовать поколенческому анализу, предпринимаемому рядом российских ученых, то людей данного возраста можно отнести к таким социокультурным типам поколений, как «доперестроечное поколение» (условные годы рождения – 1940–1960-е гг.) и поколение «переходного периода» (1960–1980-е гг.)¹, к поколению «застоя» (1944–1968 гг.)², «бэби-бумерам» (1943–1963 гг.)³. Социальное становление данной возрастной группы в значительной мере отражает характер социалистической идеологии и практики, социальная сущность которой состояла в «”переходе к современности”», или социалистическому модерн-проекту, альтернативному западному»⁴. Их ранняя социализация и юность совпали с

¹ Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс ... С. 162.

² Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования [Текст] / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5. С. 8.

³ Чумаков В. За икса не отвечаю [Текст] / В. Чумаков // В мире науки. – 2013. – № 3. С. 78.

⁴ Коровицына Н. В. Социокультурный разрыв 1980-х годов в Центральной и Восточной Европе: польский случай [Текст] / Н. В. Коровицына // Социс. – 2009. – № 11. С. 21.

границами одного из самых длинных периодов советской истории – «застоя» 1964–1985 гг., а молодость – с Перестройкой второй половины 1980-х гг.

Период «застоя» характеризовался относительной социальной стабильностью, что означало, прежде всего, отсутствие революционных и военных событий в стране, массового террора, репрессий и голода. Уже поколение родителей детей «застоя» можно назвать, по замечанию Ю. А. Левады, «первым в советской истории поколением, свободным от массового страха и связанным с надеждами на гуманизацию социализма»¹, что во многом было определено начатками либеральных реформ тоталитарного режима во время Хрущевской оттепели 1953–1964 гг. Эпоха Л. И. Брежнева была ознаменована определенным экономическим ростом (пусть и более низким, нежели фиксировала официальная статистика), выразившемся, в частности, в успехе 8-й «золотой» пятилетки 1966–1970 гг., строительстве крупных предприятий, реальном росте продукции. СССР одерживал новые космические победы. В сфере культуры создавались гениальные фильмы и другие достижения человеческой мысли. Все это позволило части представителей интеллигенции охарактеризовать данный период как «золотой век» и эпоху процветания. Детство и молодость рожденных в эпоху «развитого социализма» проходили в условиях относительного достатка: семьи имели более высокий, чем в предыдущие годы советской власти, уровень жизни.

Таким образом, начало вхождения в социальную жизнь и социализация в молодом возрасте представителей данной возрастной когорты осуществлялись, как и у поколения их отцов, будучи глубоко обусловленными законами социалистического строя, что вело к межпоколенной преемственности основных ценностей, норм поведения и жизненных установок. Составить представление о ценностях как свойстве менталитета россиян в то время позволяют, в частности, данные Б. А. Грушина². Прежде всего, следует сказать, что сравнительные

¹ Левада Ю. А. Поколения XX века ... С. 8.

² Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах [Текст]. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. – М. : «Прогресс-Традиция», 2001. – 624 с.; Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов

результаты исследований коллективных ценностей населения в эпохи Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева фиксируют в целом соответствие ценностей друг другу в эти два периода. Приоритетными жизненными ценностями, относящимися к типу общечеловеческих, являлись «мир на Земле» и «высокая духовность, нравственность»¹. Первая из указанных ценностей, по замечанию Б. А. Грушина, связывалась людьми как с личным благополучием, счастьем родных и близких, так и с благополучием человечества в целом, что соответствовало идеологии социализма и выступало условием его распространения в мире. Вторая ценность отодвигала на второй план материальные блага, достаток, что свидетельствовало о высокой роли и превалировании в сознании населения духовно-нравственного богатства личности (ценностей добра, честности, ответственности, долга) над материалистическими устремлениями. Общество «относительного достатка» обеспечивало меньшую обеспокоенность людьми проблемами материального характера, такими как доходы, материальная обеспеченность и безопасность, во многом обуславливая приверженность нематериалистическим (постматериалистическим, в терминологии Р. Инглхарта) ценностям – эстетическим, нравственным и интеллектуальным ценностям, самовыражению, качеству жизни и т. п. Особую приверженность подобным ценностным ориентациям демонстрировали представители ядра анализируемой нами молодой когорты – потомственная молодая интеллигенция, наследующая устремления своих родителей². В связи с этим, большой, входящей в число наиболее значимых, являлась и ценность образования. Эта ценность несла в себе не только инструментальный смысл, который, без сомнения, также был важен (образование как средство обретения соответствующей интересам профессии, как важное условие карьерной мобильности и т. п.), но и терминальный (образование,

общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах [Текст]. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 1-я) / Б. А. Грушин. – М. : «Прогресс- Традиция», 2003. – 448 с.; Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах [Текст]. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я) / Б. А. Грушин. – М. : «Прогресс- Традиция», 2006. – 464 с.

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 856.

² Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 264–265.

которое значимо «само по себе», ради знания)¹. Напротив, содержательный, приносящий удовлетворение творческий труд не входил в число приоритетных ценностей: большинство людей рассматривали трудовую деятельность как способ материального обеспечения.

Крайне важной ценностью того времени было также «благополучие Родины», которую Б. А. Грушин относит к разряду новых, собственно социалистических ценностей, породивших в массовом сознании оппозицию «мы – они» или, более содержательно – «социализм – капитализм» («социализм – не-социализм»)². Оппозицию, где несомненным для большинства оказывался выбор в пользу социалистического уклада жизни. Данная ценностная установка обуславливала ключевые жизненные выборы, принимаемые решения и осуществляемые в процессе развертывания биографического пути социальные действия людей. Вместе с тем, некоторая часть населения – преимущественно молодого возраста – все в большей мере начинала ориентироваться на иные, западные, или капиталистические, модели общественной жизни.

Во многом это свидетельствовало о нарастающем кризисе советского общества, что не могло не сказаться на ценностных ориентациях населения и его общем социально-психологическом самочувствии. Несмотря на ряд положительных процессов, в обществе «застоя» наличествовали масштабные социальные противоречия: рост количества производимой продукции не сопровождался улучшением ее качества; вырелась проблема дефицита товаров; общее повышение благосостояния не соответствовало потребностям людей; «бархатные репрессии» исключали атмосферу всеобщего страха, но одновременно – и свободу слова; искусство находилось под жестким контролем партии. В массовом сознании все более четко вырисовывалось понимание того,

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 856; Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски [Текст]. В 6 т. Т. 4. Историко-биографические поиски. Продолжение бесед с социологами / Б. З. Докторов. – М. : ЦСПиМ, 2014. С. 241.

² Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 857.

что программа строительства коммунистического общества рухнет, это вызывало разочарование в идеалах.

Подобные противоречия накапливались в течение длительного времени. Индустриализация как основа первичной модернизации завершилась в Советском союзе в 1960-е гг. Она сопровождалась процессами специализации и стандартизации промышленного производства, бюрократизацией управления, урбанизацией, распространением городских форм жизни, рационализацией мышления. Успехи индустриального общества позволили создать в СССР систему социального государства, поддерживающую основные социальные гарантии¹. Но советская социально-экономическая модель второй половины XX в., по оценке А. В. Шубина, характеризовалась как централизованное индустриальное общество, в котором ключевые социально-экономические проблемы все в большей мере обуславливались нарастающим противоречием между крайней степенью монополизма и бюрократизации социальных отношений, «вертикальными управленческими связями» и «растущей автономизацией, развитием горизонтальных, равноправных связей»². Цели индустриальной модернизации были достигнуты, нужны были новые целевые ориентиры, понимания которых не было у правящего слоя под руководством Л. И. Брежнева³. Попытка стабилизировать партийным руководством советский режим при непринятии как массовых репрессий, так и реформ привела к стагнации экономики, что не позволяло на должном уровне обеспечивать ни необходимые темпы роста жизненного уровня населения, ни интенсивное техническое обновление производства⁴. Тем самым политика стабилизации обусловила, в конечном итоге, социально-экономический кризис в обществе.

¹ Шубин А. В. СССР в апогее: как мы жили [Электронный ресурс] / А. В. Шубин // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2 (52). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/sh2.html> (дата обращения: 09.07.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. об этом: Заславская Т. И. «Новосибирский манифест» (1983 г.): О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии [Текст] / Т. И. Заславская // Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М. : Изд-во «Дело», 2002. – С. 18–40.

Указанные социальные обстоятельства, не изменяя в корне ценностных оснований общества, способствовали, вместе с тем, ряду ценностных изменений. Несмотря на то, что ценностная иерархия населения в эпоху «застоя», по сравнению с началом 1960-х гг., практически не изменилась, многие ценности стали иметь большее или меньшее выражение на ценностной шкале. Как отмечал Б. А. Грушин, система ценностей «претерпела поистине драматический сдвиг “по фазе”»¹. И обусловлено это было, прежде всего, тем, что задача построения «нового, коммунистического, общества», которая на протяжении десятилетий реализовывалась в стране, была фактически снята с повестки дня, в то время как иных целевых ориентиров не было. Это лишало население понимания того, ради достижения каких целей стоит жить, к чему стремиться.

Каковы были ключевые тенденции в изменении ценностного сознания населения в годы «застоя», которые сказались и на ценностном сознании молодежи? Во-первых, следует отметить зафиксированную многими социологическими исследованиями тех лет формирующуюся диспропорцию между ценностями семейно-бытовой, досуговой и социально-творческой, общественно-гражданской сфер жизнедеятельности людей². Постепенно все больше усиливалось внимание к институту семьи, дружескому общению в противовес обратной тенденции – все большей утрате ориентации на общественно-политическую активность, которая ранее выражалась, в частности, в участии населения в различных публичных мероприятиях (манифестах, митингах и т. п.) и деятельности разнообразных общественных организаций (политических, профессиональных, культурно-просветительских, оборонно-спортивных и др.). Данная тенденция может быть объяснена несколькими причинами. Та часть населения, которая утрачивала уверенность в идеалах коммунистического

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 858.

² См., например: Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 858; Докторов Б. З. Современная российская социология ... С. 120-121.

общества, искала опоры в традиционных общечеловеческих ценностях¹. Это находило выражение в постепенной замене социалистических идеалов и практик, утверждавших безусловный приоритет общественных, коллективных интересов, на абсолютно противоположные – сосредоточенные в сфере частной, индивидуальной жизни, частного общения. Следствием данных процессов выступало нарастание социальной разобщенности в обществе, рост различий в оценках происходящих изменений в стране и мире².

Еще одним фактором, обусловившим указанную тенденцию в изменении ценностного сознания советских граждан во время «застоя» и, как следствие, снижение их социальной активности, выступило падение эффективности различных видов деятельности (трудовой, общественной и т. п.)³. Чрезмерная формализация и бюрократизация организационных отношений снижали заинтересованность граждан в том, чтобы быть социально активными. В том числе, подобные проблемы коснулись и творчески ориентированных представителей среднего слоя – интеллигенции, которая зачастую сталкивалась с трудностью внедрения инноваций в условиях централизованной бюрократизированной экономики. Фактически закрытый характер социальной мобильности и увеличение социальных барьеров усиливали переориентацию населения на сферу семьи, частной жизни, быта и потребления.

Второй значимой тенденцией в изменении ценностного сознания следует обозначить нараставший конфликт трудовых ценностей, разделяемых и реализуемых советскими гражданами, и нормативных установок социалистической идеологии⁴. В частности, подобный вывод основывается на результатах исследования отношения рабочих к труду, проведенного под

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 869.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Магун В. С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание [Электронный ресурс] / В. С. Магун // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/Magun-statya-MirRoss-98.pdf> (дата обращения: 08.08.2017).

руководством В. А. Ядова¹. Как известно, в рамках социалистической идеологии был концептуально обоснован приоритет, во-первых, общественно ориентированных ценностей и мотивов труда над личностно ориентированными, включающими заботу об индивидуальном и семейном благополучии; во-вторых – духовных (признающих самоценность трудовой активности как способа удовлетворения потребности личности в самореализации и познании нового) над материальными (связанными с получением дохода). Согласно результатам вышеупомянутого исследования, приоритетной в сознании рабочих становилась ценность высокой заработной платы, а также связанных с ней и способствующих ее достижению ценностей: надлежащих производственных условий, качественного оборудования, равномерного обеспечения работой и т. п. В то же время трудовая самореализация и повышение профессиональной квалификации находились на последних местах в иерархической структуре трудовых ценностей².

Вывод о распространении и укреплении инструментального отношения к труду был получен и рядом иных исследований, фиксирующих снижение заинтересованности работающего населения в процессе и результатах труда, трудовой инициативе и ответственности³. Объяснение подобной тенденции следует искать, прежде всего, в социальной среде советского общества. Уже с конца 1960-х гг. острый дефицит рабочей силы (обусловленный, в свою очередь, исчерпанностью ресурсов первичной стадии индустриальной модернизации) стал фактором, вызвавшим нарастание антиинтеллектуализма в управлении⁴, который повлек за собой многочисленные организационные патологии, включая отмеченные бюрократизацию, формализацию и снижение эффективности деятельности организаций и предприятий. К тому же работники, в силу

¹ Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции [Текст] / В. А. Ядов // Социологические исследования. – 1983. – № 3. – С. 50–62.

² Приводится по: Магун В. С. Российские трудовые ценности ... С. 15.

³ См., например: Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 858; Докторов Б. З. Современная российская социология ... С. 120–121.

⁴ См. об этом: Лапыгин Ю. Н. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы [Текст] / Ю. Н. Лапыгин, Я. Л. Эйдельман ; Рос. акад. наук, Ин-т проблем занятости. – М. : Наука, 1996. – 109 с.

действовавшей тарифной системы, были фактически лишены возможности регулировать свой заработок собственными трудовыми усилиями¹. Налиествовала проблема недостатка производственной и гражданской самостоятельности, тормозящая трудовую активность людей. Фактором распространяющегося индифферентного отношения работников к своему труду выступало также социальное содержание труда (возможность участия в принятии управленческих решений, возможность осмысленного труда и т. п.)². Совокупность подобных социально-экономических и общественно-политических факторов во многом обуславливала переориентацию на самореализацию в иных, нежели общественно-трудовая, сферах жизнедеятельности. Указанная тенденция нашла свое подтверждение и в результатах исследований второй половины 1980-х гг.³, то есть в то время, когда представители возрастной когорты 1957–1967 годов рождения либо только начинали, либо уже активно вели трудовую деятельность.

С двумя указанными тенденциями в изменении ценностного сознания населения тесно связана, на наш взгляд, еще одна – появление ряда новых ценностных ориентаций. Будучи еще слабо осознаваемыми в конце 1960-х гг., спустя два десятилетия данные ценности получили широкое распространение и создали базу для осуществления крупномасштабных преобразований, названных «перестроечными». Следует особо подчеркнуть, что их зарождение происходило преимущественно в молодежном сознании. К данным ценностям относится такая абсолютно новая для того времени ценность, как свобода, или свободная деятельность (творческая, производственная, общественная и т. п.), чьим атрибутом вступает высокая эффективность, приносящая пользу как непосредственно субъекту деятельности, так и обществу в целом⁴. Отмеченные выше факторы социально-экономического и политического характера, включая бюрократизацию, снижавшую эффективность организационной деятельности и,

¹ Алексеев А. Н. Драматическая социология ... С. 452.

² Там же.

³ См., например: Гимпельсон В. Е. В ожидании перемен (рабочие о ситуации на промышленных предприятиях) [Текст] / В. Е. Гимпельсон, В. С. Магун // Социологические исследования. – 1990. – № 1. – С. 4–20.

⁴ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). С. 860.

как следствие, стремление населения быть социально активными; «борьбу с инакомыслием»; информационную блокаду и т. п. в совокупности обусловили и обращение населения, прежде всего, определенной части молодежи к новому типу ценностей.

Кроме этого, осуществлялась попытка переосмыслить содержание ценности «демократия», которая в соответствии с социалистической идеологией трактовалась как единодушие граждан в оценке деятельности партии и правительства, подчинение меньшинства большинству и т. п. Представители разных социальных слоев ратовали за актуализацию таких составляющих демократии, как реальное участие населения в управлении жизнью страны и расширение гласности в деятельности органов управления¹. Вместе с тем, бытующие в массовом сознании представления о демократии опирались на весьма скромные познания, что выражалось в разрозненности ориентаций по отношению к конкретным формам ее воплощения.

Таковой представляется сводная характеристика ценностного сознания россиян в эпоху «застоя», нашедшая отражение в ценностных предпочтениях юношества (сегодняшних 50–60-летних). В конце 1980-х годов данная возрастная группа демонстрировала свою приверженность всем основным социалистическим ценностям². В частности, согласно данным Института социологии АН СССР (1983 г.), для большинства работающей молодежи высокой значимостью обладала ценность «работы в полную меру своих сил и способностей на благо общества»³. Годы Перестройки, совпавшие с молодостью этой возрастной когорты и сопровождавшиеся критикой ее юношеских идеалов, в целом не оказали существенного влияния на изменение ее базовых ценностей⁴. Появление новых ценностных ориентаций в массовом сознании говорило, вместе с тем, о постепенном формировании нового социокультурного типа поколения людей.

¹ Там же.

² Коровицына Н. В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века [Текст] / Н. В. Коровицына ; отв. ред. Ю. С. Новопашин ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Логос, 1999. С. 19.

³ Исследование «Старт-83 (работающая молодежь)» [Электронный ресурс] // Официальный сайт НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1472/Q=36> (дата обращения: 17.09.2017).

⁴ Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений ... С. 265.

Так, если поколение родившихся в 1920-е гг. исследователи называют проектом коммунистической модернизации России¹, то поколение рожденных в конце 1950-х – второй половине 1960-х гг. можно охарактеризовать как переходное между коммунистической и либеральной модернизацией².

Ориентации на ценности поколения «отцов» оказались устойчивыми в анализируемой возрастной группе, годы формирования которой прошли в условиях советского общества. Отсюда во многом объяснима фиксируемая исследователями трудность адаптации данной когорты к абсолютно новой для нее социально-экономической и политической ситуации 1990-х гг.³ Эта когорта оказалась первым поколением, многие представители которой уже в начале своей трудовой карьеры столкнулись с проблемой трудоустройства и безработицей⁴. В течение 1990-х гг. большинство из них трудилось в государственном секторе. Вследствие того, что полученные профессии мало соответствовали потребностям рыночной экономики, наличествовали тенденции к нисходящей социальной мобильности. Как следствие, люди этого возраста были наименее удовлетворены возможностями для повышения уровня своих доходов⁵ и в меньшей степени уверены в возможностях трудоустройства в случае потери работы⁶. Среди них, по сравнению с людьми более молодого возраста, примерно в 2 раза выше была доля тех, кто не может приспособиться к произошедшим переменам⁷ и разуверился в достижимости успешной адаптации к ним⁸.

Несмотря на то, что к этому времени была решена проблема дефицита товаров и услуг, качество и уровень жизни значительной части населения

¹ Коровицына Н. В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века [Текст] / Н. В. Коровицына ; отв. ред. Ю. С. Новопашин ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Логос, 1999. – 187 с.

² Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений... С. 263.

³ См., например: Бессокирная Г. П. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследования [Текст] / Г. П. Бессокирная, А. Л. Темницкий // Мир России. – 2000. – № 4. – С. 103–124; Хахулина Л. А. Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) [Текст] / Л. А. Хахулина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 1. – С. 30–38; Левада Ю. А. Варианты адаптивного поведения [Текст] / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 1. – С. 7–13.

⁴ Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 265.

⁵ Хахулина Л. А. Динамика отношения к рыночной экономике ... С. 33.

⁶ Бессокирная Г. П. Социальная адаптация рабочих ... С. 110.

⁷ Левада Ю. А. Варианты адаптивного поведения. С. 8.

⁸ Хахулина Л. А. Динамика отношения к рыночной экономике ... С. 33.

существенно снизились, что не могло не сказаться и на жизненных ценностях. Острый социально-экономический кризис во многом способствовал усилению ориентаций населения на ценности прошлого. Данные исследований показывают, что в начале 2000-х гг. особенно характерен был этот процесс для людей в возрасте 35–40 лет (то есть для представителей ядра возрастной группы сегодняшних 50–60-летних), нежели для более молодых когорт. Например, несмотря на то, что 35–40-летние сохранили общую приверженность к переходу к рыночной экономике (доля таковых составила в выборке две трети), число отрицательно относящихся к такому переходу возросло среди них за десятилетие более, чем в полтора раза (с 14 до 25%)¹. В целом, по замечанию В. В. Семеновой, в начале 2000-х гг. анализируемая нами возрастная группа, будучи довольно традиционной, в большей мере ориентировалась на жизненные принципы предыдущих поколений, нежели несла в себе инновационный потенциал².

Становление ценностного мира второй когорты людей среднего возраста – тех, кому сегодня от 40 до 50 лет – происходит в годы активного реформирования общественного устройства – Перестройки и последующих за ней кардинальных социально-экономических и политических трансформаций 1990-х гг. Данная возрастная группа родилась в период, охватывающий вторую половину 1960-х до второй половины 1970-х гг. Ее представителей можно отнести к таким социокультурным типам поколений, как поколение «переходного периода» (1960–1980 годы рождения)³, «поколение X», или «неизвестное поколение» (1964–1984 годы рождения)⁴.

Ранняя социализация данной возрастной группы отчасти приходится на период «застоя», особенно это касается более старших ее представителей. Поэтому для их ценностного сознания во многом могут оставаться справедливыми характеристики ценностных ориентаций предыдущей возрастной группы. В то же время новые ценностные ориентации, которые начали

¹ Там же. С. 34.

² Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 265–266.

³ Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс ... С. 162.

⁴ Чумаков В. За икса не отвечаю. С. 78.

зарождаться уже в годы управления страной Л. И. Брежневым, проявляли себя, как это часто и происходит, прежде всего среди молодых. Экономические, политические и социокультурные преобразования перестроечных лет (1985–1991 гг.) усилили те тенденции в изменении ценностей, которые обозначили себя ранее.

К середине 1980-х гг. советское общество характеризовалось, по замечанию В. В. Колбановского, как переживающее «системный кризис» – кризис управления, ресурсной, информационной и структурирующих систем¹. Несмотря на огромный научный потенциал, были упущены несколько научно-технических революций. Обостряли ситуацию конфликты в Афганистане и Польской Народной республике. Все это вызывало необходимость в коренных преобразованиях сложившихся условий. С приходом к власти М. С. Горбачева в управлении страной был взят новый курс на демократизацию социально-политического и экономического строя. Осуществляющиеся в рамках данного курса преобразования оказали существенное влияние на социализацию подростков и молодежи, которые теперь во многом ориентировались на иные, нежели поколение их «отцов», ценности. Этому способствовало и целенаправленное идеологическое воздействие, оказываемое на молодежь, которая была объявлена «движущей силой Перестройки». Вопросы социального и политического характера стало возможным обсуждать не только в узком кругу друзей и родственников (такой канал информации в годы Перестройки, по данным В. В. Семеновой, активно использовали около трети респондентов, годы рождения которых пришлись на начало – середину 1970-х гг.)². В отличие от периода «застоя», характеризовавшегося сложностью в получении актуальной информации по причине ее отсутствия либо фальсификации в СМИ, в общественной жизни второй половины 1980-х гг. была провозглашена политика гласности, изменившая духовную атмосферу в обществе. Она сопровождалась смягчением цензуры в СМИ, возможностями массового освещения в прессе,

¹ Докторов Б. З. Современная российская социология ... С. 41.

² Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 266.

художественной литературе, кинематографе тем, которые раньше не поднимались, появлением публикаций, критически освещавших злободневные вопросы, дискуссионностью. Стали открытыми для широкого культурного пространства многие, ранее не отвечавшие стандартам советской идеологии достижения отечественной и зарубежной художественной литературы (запрещенные произведения поэтов Серебряного века, советских писателей, русских писателей-эмигрантов, зарубежных писателей-модернистов, «антиутопистов» и др.), кинематографа (включая классические фильмы зарубежных режиссеров XX века), изобразительного искусства и музыки (таких направлений, как авангардизм, рок). Эта часть культуры зачастую вызывала большой интерес у значительной части советских граждан, прежде всего – у интеллигенции и студенческой молодежи, поддерживая дух свободы, новизны, перемен. Влияние на социализацию молодого поколения системы образования, по-прежнему во многом ориентированной на советскую идеологическую систему, сопровождалось, таким образом, воздействием иных культурных факторов.

Оптимистические настроения в отношении более благополучного будущего, появившиеся в массовом сознании с началом Перестройки, стали меняться к ее завершению на абсолютно противоположные, чему способствовало ухудшение социально-экономических условий жизнедеятельности людей. Социально-экономический кризис обусловил катастрофическое снижение денежных доходов населения, существенно обострились проблемы бедности и малообеспеченности, безработицы, товарного дефицита. На этом фоне массовое распространение получили антикоммунистические идеи и настроения, нарастал бум критики по отношению к наследию прошлого, на первый план были выдвинуты идеи демократизации и перехода к рыночной экономике.

Таким образом, культурная открытость, массовая доступность информации, критическое осмысление культурно-исторического наследия «отцов» на фоне социально-экономического кризиса советского общества и тенденции к демократизации и строительству экономики по капиталистическому образцу выступили основными социализирующими факторами современных 40–50-

летних россиян в годы их юности. Данные факторы обусловили их (во всяком случае, более молодых из них) нигилистическое отношение ко многим ценностям родительского поколения, воспитанного в условиях социалистических идеалов – таким как патерналистское государство, коллективизм, пренебрежение личным благосостоянием ради общего блага, антизападные установки¹.

Помимо этого, на наш взгляд, указанные социальные обстоятельства усилили и сделали доминирующими в массовом сознании те ценности, тенденции к изменению которых наблюдались еще в годы «застоя». Данный вывод позволяют сделать, в частности, результаты, полученные в ходе масштабных социологических исследований, проведенных в 1986 г. под руководством Ю. В. Арутюняна и Ю. В. Бромлей², в 1989 г. под руководством М. С. Мацковского и др.³ и на рубеже 1990–1991 гг. в рамках Всемирного исследования ценностей. Ценности индивидуальной частной сферы жизнедеятельности людей (семьи, работы, материального благополучия) стали занимать доминирующее положение в ценностном сознании населения, оттесняя на второй план те ценности, которые почитались несколько десятилетий назад – постматериалистические ценности (духовного совершенствования, творчества, самореализации).

Семья постепенно возвращала себе преобладающую роль в нравственном воспитании подрастающего поколения, которую в предшествующие десятилетия занимали государство и партия как «непререкаемые авторитеты морали и нравственности»⁴. Среди семейных ценностей наибольшим значением обладали: «желание иметь детей»; «желание быть рядом с любимым человеком, способным понять и поддержать в любых условиях»; «желание ощущать себя нужным другому человеку, потребность заботиться о другом человеке»⁵. Существенно

¹ Там же.

² Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологического исследования [Текст] / Ю. В. Арутюнян, И. А. Гришаев, М. Н. Губогло [и др.] ; отв. ред. Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1986. – 453 с.

³ Семья на пороге третьего тысячелетия [Текст] / под ред. А. И. Антонова, М. С. Мацковского, Дж. У. Мэддока [и др.]. – М. : Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – 237.

⁴ Мацковский М. С. Семья в России и в США: сравнительный обзор [Текст] / М. С. Мацковский, Д. Г. Олсон // Семья на пороге третьего тысячелетия / под ред. А. И. Антонова, М. С. Мацковского, Дж. У. Мэддока [и др.]. – М. : Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. С. 13.

⁵ Там же.

меньшая доля населения воспринимала вступление в брак и создание семьи как форму моральной обязанности перед обществом, что перекликалось с общей тенденцией индивидуализации ценностей.

К началу 1990-х гг. коренным образом преобразовались трудовые ценности населения, которые к этому времени перестали отвечать социалистическим трудовым идеалам прежних десятилетий. Ценность работы в сознании большинства российских граждан приобрела инструментальный смысл, стала рассматриваться как деятельность, благодаря которой возможно получение высокого заработка, необходимого для удовлетворения жизненных потребностей работника и его семьи¹. Причем, по сравнению с 1970-ми гг., ценность высокого заработка стала еще более значимой среди населения². Этому немало способствовал крах коммунистических идеалов в условиях нарастания относительной депривации, когда падение уровня жизни большинства людей сопровождалось ростом уровня их притязаний. Высокий заработок стал основным мотиватором высоких (но не обязательно качественных) показателей труда. Исследования этих лет фиксировали, что, несмотря на подобные радикальные изменения, среди населения устойчиво сформировались две кардинально отличные в своих ценностях социальные группы: 1) работники, для которых труд представляется самоценным, вне зависимости от заработной платы (12–14 %); 2) работники, для которых труд – обременительная обязанность, от которой, при возможности, они бы отказались (5–6 %) ³. Значительная же доля работающего населения России разделяла установку «больше получать и меньше делать»⁴. Преданность делу, трудовая ответственность, достигательные трудовые

¹ См., например: Магун В. С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения [Текст] / В. С. Магун // Россия: трансформирующееся общество / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Канон- Пресс-Ц, 2001. – С. 432–434; Патрушев В. Д. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 90-е годы [Текст] / В. Д. Патрушев, Г. П. Бессокирная // Социологические исследования. – 2003. – № 5. С. 76; Темницкий А. Л. Мотивация труда наемных работников [Текст] / А. Л. Темницкий // Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ). В 3 ч. Ч. 2. Фирмы современной России / под. ред. д. э. н., проф. Р. М. Нуреева. – 2-е изд., исп. и доп. – М. : МОНФ, 2003. – С. 140–142.

² Магун В. С. Российские трудовые ценности ... С. 22.

³ Куприянова З. В. Трудовые мотивы российских работников [Текст] / З. В. Куприянова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1998. – № 2. С. 12.

⁴ Магун В. С. Российские трудовые ценности ... С. 38.

установки – весь комплекс духовных и общественно ориентированных трудовых ценностей перестал быть преобладающим.

К указанным выше причинам, обусловившим подобные ценностные сдвиги, необходимо добавить также следующие. Во-первых, фактор, связанный с содержанием труда и квалификацией работающего населения: преобладание в экономике однообразного и тяжелого физического труда выступало тормозом в развитии ценностей трудовой самореализации¹. Во-вторых, особенности менталитета россиян, выражающиеся в вере в то, что богатство может быть получено без особых трудовых усилий со стороны человека – «по щучьему велению»². Усилению подобной установки способствовали и происходящие изменения рубежа 1980–1990-х гг., связанные со становлением новых общественных отношений и ознаменованные предвкусениями, в том числе, возможности получения «легких денег». Ценность свободы, ставшая опорной в перестроечной идеологии, приобрела в последующем в ряде случаев искаженные формы, выразившись в криминальных, незаконных действиях представителей самых разных слоев населения российского общества.

Наравне с выделенными особенностями трудовых ценностей, следует отметить также слабую выраженность среди российского населения ценностей индивидуальной карьеры при большей ориентации на восприятие работы как средства общения и социального служения³. Во многом подобное объясняется практически закрытым характером внутриорганизационной мобильности в СССР, нестабильностью экономической системы в перестроечные годы и угрозой безработицы, затруднявших построение долговременных профессиональных стратегий.

Неудивительно на этом социально-экономическом фоне наиболее острые негативные аспекты семейной жизни, волновавшие население: необходимость чрезмерно много работать, чтобы обеспечить материальное благополучие семьи и

¹ Гордон Л. А. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития [Текст] / Л. А. Гордон, А. К. Назимова ; отв. ред. Э. В. Клопов. – М. : Наука, 1985. – 221 с.; Магун В. С. Российские трудовые ценности ... С. 39.

² Магун В. С. Российские трудовые ценности ... С. 39.

³ Там же. С. 40.

чрезмерная загруженность хозяйственными делами¹. Воздействие данных факторов на семейную жизнь еще более усилилось за последующие годы. Проблемы, касающиеся отношений между супругами и между родителями и детьми, также упоминались, но реже. Однако необходимость уделять большое количество времени и сил материальному обеспечению семьи, а зачастую – ее физическому выживанию оборачивалась снижением воспитательного потенциала семьи². Это осложнялось тем, что провозглашаемые коммунистической идеологией цели воспитания «всесторонне развитой личности» фактически были утрачены, а новые цели по воспитанию личности, способной адаптироваться к требованиям рыночной экономики – не сформулированы³.

Указанные ценностные преобразования нашли отражение в складывающемся духовном мире юношества и молодежи. Ориентация представителей анализируемой нами когорты на так называемые «неоматериалистические ценности»⁴ во многом способствовала более успешной их адаптации к новым социально-экономическим условиям, нежели это было характерно для более старшей возрастной группы, которая в большинстве своем отдавала предпочтение постматериалистическим ценностям родительского поколения. В условиях перехода от административной к рыночной экономике многие среди представителей возрастной группы 40–50-летних выбрали иные, нежели старшие поколения, образовательные, профессиональные и трудовые стратегии. Под влиянием снижения в начале 1990-х гг. престижа высшего образования⁵ значительное число молодых людей, как указывает В. В. Семенова, отказалось от этапа обучения в высших учебных заведениях, отдав предпочтение трудоустройству в сфере малого предпринимательства, тем самым получив значительные, прежде всего материальные, преимущества⁶. Таким образом,

¹ Мацковский М. С. Семья в России и в США ... С. 16.

² Меренков А. В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе [Текст] / А. В. Меренков // Социс. – 2013. – № 2. – с. 101–110.

³ Там же. С. 103.

⁴ Термин М. Лауристин и П. Вихалемм. Приводится по: Магун В. С. Российские трудовые ценности ... С. 22.

⁵ См. об этом: Константиновский Д. Л. Качественное образование: ресурс и его использование [Текст] / Д. Л. Константиновский // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 202–212; Константиновский Д. Л. Самоопределение или адаптация? [Текст] / Д. Л. Константиновский // Мир России. – 2003. – № 2. – 123–143.

⁶ Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 266.

многие представители когорты сделали выбор в пользу активных, самостоятельных, новаторских стратегий адаптации к рынку (включающих наличие вторичной занятости)¹. За десятилетие, к 2000-м гг., материальное положение данной возрастной группы улучшилось, доля высокодоходных оказалась здесь самой высокой среди всех возрастных групп². Среди этой когорты выше была доля тех, кто считает, что идущие перемены увеличили их жизненные социальные шансы, они были более оптимистичны в отношении своих возможностей приспособиться к происходящим преобразованиям и улучшить свое материальное положение в условиях рынка.

Младшая возрастная группа – люди в возрасте от 30 до 40 лет – родились в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. Более старшие из них в детстве застали преобразования «перестроечной» эпохи, в целом годы их юношества и молодости пришлось на кардинальные социально-экономические и политические трансформации десятилетия 1990-х гг., социализация же в молодом возрасте младших представителей этой когорты завершилась уже в пореформенной России 2000-х гг. Более старших представителей этой возрастной группы принято относить к такому типу поколения, как «поколение X» (1963–1983 годы рождения), более младших – к «поколению Y», или «поколению Миллениум» (1985–2000 годы рождения)³.

Социализация представителей данной возрастной группы, в отличие от более старших возрастных когорт, в большинстве своем происходила в радикально отличных социально-исторических условиях. После распада в 1991 г. СССР, Россия окончательно вступила на путь рыночного капитализма и либерализации, что означало, в том числе, и социокультурную открытость Западу. При этом она унаследовала существенные черты общесистемного – социокультурного – кризиса Советского Союза⁴, негативные проявления которого усиливались в ходе экономических и политических реформ 1990-х гг.,

¹ Бессокирная Г. П. Социальная адаптация рабочих ... С. 110–112.

² Хахулина Л. А. Динамика отношения к рыночной экономике ... С. 32.

³ Чумаков В. За икса не отвечаю. С. 80; Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 268.

⁴ Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России [Текст] / Н. И. Лапин // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67. – № 2. С. 140.

осуществляемых под руководством Б. Н. Ельцина. История России после распада СССР напоминает, по замечанию Н. В. Латовой, «езду на “русских горках”», когда «период относительного спокойствия периодически сменяется очередным крутым виражом»¹.

На тяжелое десятилетие 1990-х гг. пришлись: «шоковая терапия», две осады Белого дома, «первая чеченская война» и острый финансово-экономический кризис 1998–1999 гг., связанный с фактическим банкротством правительства. В ходе данного периода, пиком которого стал дефолт 1998 г., произошел значительный спад ключевых экономических показателей, на фоне гиперинфляции катастрофически снизились уровень и качество жизни населения, ресурсный потенциал граждан, наблюдались негативные тенденции к росту криминализации и дегуманизации общества². Ориентация на первостепенное решение экономических и внешнеполитических задач на фоне кризиса государственного управления привели к фактическому исключению государства из системы целенаправленного идеологического воспитания детей и молодежи, каким оно было для предыдущих поколений. Советская образовательная система была разрушена. Образование все в большей мере приобретало черты института по воспроизводству социального неравенства в подрастающих поколениях³. Родительский опыт зачастую не мог служить ориентиром в новых социокультурных условиях.

Первое десятилетие нового XXI века было отмечено рядом положительных тенденций. По оценкам ученых Института экономики РАН, в стране удалось создать «достаточно целостную систему правовых и экономических институтов»,

¹ Латова Н. В. Особенности кризисного социально-психологического состояния общества: от 1998-го к 2015-му [Текст] / Н. В. Латова // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М. : Издательство «Весь Мир», 2015. С. 12.

² См., например: Римашевская Н. М. Социальные последствия экономических трансформаций в России [Текст] / Н. М. Римашевская // Социс. – 1997. – № 2. – С. 55–65.

³ См., например: Константиновский Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) [Текст] / Д. Л. Константиновский. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.; Константиновский Д. Л. Институт образования и социальное неравенство [Текст] / Д. Л. Константиновский // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 144–161.

соответствующих требованиям современной рыночной экономики¹. В данный период наблюдалась положительная динамика показателей ВВП, следствием чего стал рост реально располагаемых доходов населения, произошло некоторое снижение темпов роста потребительских цен². Однако, динамичный подъем 2000-х гг. был прерван новым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., совпавшим с российско-грузинским военным конфликтом.

Учитывая все вышесказанное, можно обозначить некоторые принципиальные для анализируемой когорты ценностные особенности, во многом отличающие ее от предыдущих возрастных групп.

Во-первых, это отсутствие ориентации на прошлое и свобода от советского наследия – свобода памяти, знаний, ценностей. Представители этой когорты в большинстве своем лишены «институционализированной исторической памяти»³ советской социализации: «они не участвовали в демонстрациях, ленинских зачетах и стройках, не собирали картошку, не проводили собраний по поводу морального облика и так далее»⁴. Здесь уже в полной мере проявилась зарождавшаяся в предыдущих возрастных когортах тенденция к отказу от патернализма и коллективизма и выбор в пользу самостоятельности и индивидуализма. Стоит отметить, что, по данным Н. И. Лапина, и в целом среди населения увеличивалась распространённость таких современных ценностей, как свобода, независимость и инициативность и, напротив, уменьшалась выраженность традиционных ценностей – самопожертвования, следования традиции, вольности (свободы от ограничений)⁵. Общей характеристикой изменения ценностей становилась их «рационализация, снижение влияния мифологизированных целей и средств, далеких от собственных потребностей индивидов и социальных групп»⁶.

¹ Гринберг Р. С. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) [Текст] / Р. С. Гринберг, М. К. Горшков // Мир перемен. – 2012 – № 1. С. 10.

² Там же. С. 11–12.

³ Термин Ю. А. Левады. См., например: Левада Ю. А. Поколения XX века ... С. 14.

⁴ Омельченко Е. Л. От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России [Электронный ресурс] / Е. Л. Омельченко // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 5 (61). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/5/om18-pr.html> (дата обращения: 24.08.2017).

⁵ Лапин Н. И. Динамика ценностей населения ... С. 142.

⁶ Там же.

Усилению ценностей индивидуальной свободы, самостоятельности и независимости способствовали рост многообразия социальных ролей и способов достижения жизненных целей, снижение степени общественной регламентации в выполнении ролевых предписаний¹. Расширилось пространство молодежных статусов, стилей, образов и стратегий жизни, а также возможностей для самостоятельного их выбора², что выступило яркой особенностью социализации в молодом возрасте 30–40-летних. Немало обуславливало отмеченные ценностные изменения и ослабление роли государства в социализации молодежи, исчезновение ранее единой системы идеологического воспитания, а также частое несоответствие родительского опыта новым социокультурным условиям, требующее самостоятельности.

Биографический жизненный опыт не позволяет большей части данной возрастной группы оценивать положительные и отрицательные стороны советского и постсоветского типов обществ, но в то же время его характеризует открытость широкому культурному пространству глобализирующегося мира. Уже в период их юности была полностью ликвидирована условная граница между Россией и другими странами, метафорически названная «железным занавесом». Большое влияние на мировоззрение молодежи стали оказывать телевидение, массовая культура, позднее – новые информационные технологии, развитие мобильной связи и сети Интернет, социальных сетей и т. п. Все это отличало и средства социализации данной когорты, и их ценностные предпочтения в сфере досуга. Литературцентризм как некоторая общая черта поколения их родителей, мода на «толстые» журналы («Октябрь», «Новый мир» и др.) середины 1980-х гг., «театральный бум» рубежа 1980–1990-х гг. оставались в прошлом, постепенно уступая место медиасфере и цифровым технологиям. Это можно отметить как еще одну отличительную ценностную черту.

¹ Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) [Текст] / под ред. Р. М. Нуреева. – М. : Московский общественный научный фонд ; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. С. 102–103.

² См. об этом: Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 268; Щупленков О. В. Молодое поколение: социально-философский аспект в исследовании [Текст] / О. В. Щупленков // Современное образование. – 2013. – № 2. – С. 58–114.

В-третьих, массовая культура и коммерциализация как составляющая рыночных отношений способствовали усилению в массовом сознании молодежи потребительских ориентаций, особого отношения к гедонизму как к ценности, утверждающей приоритет удовольствия в жизни. Подобные изменения служили отражением своеобразной ценностной инверсии, сущность которой состояла в меньшей значимости для многих молодых людей простоты, умеренности, скромности, столь ценимых старшими поколениями¹.

В-четвертых, часть представителей когорты по-иному, нежели родительское поколение, воспринимала ценность Родины, а также связанных с ней ценностей гражданской самореализации. Открытость мировому социокультурному пространству проявлялась, помимо отмеченных выше особенностей, и в появившейся возможности путешествовать за пределами страны. Существенное увеличение возможностей социальной, в частности географической, мобильности поставили под сомнение устойчивость культурной и национальной идентичности, заставляя переосмыслить представления о «родной земле»². Немало этому способствовало и отсутствие у государственной власти четких целей и ценностей общественного развития, вследствие чего молодежь «теряла ощущение Родины»³. Таким образом, характерной чертой многих представителей когорты выступила неустойчивость их национальной, гражданской идентичности, а значит – и готовности к реализации своих прав и обязанностей в пределах страны.

В-пятых, одними из центральных ценностных черт молодежи стали прагматизм, ориентация на успех и благосостояние. С одной стороны, это может быть объяснено влиянием развития капиталистических отношений в российском обществе с соответствующей им ценностной моделью. С другой стороны – отчетливо проявившимся в 1990-е гг. процессом нарастания демонстративного неравенства в уровне и стилях жизни⁴, что было обусловлено кризисным

¹ См. об этом: Кагитина С. Ю. Эволюция системы ценностей современной российской молодежи [Текст] / С. Ю. Кагитина // Гуманизация образования. – 2010. – № 1. С. 50–51.

² См. об этом: Бек У. Что такое глобализация? [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

³ Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [Текст] / О. И. Карпухин // Социс. – 2000. – № 3. С. 127.

⁴ Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 268.

состоянием российской экономики, коммерциализацией образования и других сфер. Общественное развитие характеризовалось разнонаправленными и противоречивыми тенденциями: несмотря на то, что постепенно была решена проблема товарного дефицита, открылись широкие возможности потребительского выбора, реальный уровень жизни не позволял большинству семей обеспечивать себя товарами в необходимом количестве и качестве. Помимо этого, в обществе все более утверждались установки и практики криминальных способов получения денег, что находило отражение в складывающемся духовном мире юношества и молодежи.

Прагматические ценностные ориентации проявили себя в различных сферах жизнедеятельности – образовании, труде. В отличие от родительского поколения, для которого ценность образования имела сильную терминальную направленность, для их детей оно становилось ценностью все более инструментальной, связанной, прежде всего, с возможностями материального обеспечения¹. Те же установки наличествовали по отношению к труду, воспринимаемому не как самоценность, но как средство для достижения жизненного успеха². Будучи молодыми, представители когорты 30–40-летних, гораздо более, нежели старшие возраста, были склонны к выбору таких трудовых ценностей, как «интенсивный труд», «материальный достаток» и «открытие собственного дела»³. Среди них наиболее высока была поддержка рыночных реформ⁴, существующего стиля государственного управления, «претендующего на сугубую деловитость и свободного от исторических или идеологических ограничений»⁵, характерен общий оптимистический настрой по поводу происходящих преобразований.

Данная когорта в соответствии со спецификой ее ценностей достаточно быстро смогла адаптироваться к происходящим социально-экономическим и

¹ Докторов Б. З. Современная российская социология ... С. 241; Кагитина С. Ю. Эволюция системы ценностей ... С. 48.

² Кагитина С. Ю. Эволюция системы ценностей ... С. 48.

³ Приводится по: Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. С. 268.

⁴ Хахулина Л. А. Динамика отношения к рыночной экономике ... С. 34.

⁵ Левада Ю. А. Поколения XX века ... С. 14.

политическим преобразованиям, в отличие от подавляющего большинства взрослого населения, подверженного растерянности, фрустрации, чувству незащищенности¹. В то же время далеко не все представители рассматриваемой возрастной группы ощущали свою гражданскую принадлежность и готовность быть полноправными субъектами социальных отношений в российском обществе². Более того, жизненный успех и благосостояние в ряде случаев связывались с криминальными способами их достижения. Значительно увеличилось число молодых людей, вовлекаемых в различные формы девиаций (преступность, антимигрантскую агрессию, нацизм, наркоманию и др.), отражающих общую социальную дезорганизацию общества³.

Проведенный сравнительный анализ возрастных когорт, образующих современную социальную группу людей среднего возраста, показал различие социокультурных факторов становления и реализации их ценностей. Ключевым социализирующим фактором для наиболее старших представителей средневозрастной группы выступили идеалы социалистического проекта модернизации, обусловившие коллективистскую направленность их ценностного мира. Поэтому для них характерна определенная сложность адаптации к новым социальным реалиям, ностальгические настроения по прошлому. В то же время в период юности и молодости современных 50–60-летних наблюдалась тенденция к преобразованиям, касающимся как существующих социальных институтов, так и ценностных основ общества. Обостряющийся кризис в экономической, управленческой и других сферах, нарастающее разочарование в социалистических устремлениях выступили причинами усиления традиционных ценностей, ценностей частной жизни в противовес ценностям общественно ориентированным. Данная возрастная группа, в значительной мере усвоившая в молодости ценности социалистического общества, одновременно застала нарождающиеся процессы нового типа модернизационных преобразований.

¹ Гудков Л. Д. Молодежь России [Текст] : приложение к журналу «Общая тетрадь» / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. С. 7–9.

² Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации ... С. 127.

³ Гудков Л. Д. Молодежь России ... С. 12.

Отсюда – вторая противоположная черта, связанная с зарождающимися новыми ценностями. Поэтому, с нашей точки зрения, старшая средневозрастная когорта не может быть охарактеризована как полностью традиционалистски ориентированное (прежде всего, в социалистическом смысле) поколение, а скорее – как переходное между двумя типами.

Вторая возрастная группа в значительной мере восприняла новые нарождающиеся тенденции в изменении ценностей под влиянием перестроечных преобразований, постепенного отказа от социалистических идеалов и открытия границ в информационном социокультурном пространстве. Отдавая предпочтение, в отличие от поколения родителей, так называемым нематериалистическим ценностям, отказываясь от патернализма и в большей мере полагаясь на свои силы, представители этой когорты гораздо более успешно смогли адаптироваться к новым социокультурным условиям в тяжелое десятилетие 1990-х гг. В свою очередь, наиболее молодые, родившиеся в принципиально иных социальных условиях, в полной мере восприняли ценности нового общества – самостоятельность, индивидуализм, прагматические ориентации, ставшие базовыми для их ценностного сознания. В условиях разрушения прежних целей общества, ослабления социальных связей, необходимости адаптироваться к рынку с его быстрыми изменениями произошло усиление ориентации на индивидуалистическую ценностную модель.

В настоящее время актуальным является вопрос о том, каков модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста и в какой мере он реализуется ими в условиях современного общества. Остается не ясным, являются ли ценности данной возрастной группы двигателями инновационных преобразований, которые в настоящее время лежат в основе российского проекта модернизации, и можно ли рассматривать людей среднего возраста в качестве его реальных акторов.

ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕННОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

2.1. Особенности содержания модернизационных ценностей людей среднего возраста в современной России

Углубленное изучение ценностей россиян среднего возраста базировалось на данных, полученных в ходе количественных (репрезентативный формализованный опрос населения, $n = 683$) и качественных (14 глубинных интервью) исследований в Пермском крае¹. Исследования проводились автором в 2014 г. в составе коллектива ученых Пермского государственного национального исследовательского университета под эгидой проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (рук. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева), что позволило привлекать для сравнительного анализа результаты формализованных опросов населения других субъектов РФ.

Необходимость интеграции качественных и количественных методов была обусловлена задачами выявления структуры ценностей людей среднего возраста, а также углубленного изучения проявлений ценностей как ресурса модернизационного потенциала в жизнедеятельности средневозрастной группы, в частности: определения внутриличностных смыслов и содержания, вкладываемых людьми в те или иные ценности; выяснения нацеленности на модернизированность в различных сферах: семейной, трудовой, досуговой, сфере

¹ Методология и результаты исследования частично описаны в статьях автора, подготовленных в соавторстве с Е. Б. Плотниковой: Плотникова Е. Б. Модернизационный потенциал в структуре ценностей жителей Пермского края [Текст] / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Вестник Омского университета. Серия экономика. – 2015. – № 3. – С. 135–140; Плотникова Е. Б. Опыт использования качественного, количественного подходов в исследовании модернизационного потенциала в структуре ценностей населения российских регионов (на примере Пермского края) [Текст] / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», 26–29 сентября 2016 г. Самара-Тольятти. – Самара : Самарский университет, 2016. – С. 72–77. Кроме этого, материалы исследования представлены в статье автора: Маркова, Ю. С. Модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста (на примере Пермского края) [Текст] / Ю. С. Маркова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – Вып. 2 (26). – С. 153–159.

потребления, общественно-политической сфере и др.; установления, в каких ситуациях и каким образом проявляется себя ценностная мотивация.

Пермский край на сегодняшний день остаётся высокоразвитым промышленным регионом, входит в число лидеров по объёму ВРП и промышленного производства в России¹. Расчет показателей модернизации (по методике ЦИМ КАН²) позволяет заключить, что Пермский край находится в фазе расцвета первичной модернизации и соответствует подготовительному этапу перехода ко вторичной модернизации³. Кризисные тенденции развития региона проявляют себя, прежде всего, в экономике (снижение показателей ВРП) и структуре занятости населения (увеличение доли занятых в материальной сфере). В общенациональном рейтинге российского регионального инновационного индекса (РРИИ), включающем 83 региона, Пермский край занимает 11-е место и входит в I из IV групп по данному показателю (всего в I группу включается 12 регионов)⁴. Индекс инновационной активности населения (методика Н. И. Лапина⁵) в Пермском крае составляет 12⁶ (что в целом соотносится с общероссийским уровнем). Данный показатель пока не соответствует норме⁷, но приближается к ней.

¹ Концепция промышленной политики Пермского края до 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Пермской торгово-промышленной палаты. – Режим доступа: <http://permtpp.ru/upload/iblock/f05/kontseptsiya-promyshlennoy-politkii.pdf> (дата обращения: 14.05.2016).

² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) [Текст] / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина ; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.

³ Подробнее об этом см.: Маркова Ю. С. Проблемы и перспективы модернизации крупного промышленного региона России (на примере Пермского края) [Текст] / Ю. С. Маркова, Н. А. Лебедева-Несевря // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы III Международн. научн.-практ. конф. Екатеринбург, 21–22 апреля 2017 г. В 2 т. Т. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 86–89.

⁴ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации [Текст] / под ред. Л. М. Гохберга. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – Вып. 2. С. 19.

⁵ Лапин Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Российская акад. наук, Ин-т философии, Науч.-координационный совет «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции ФСПП ООН РАН. – М. : ИФ РАН, 2010. – 109 с.

⁶ Индекс рассчитан на основе данных социологических опросов, проводимых по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов».

⁷ При оценке уровня инновационной активности неправомерно принимать за норму 100%-ное участие занятых. Собственно инноваторы (авторы новых идей и предложений) составляют около 2,5% занятых, а их ранние последователи, очень быстро воспринимающие инновации, – около 13%. Поэтому 15% занятых является своего рода нормой активного участия в инновациях. Периферию участников составляют еще около 35%. А доля несогласных с любыми инновациями – свыше 15%. См. об этом: Перлаки И. Нововведения в организациях [Текст] / И. Перлаки ; пер. со словац. ; предисл. Н. И. Лапина. – М. : Экономика, 1980. С. 97.

В целом Пермский край можно рассматривать как типичный российский регион, следовательно, полученные результаты исследования могут служить основой для изучения особенностей развития российского общества.

Изучение ценностей базировалось на подходе Ш. Шварца¹. Индикаторами ценностей в методиках формализованного и глубинного интервью выступали суждения – ценностные портреты, предложенные для оценки участникам исследования. На этапе анализа формализованных данных рассчитывались ценностные индексы. Каждый индекс представляет собой среднюю двух (или трех) составляющих этот индекс исходных оценок (данных по 6-балльной шкале)², из которой вычитается общая средняя для респондента по всем оценкам (m_{rat})³. Расчет показателя m_{rat} обусловлен необходимостью повышения точности данных – нивелирования погрешностей, возникающих вследствие особенностей стилей ответов респондентов (в частности, тенденции располагать оценки на определенном участке шкалы)⁴.

По каждой ценности (ценностному индексу) диапазон значений теоретически может варьироваться в границах (– 5; 5). Хотя исходная процедура оценки и предусматривает 6-балльную шкалу, последующие расчеты по приведенной методике исключают получение значений выше или равно (–) 5 и 5. В рамках нашего исследования диапазон значений ценностных индексов составил (– 1; 1). Как показывают результаты других исследований, проведенных по идентичной методике, значения ценностей жителей разных стран укладываются в

¹ Schwartz S. H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries [Text] / S. H. Schwartz // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 1992. – No. 25. – P. 1–65.

² Исходными оценками для респондентов служили 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями. В формализованном опросе каждый респондент должен был оценить, насколько он похож или не похож на описываемого человека по шкале от 1 до 6 баллов, где 1 означает «совсем не похож», 2 – «не похож», 3 – «совсем чуть-чуть похож», 4 – «немного похож», 5 – «в значительной степени похож», 6 – «очень похож».

³ Подобная методика расчёта ценностных индексов позволяет получить сравнительную значимость каждой ценности относительно средней значимости всех ценностей, анализируемых в рамках методики. См. об этом: Магун В. С. Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами [Текст] / В. М. Магун, М. Г. Руднев // *Украинское общество в европейском пространстве* / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. – Киев : Институт социологии НАНУ; Харьковский национальный университет им. В. Н. Карамзина, 2007. – С. 226–273

⁴ Магун В. С. Жизненные ценности населения ... С. 231.

схожий диапазон, как правило, не превышающий $(-2; 2)$ ¹. Это обусловлено тем, что методика измеряет базовые ценности и их сравнительную значимость относительно друг друга. Чтобы получить значения, существенно превышающие диапазон $(-1; 1)$, восприятие одной или нескольких ценностей должно было бы в значительной степени отличаться от восприятия большинства других. Например, какая-либо одна ценность имела бы для респондентов очень большое значение, а остальные – были бы практически не значимыми, или наоборот. На уровне массовых исследований при применении методики анализа базовых (не включающих «девиантные») ценностей посредством усредненных показателей подобное практически исключено.

Ценностные индексы интегрировались в 4 укрупненные ценностные категории (метаценности): Сохранение и Открытость изменениям, Самоутверждение и Выход за пределы своего «Я». В каждой паре метаценности альтернативны по отношению друг к другу: с увеличением значения одной ценностной категории значение другой уменьшается (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация ценностей по методике Ш. Шварца

Оси ценностей	Метаценности	Базовые ценности
Сохранение – Открытость изменениям	Сохранение	Безопасность
		Конформность
		Традиция
	Открытость изменениям	Самостоятельность
		Риск-новизна
		Гедонизм
Самоутверждение – Выход за пределы своего «Я»	Самоутверждение	Достижение
		Власть-богатство
	Выход за пределы своего «Я»	Благожелательность
		Универсализм

¹ См., например: Магун В. С. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации [Текст] / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Образовательная политика. – 2010. – № 9–10 (47–48). – С. 65–72.

Базовые ценностные типы составляют единую взаимосвязанную систему, в которой одни ценности являются более совместимыми, а другие ценностные конструкты находятся в конфликте, это отражено в «мотивационном круге» Ш. Шварца. Кроме того, ценности в этом круге разделены на личные и социальные.

Инструментальная значимость методики Ш. Шварца для задач настоящего исследования состоит в том, что она позволяет рассматривать совокупность ценностей как мотивационный континуум¹, в котором одни ценности могут как противостоять другим, так и стимулировать или дополнять их проявление. Подобная идея создает возможности для выявления модернизационного потенциала разного типа ценностей, включая традиционные и современные, индивидуалистические и коллективистские, их взаимовлияния. Кроме этого, возможно выявление содержательной сущности модернизационных ценностей, анализ их проявления в различных ситуациях и сферах жизнедеятельности.

Исторические условия, в которых развивается в настоящее время российское общество, особенности культурной идентичности и менталитета россиян позволяют следующим образом охарактеризовать модернизационную направленность изучаемых ценностей, то есть их способность выступать мотиваторами полезных преобразований в обществе и содействовать улучшению социальных отношений, институтов, практик.

Ядро модернизационных ценностей составляют «Самостоятельность» и «Достижение», которые следует расценивать как ценностных проводников российской модернизации. Как было показано ранее, усиление обеих ценностей в сознании населения наблюдалось за годы трансформаций, которые переживало российское общество, вступив на путь рыночного развития и демократических преобразований. А творчество как составляющая ценности «Самостоятельность» является архетипической ценностной чертой российского менталитета.

¹ См. об этом: Davidov E. Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries [Text] / E. Davidov, P. Schmidt, S. H. Schwartz // Public Opinion Quarterly. – 2008 – No. 72. – P. 420–445; Schwartz S. H. Universals in Content and Structure of Values ... P. 1–65.

Стабилизирующими по отношению к российской модернизации следует назвать ценности: «Безопасность», «Традиция», «Благожелательность», «Универсализм» и «Конформность».

«Безопасность» является универсальной человеческой ценностью, связанной с потребностью в сохранении жизни и здоровья, а в условиях российского общества, происходящих в прошлом и настоящем социальных потрясений, существующем уровне жизни ее значение особенно велико. В силу этого данная ценность является важной в поддержке российской модернизации: модернизационные изменения будут восприниматься позитивно в той мере, в какой они будут способствовать сохранению благополучия людей.

Ценность «Традиция» имеет не меньшее значение для модернизации. Качество и эффективность модернизационных изменений зависят от их связи с опытом прошлого, учета стереотипов жизнедеятельности людей, частичного их преобразования, но не полного отвержения.

«Благожелательность» и «Универсализм» составляют значимые архетипические ценности россиян, а потому опора на них важна в модернизационных преобразованиях. Ценность «Универсализма» созвучна требованиям социальной справедливости, столь насущными для российской действительности. Кроме того, значительная часть населения восприняла данную ценность особенно сильно под влиянием социалистической идеологии.

Ценность «Конформность» как важная для модернизационных преобразований в России должна интерпретироваться не в смысле альтернативы инновациям, но как закрепление правил, следование которым в российском обществе зачастую пренебрегается, а потому в ряде случаев негативно сказывается на функционировании группы, организации или общества в целом.

В свою очередь, ценности «Гедонизм», «Власть-богатство», «Риск-новизна» составляют, скорее, антимодернизационные ценности для российского населения, так как слабо вписываются в российскую культурную ценностную среду.

Анализ результатов опроса жителей среднего возраста в Пермском крае показал, что вершину их ценностной иерархии занимает ценность «Безопасность»

(значение ценностного индекса составило 0,75) – безопасное окружение, сохранность собственной жизни и здоровье близких, социальный порядок и ощущение стабильности и надежности со стороны сильного государства. На втором месте в иерархии ценностей пермяков находится «Благожелательность» (ценностный индекс равен 0,47). Она раскрывается через желание помогать другим людям, заботиться о благополучии окружающих, в том числе – членах семьи, друзьях. Далее идет «Универсализм» (ценностный индекс равен 0,34), означающий важность равных возможностей для всех людей в жизни, значимость чужого мнения, пусть даже не совпадающего с собственным, и, шире – уважение ко всему живому (не только к людям, но и природе). Четвертое и пятое места занимают «Традиция» и «Самостоятельность» (значения индексов составили 0,09 и 0,07 соответственно). На первый взгляд, ценности «Безопасность» и «Традиция» схожи, обе они принадлежат к категории «Сохранение». Однако, если ценность «Безопасности» по методике Ш. Шварца связана с сохранением жизни и здоровья, то «Традиция» – с сохранением традиционных форм поведения и деятельности, а также следованием семейным или религиозным обычаям.

Подобная расстановка ценностей показывает, что типичные для советского общества ценности безопасности и традиции, усвоенные россиянами среднего возраста в ходе социализации, не только не заместились «постсоветскими» прозападными ценностями богатства, достижения и новизны, но сохранили свое приоритетное значение. Это означает, что догоняющая модернизация по западному образцу невозможна в силу отсутствия для нее в современной России адекватных ценностных оснований. Например, в структуре ценностей американцев среднего возраста ядро составляют «Благожелательность», «Самостоятельность», «Универсализм», «Конформность» и «Достижение»¹, тогда как «Традиции» и «Безопасность» находятся на девятом и десятом местах.

Сравнение полученных в Пермском крае данных с результатами всероссийского опроса, проведенного в рамках Европейского социального

¹ См.: Lee J. Schwartz Values Clusters in the United States and China [Text] / J. Lee, G. Soutar, T. M. Daly, J. J. Louviere // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2011. – No. 42 (2). – P. 234–252.

исследования (ESS, 7 волна, 2014 г.), показывает схожесть ценностных предпочтений пермяков среднего возраста и россиян среднего возраста – для последних безопасность также в приоритете. Однако в Пермском крае ценность безопасности выражена особенно сильно, что во многом объяснимо сложившейся в регионе острой криминогенной ситуацией. Пермский край занимает традиционно высокое место в рейтинге по показателям уровня преступности в стране – 10-е, согласно данным на 2015 г.¹ В соответствии с этим более низка в Пермском крае (по сравнению с Россией в целом) и установка на риск (рисунок 1).

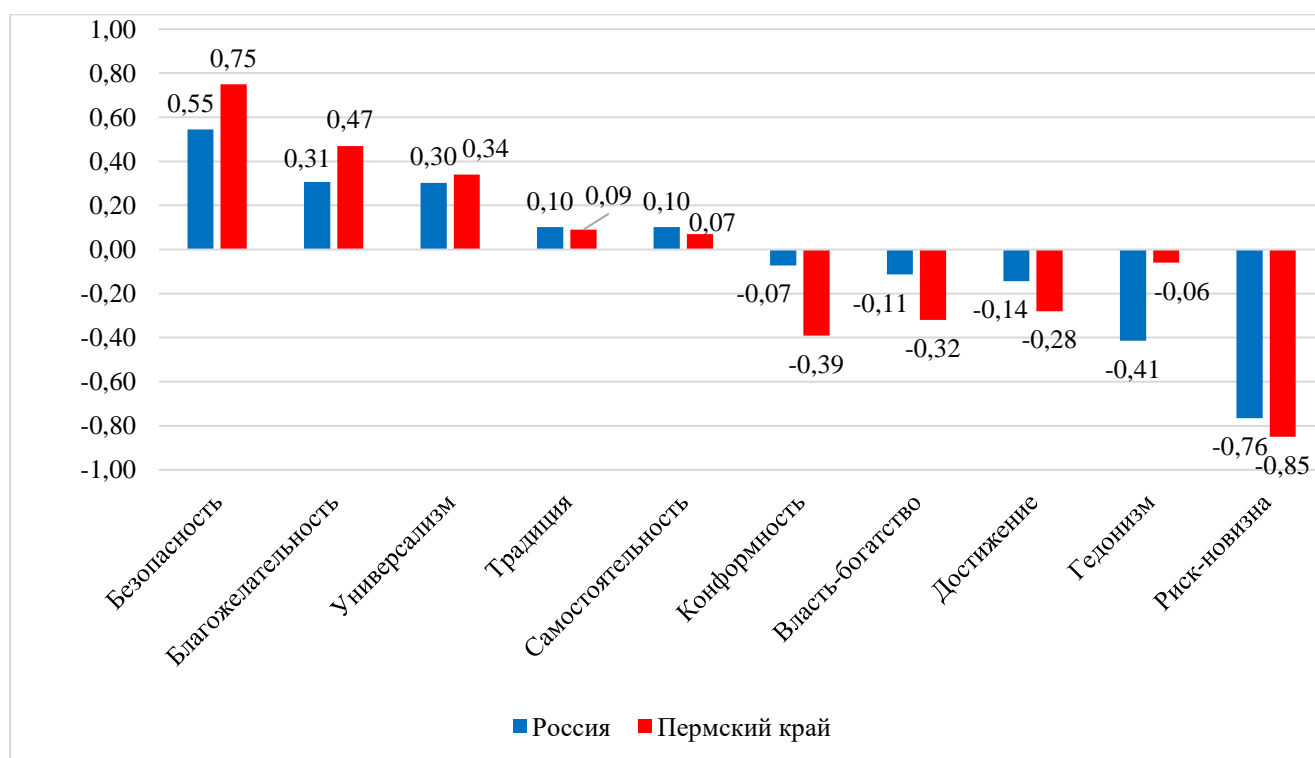

Рисунок 1 – Иерархия ценностей людей среднего возраста в Пермском крае по сравнению с РФ (средние значения ценностных индексов, баллы)

Высокая значимость безопасности для среднего возраста отражает накопленный опыт субъективных переживаний, ставших результатом острых катаклизмов и потрясений, сопровождавших биографические пути людей

¹ Преступность в регионах [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 22.09.2016).

среднего возраста в условиях транзитивности российского общества. К ним следует отнести распад Советского Союза, острейший кризис 1990-х гг., ударивший по благосостоянию людей и уровню их социального и психологического самочувствия, Афганскую и Чеченские войны, вооруженный конфликт в Южной Осетии, современный российско-украинский конфликт и другие военные столкновения, террористические атаки, высочайший уровень преступности, алкоголизм, наркоманию, распространение многочисленных болезней, угрожающий здоровью и счастью населения. Все эти страхи и тревоги неизменно вербализуются в высказываниях информантов: *«Войны, потрясения, теракты один за другим! <...> Бывает, страшно вечерами идти по темной улице, от прохожих не знаешь, чего ожидать... а там еще собаки бездомные»* (женщина, 55 лет); *«...Отсутствие каких-либо страшных болячек в семье <...> не дай Бог, рак»* (мужчина, 31 год).

Высокий уровень опасений отражает нерешенность ключевых общественных проблем, что делает значимость ценностей выживания крайне высокой в российском обществе. Об этом свидетельствует и то, что масштабы тревог распространяются не только на глобальный (мировой, общероссийский) уровень, но и охватывают повседневные практики людей: *«Вдруг кабинка лифта сорвется, потому что у нас лифты старые в России»* (мужчина, 30 лет); *«Действия коммунальных служб... на территории двора разрытые котлованы, не закопанные неделями. <...> Правила дорожного движения соблюдаются <...> условно, и человек даже на пешеходном переходе оказывается в ситуации <...> достаточно опасной»* (женщина, 42 года). Незащищенность, субъективно переживаемая в повседневной жизни, обуславливает стремление избегать неопределенности, рискогенных ситуаций, что приводит к низкой значимости ценностей риска и новизны, занимающих последнее место в ценностной иерархии средневозрастной когорты. Вследствие этого ориентации на постоянство и стабильность находят гораздо большее выражение: *«Пусть в будущем лучше будет спокойно и надежно»* (мужчина, 30 лет).

Важная роль в защите от опасностей отводится государству как гаранту стабильности. С одной стороны, подобное отношение, казалось бы, воспроизводит патерналистские ценности, присущие российской культуре. Патернализм как потребность в опеке со стороны «более сильного» в обмен на лояльность и преданность, как снятие с себя ответственности и пассивность является тормозом модернизационных преобразований. Однако люди среднего возраста склонны рассматривать роль государства по поддержанию безопасности, скорее, в институциональном ключе – как необходимую «функцию», как «задачу», при этом, не стремясь к тому, чтобы государство обеспечивало защиту «во всех отношениях». Наличествует установка на принятие ответственности за обеспечение безопасности самими гражданами. Таким образом, несмотря на то, что патернализм не изжил себя в российской культуре, можно наблюдать тенденцию к постепенному усилению в сознании населения ценности самостоятельности.

Существенных различий в отношении восприятия ценности «Безопасность» между различными подгруппами людей среднего возраста не наблюдается. Это обусловлено, с одной стороны, наличием острых социальных факторов, оказавших значительное влияние в период социализации каждой из возрастных подгрупп. С другой стороны, связано с необходимостью реализации общечеловеческой потребности в безопасности, сохранении жизни и здоровья. Однако ориентация на самостоятельность в обеспечении собственной безопасности сильнее проявляет себя среди возрастных когорт 30–39 и 40–49 лет, условия социализации которых (снижение роли государства в обеспечении граждан, иной родительский опыт, становление рыночных отношений) обусловили потребность в повышении самостоятельности, ответственности за жизнь в условиях кардинальных перемен и остросоциальных проблем: *«Я научен горьким опытом, что государство не будет тебя защищать, пока ты сам чего-то не сделаешь»* (мужчина, 31 год); *«Обеспечение собственной безопасности должно ложиться на плечи самого человека»* (женщина, 42 года). В связи с этим присутствуют установки на ограничение роли государства в некоторых сферах,

прежде всего в сфере экономики. Для представителей самой молодой когорты среднего возраста (30–39 лет) особенно характерны проявления неудовлетворенности работой государства в российском обществе, что повышает необходимость в самостоятельном контроле над условиями безопасности: *«Я определенно негатив к ситуации в нашей стране сейчас испытываю <...> не всегда считаю, что наше государство обеспечивает до конца нашу безопасность»* (женщина, 32 года); *«Государство плохо справляется с данной функцией <...> поэтому в безопасности ощущать себя не приходится»* (мужчина, 31 год). Данная когорта, имея возможность сравнения складывавшейся в России ситуации с условиями жизни в развитых странах мира, демонстрирует меньшую лояльность российскому государству. В то время как среди старшей когорты среднего возраста (50–60 лет), социализация в молодом возрасте представителей которой прошла в условиях советского общества и для которой ценности родительского поколения (патернализм, коллективизм) остались достаточно сильными, установки на защиту и помощь со стороны государства являются значимыми: *«Каждый человек хочет жить в безопасности, и хочет, чтобы его кто-то оградил, а в частности, государство, в котором он живет. Это не может быть плохо, мне кажется»* (женщина, 55 лет).

Несмотря на то, что безопасность относится к ценностям Сохранения, специфический российский опыт в определенном смысле стимулирует развитие модернизационной ценности самостоятельности в условиях низкой безопасности жизни. Люди готовы самостоятельно противостоять угрозам безопасности, предупреждая конфликты в личной и трудовой сферах, защищая других (семью, незнакомых людей) от опасностей, оценивая риски участия в экстремальных видах спорта, развлечениях, путешествиях. Продуктивной с позиции необходимости модернизационных преобразований является высокая значимость стремления к безопасности без акцента на государственных институтах как ключевых субъектах ее обеспечения. Таким образом, ценность, принадлежащая к категории «Сохранение», стимулирует развитие противоположной категории «Открытость изменениям». Это может служить некоторым подтверждением идей

о том, что выраженность традиционных социальных (коллективистских) ценностей не противоречит полностью модернизационному поведению.

Сопоставление данных по Пермскому краю с другими промышленными регионами России, в частности, Свердловской, Вологодской и Омской областями, показал, что ценность безопасности там также выступает значимой для людей среднего возраста. Среднее значение ценности безопасности для средневозрастной когорты составляет в Свердловской области 0,73, Вологодской – 0,78, Омской – 0,89.

На втором месте в ценностной системе представителей средневозрастной когорты находится ценность «Благожелательность» (доброта), что свидетельствует о высокой значимости для них преданности друзьям, добросердечности, заботы об окружающих людях, неравнодушии к происходящим социальным процессам, потребности в принадлежности к группе, общности. Данная ценность является традиционной архетипической составляющей менталитета россиян. Однако «Выход за пределы своего “Я”» не является безусловным: благожелательность как помощь и забота в большинстве своем распространяется на две социальные группы: близкий круг людей – родные, друзья (*«...близкие, родственники, друзья <...> это уже норма поведения»* (женщина, 55 лет)) и разные категории испытывающих лишения, например, дети-сироты, малоимущие, пожилые, инвалиды, тяжело больные, потерпевшие какие-либо бедствия.

В сознании людей проявляет себя установка, согласно которой помощь должна быть оказана тем, кто действительно в ней нуждается и не имеет возможности справиться с проблемой собственными усилиями: *«Я взвешиваю, перекладывает ли человек на меня свою работу или все же ему нужна помощь...»* (мужчина, 30 лет). В определенной мере это вновь отражает значимость самостоятельности в жизни людей, необходимость видеть самостоятельные решения и действия и со стороны окружающих: *«Ситуации, в которых мне не важно принимать решение – это в жизни других людей. Они сами должны их принимать, я могу только посоветовать»* (мужчина, 36 лет).

Наиболее высоко ценность «Благожелательность» выражена у старшей средневозрастной когорты (50–60 лет), что во многом обусловлено особенностями ее воспитания и социализации в целом. В годы юности и молодости когорты духовно-нравственные ценности сохраняли приоритетное значение, передавались посредством семьи и образования, имели сильную государственно-идеологическую поддержку и подкреплялись относительным материальным благополучием эпохи «застоя». Ориентации на духовные ценности, воспринятые когортой, по сей день сохраняются для нее как значимые детерминанты поведения, зачастую преобладающие над материалистическими ценностями. *«Я, наверное, никогда не буду относиться к этой категории [людям, которые стремятся к богатству]... потому что мы были воспитаны с детства так, что для нас деньги, богатство всегда были не на первом месте, всегда было духовное на первом месте. А соответственно, так по жизни и пошло»* (женщина, 55). Духовные ценности, к которым относятся доброта, забота и помощь, старшее поколение старалось заложить и в своих детях (сегодняшних 30-летних), в суждениях которых отражается значения воспитания в формировании соответствующих ценностей: *«...[так] родители воспитали»* (мужчина, 33 года). Однако для них данные ценности имеют относительно меньшую значимость, в то время как значение материалистических ценностей возрастает. То же следует сказать и о группе 40-летних, которые в новых для советского общества условиях информационной открытости, критического отношения к ценностям родительских поколений, демократизации и рынка восприняли важность ценностей материального благополучия и индивидуальной жизни. Отчасти поэтому благожелательность проецируется не на людей вообще или на общество в целом, а прежде всего, на семью, близких и также тех, кто оказался в какой-либо *«критической ситуации»*.

Ценность «Универсализма», раскрытая в опроснике через два компонента – социальный и природный – занимает третье место. «Социальный универсализм» («Uni-social») означает важность равного отношения ко всем людям и уважение чужого мнения, «Природный универсализм» («Uni-nature») – важность охраны

природы. Именно природному универсализму представители средневозрастной когорты придают особенно высокую значимость.

Человеческая экспансия природных ресурсов в XX веке, начале XXI века губительным образом сказалась на состоянии природы, и подобное воздействие не могло не получить отрицательной оценки поколенческой когорты. Защита природной среды, регулирование отношений с природой на основе принципов устойчивого развития выступают одними из ключевых модернизационных ценностей, влияющих на развитие социума и его возможности снизить рискогенность экологических, природных вызовов. На уровне индивидуальных практик модернизационный потенциал данных ценностей находит воплощение в реализации природоохранительного поведения: воспитательной и эколого-просветительской работы в детско-юношеских организациях, волонтерской деятельности (уборка мусора на природе), решении вопросов социально-экологической ответственности (раздельный сбор бытовых отходов, уход за придомовой территорией, посадка деревьев).

Однако развитие данных инициатив в обществе тормозит недостаток совместных солидарных действий (*«...если ты один, то ты ничего и не сделаешь такого масштабного»* (женщина, 55 лет)), ориентация на краткосрочную перспективу (*«...это некая безответственность человечества, называется "после нас хоть потоп"»* (мужчина, 36 лет)), антиэкологические ценности (*«...жажда наживы сильнее, чем желание сберечь»* (мужчина, 30 лет)), негативные проявления индивидуализма (*«...свой комфорт я, к сожалению, ценю больше, чем природу в данный момент»* (женщина, 30 лет)).

Универсализм проявляет себя также в высокой значимости для людей среднего возраста необходимости обеспечения равных возможностей для всех граждан общества. С одной стороны, эта потребность созвучна наличествующему в обществе высокому уровню социального неравенства. Биографические обстоятельства жизненного пути людей среднего возраста не раз способствовали обострению их восприимчивости к проблеме социальной справедливости (падение уровня жизни в 1990-е гг., коммерциализация образования и усиление

его дифференцирующей роли и др.). Кроме этого, ценность социальной справедливости являлась ключевой для коммунистической идеологии, под влиянием которой проходила первичная социализация представителей средневозрастной когорты. В ряде сфер и направлений деятельности общества обеспечение принципов равенства возможностей полагаются особенно необходимым (правовая сфера, медицинское обслуживание, доступность информации, работа с особыми группами населения (например, инвалидами), участие в конкурсах (поступление в ВУЗ, реализация проектов в сфере бизнеса) и др.).

С другой стороны, высокая оценка значимости равенства возможностей одновременно сопровождается скептицизмом, ассоциациями с утопическими представлениями, что обусловлено опытом социалистического прошлого (крахом советской системы, разочарованием в коммунистических идеалах) и необходимостью адаптироваться к новым рыночным отношениям, основанным на иных ценностях. Когорта среднего возраста во многом усвоила эти новые ценности. Здесь наблюдается своеобразное ценностное противоречие: универсализм как принцип одинакового обращения и равных возможностей остается высоко значим, однако, как «недостижимый идеал». Особенно ярко это проявляет себя среди старшего поколения: *«Похож, и сильно похож [на человека, которому важно равенство возможностей], но, в принципе, я понимаю, что это идеальная картинка, которая недостижима»* (женщина, 56 лет). В реальных действиях люди среднего возраста руководствуются альтернативным принципом «чем больше человек прикладывает усилия, тем больше он получает», другими словами, им ближе честная конкуренция, достижения, чем равенство: *«Когда говорят, что что-то там не так <...> не повезло, не та страна, не те родители... Я считаю, что это относится, скорее, к разряду отговорок. Это же что-то делать надо! А позиция, когда «ой, не повезло, у меня возможности, понимаете, не равные... вот такой уродился... не могу я» – удобная позиция»* (мужчина, 30 лет); *«Человек должен занять свое место в жизни и работать с удовольствием и <...> получать адекватный доход – своему вложенному труду»*

(женщина, 42 года); *«Все люди по-разному проявляют себя, работают, и они могут дать обществу неодинаковое количество, скажем, пользы... И, соответственно, ответно ведь должно быть: человек принес больше пользы, значит, ему будет больше...»* (женщина, 55 лет).

Подобные достижительные ценности разделяют представители всех когорт внутри средневозрастной группы. Ценность Универсализма, как это отражено в круге Ш. Шварца, альтернативна ценности Достижения. И в ценностной иерархии людей среднего возраста ценность Достижения занимает невысокое место. Однако анализ глубинных интервью показывает, что достижительные ценностные установки, относящиеся к индивидуалистическим (личным) и выступающие «двигателем» процесса модернизации, представляют собой своеобразный «скрытый» (не всегда четко вербализуемый и не демонстрируемый напрямую) потенциал средневозрастной когорты, развитие которого во многом было обусловлено влиянием перестроечных преобразований, постепенного отказа от социалистических идеалов, открытия границ в информационном социокультурном пространстве, переходом к новым социально-экономическим условиям. В то же время осознанность и готовность демонстрировать высокую значимость ценности Достижения присущи преимущественно предпринимателям как ядру носителей рыночной культуры.

Количественный анализ свидетельствует о некотором преобладании ценности «Универсализма» в структуре ценностей когорты 50–60 лет, по сравнению с более молодыми возрастами, что, на наш взгляд, объяснимо опытом советской социализации данной когорты и усвоением ключевых ценностей социалистического общества (в частности, равенства возможностей, справедливости): *«Равенство возможностей очень важно: в противном случае, человечество бесконечно будут «терзать» распри, противоречия, конфликты и пр.»* (женщина, 54 года).

Четвертое место в ценностной иерархии людей среднего возраста занимает ценность «Самостоятельность», имеющая практически равное значение для всех возрастных подгрупп. Во-первых, относительно высокое значение данной

ценности, как уже было отмечено ранее, обусловлено спецификой социализации средневозрастной когорты, прежде всего в юности и молодости. Во-вторых, причиной выступают такие возрастные особенности когорты, как преимущественно активная стратегия контроля над жизненными обстоятельствами, высокий уровень производительности и продуктивности в различных сферах жизнедеятельности, способствующие и требующие реализации самостоятельных жизненных решений. Именно поэтому самостоятельность принятия решений и самостоятельные, независимые действия значимы практически для всех ключевых сфер жизненного опыта: личной жизни, быта, досуга, учебы, работы, бизнеса, политики, общественно-гражданской активности, духовной сферы, экстремальных ситуаций, и, в особенности, для тех ситуаций, которые требуют выполнения руководящих и лидерских ролей. Ценность самостоятельности выражена, прежде всего, в независимости мышления и поступков («...совершать поступки только посредством своих каких-то умозаключений» (женщина, 30 лет)), а также несении за них ответственности и самоконтроле («...я знаю, что за принятое мной решение буду отвечать – то я конечно буду принципиальной и буду настаивать на этом решении и в соответствии с какими-то правилами поступать» (женщина, 42 года)). Кроме этого, ценность «Самостоятельность» оказывается связанной с ценностью «Благожелательность» как необходимым мерилем индивидуальных поступков: самостоятельные действия, решения, творчество должны «...стимулировать деятельность, приносить пользу» (мужчина, 46 лет), не должны пагубно сказываться на других людях: «...некоторые просьбы, если я на них отвечаю, могут повредить человеку» (мужчина, 30 лет).

Таким образом, ценность «Самостоятельность», разделяемая людьми среднего возраста, выступает одним из ключевых ценностных ресурсов их модернизационного потенциала. Готовность нести ответственность за свои решения и действия, оригинальность, творчество, самовыражение, которые, вместе с тем, построены на законопослушности, доброжелательности и уважении к другим людям, могут быть основой для модернизационного процесса.

Высоко ценится самостоятельность жителями среднего возраста и в других регионах России. Так, в Вологодской области соответствующий ценностный индекс составляет 0,4, в Свердловской – 0,37, Омской – 0,31.

Ценность «Традиция» занимает пятое место среди других ценностей. Однако, как показывает межгрупповое сравнение, подобное довольно высокое значение традиций характерно только для двух старших когорт среднего возраста, и прежде всего – для 50–60-летних. Этому способствует, с одной стороны, семейное наследование традиций, игравших значительную роль в жизни родительского поколения когорты 50–60-летних. Другой причиной выступает обусловленная возрастными особенностями потребность в сохранении жизненных ориентиров, принципов и убеждений, сформированных и закрепленных с течением жизненного опыта. Вследствие этого для когорты характерен определенный консерватизм: *«Сейчас уже не могу вести себя иначе, потому что <...> это с молоком матери уже впитано, поэтому оно и идет так по жизни»* (женщина, 55 лет).

В свою очередь, младшая возрастная когорта (30–39 лет) отодвигает ценность традиции на более дальний план, а пятерку лидирующих ценностей для этой группы замыкает ценность «Гедонизм», что представляется достаточно естественным. Снижение значения традиций для молодой когорты связано с многообразием социальных ролей, жизненных траекторий и выборов, предлагаемых человеку современным обществом взамен относительной устойчивости социального порядка в прошлом. В условиях значительного культурного и социального многообразия традиции теряют в глазах молодых людей содержание, смысл, который, зачастую, не понимается: *«Жизнь меняется, и обычаи уже не становятся актуальными»* (мужчина, 34 года).

Люди среднего возраста связывают ценность «Традиции», прежде всего, с национальными и семейными обычаями, совместным празднованием Нового года, 9 мая и Дня рождения. По сравнению с семейными традициями, религиозные обычаи ценятся меньше: *«Я человек от религии, скажем, не очень далекий, но далекий, а семейные традиции для меня <...> гораздо важней»*

(женщина, 42 года); *«Семейные традиции, да, мы поддерживаем все. А религиозные... в какой-то мере да, тоже. Ну, так, не глубоко...»* (женщина, 55 лет); *«Религиозные традиции? С религией у меня сложные отношения вообще»* (мужчина, 30 лет). Средневозрастная когорта в определенной мере является наследницей советского атеистического прошлого, воспринявшей идеи секуляризации общественного сознания, высокой роли науки и рационального мышления. К тому же, разрушение прежней идеологии во многом обусловило критическое отношение к любым догмам, религия стала восприниматься как социальный институт и даже средство манипуляции людьми. В то же время религиозная вера для части возрастной группы остается значимой.

Доминирующие среди средневозрастной когорты ценности по отношению к модернизации носят стабилизирующий характер. В ценностное ядро не входит «Достижение», а низкое положительное значение индекса «Самостоятельности» фактически указывает на пограничный статус данной ценности.

Ценности «Конформность», «Гедонизм», «Достижение», «Власть-богатство» и «Риск-новизна» имеют отрицательные значения и поэтому – гораздо менее значимы для средневозрастной когорты. Это обусловлено глубинными социокультурными факторами – контекстами, в которых осуществлялась социализация людей среднего возраста в детстве и молодости, определившими формирование и закрепление ценностей «коллективистской направленности», слабо модифицированных даже серьезными социально-политическими и социально-экономическими преобразованиями 1990-х гг.

Ценность «Конформность» проявляет себя неоднозначно. С одной стороны, есть правила, соблюдение которых является обязательным – это правовые нормы, влекущие за собой административную или уголовную ответственность: *«Неадекватные поступки, конечно, я совершаю, но я стараюсь их избегать. Неадекватность <...> плачевна многими ситуациями, вплоть до уголовной ответственности. Зачем такие риски?»* (мужчина, 36 лет). С другой стороны, существуют и те правила, нарушение которых возможно. Среди них, во-первых, различного рода неточности и непунктуальность (например, опоздания на

работу), к которым люди в российском обществе зачастую склонны относиться снисходительно. С позиций модернизационных преобразований подобные социальные практики вряд ли возможно назвать продуктивными. Во-вторых, правила, которые не соблюдаются другими, что вызывает сходную реакцию («...если начальник не приходит вовремя, то и я могу немного опоздать» (мужчина, 30 лет)). В-третьих, нормы, для исполнения которых не созданы специальные условия («...курение в общественных местах, где не выделены помещения» (мужчина, 36 лет)). Многие нормы люди готовы нарушить также в стрессовых, экстремальных обстоятельствах и при угрозе человеческой жизни: «Если у меня в машине сидит раненый человек, которого надо скорее довести до больницы или беременная женщина, которая рождает, то нормально нарушить правила дорожного движения, чтобы помочь этому человеку» (мужчина, 30 лет).

Будучи глубоко ориентированными на ценность самостоятельности, люди среднего возраста с несогласием относятся к тому, что всегда следует *«делать то, что им говорят»*. Ценность «Самостоятельность», таким образом, оказывается противоположной ценности «Конформность». С одной стороны, подобная установка способствует усилению творческой составляющей, предполагающей создание новых «правил». С другой стороны, неподкрепленная ценностями честности и ответственности такого рода самостоятельность может вести к оппортунизму.

Относительно большую конформность демонстрирует возрастная когорта 50–60 лет, что, как уже было отмечено, обусловлено возрастными и социокультурными особенностями.

Ценность «Гедонизма» имеет тенденцию снижения выраженности с увеличением возраста, что означает ее высокую значимость для более молодых когорт и более низкую – для старших. Для возрастной когорты 50–60 лет малозначимость гедонистических ценностей во многом связана с особенностями жизненного пути, требующего вложения большого количества сил и времени в трудовую деятельность в условиях сложных российских реалий: *«Раньше у меня <...> времени просто для отдыха было мало, поэтому я как-то не научилась*

отдыхать, баловать себя, хорошо проводить время» (женщина, 55 лет). Кроме этого, следует отметить и особенности воспитания данной когорты, ориентированного на ценности трудовой самоотдачи и трудолюбия: *«Слишком ответственно отношусь к обязанностям, и это часто «закрывает» личные желания»* (женщина, 54 года). Отдых, наслаждение и веселье связываются с расслаблением, с ситуациями, незначительными в масштабах всей жизни. Низкая значимость гедонизма обусловлена и восприятием его как проявления эгоизма и потребительского поведения. Это свидетельствует о том, что ценность «Гедонизма» находится в конфликте с «Благожелательностью».

Во многом схожие характеристики можно отметить в группе 40–49-летних, для которых реализация ценностей гедонизма в повседневной жизни хотя и более желательна, но не всегда возможна вследствие необходимости уделять время работе, либо из-за материальных ограничений: *«Хотелось бы позволить себе отдохнуть, побывать там, где ты хочешь <...> позволить себе комфорт в доме, ну, и прочие атрибуты, так скажем, светской жизни <...> но не всегда это удается»* (женщина, 42 года).

Иное отношение к гедонизму показывает младшая средневозрастная когорта, для многих представителей которой гедонистические ценности являются относительно важной составляющей их образа или стиля жизни: *«Да, я люблю хорошо проводить время. Безусловно. Это удовольствие <...> Когда сходила на балет <...> не просто физически было приятно... но вот внутренне, духовно, эмоционально <...> получать положительные эмоции от искусства – это очень важно <...> То же касается шопинга, еды...»* (женщина, 30 лет); *«Я не откажусь от возможности повеселиться. Если мне предлагают сходить в кино или, там, в боулинг на ночь, а завтра мне на работу – я не откажусь, чтобы хорошо провести время»* (мужчина, 31 год). Это объяснимо тем, что, с одной стороны, более молодым людям присуща такая социально-психологическая черта, как стремление к самореализации в различных сферах, включая досуговую, в которой возможно удовлетворение потребностей в отдыхе, общении, саморазвитии, веселье или получении каких-либо наслаждений. Другое

объяснение, по-видимому, следует искать в культуре современного общества, поощряющей гедонистическую составляющую жизни в ее различных проявлениях – как функциональных, так и дисфункциональных позитивному развитию человека. Подобные гедонистические ценности находят отклик среди более молодых людей, воспринимающих и усваивающих их как значимую часть жизни.

Ценность «Достижение» значима для людей среднего возраста, прежде всего, в той части, которая касается признания их способностей и результатов деятельности другими людьми: *«Мне нравится, когда меня хвалят <...> в приготовлении пищи, спорте, где есть возможность... выявить себя»* (мужчина, 36 лет); *«Успешность повышает самооценку и призывает к самообразованию»* (мужчина, 46 лет). Как было отмечено, подобные достижительные установки присущи средневозрастной когорте вследствие воздействия особых социализирующих факторов, а также сформированной активной стратегии контроля над биографическими обстоятельствами.

Более выраженные ориентации по отношению к ценности «Достижение» демонстрируют представители самой младшей средневозрастной группы (30–39 лет), а затем – когорта 40–49-летних. Обе эти группы в процессе социализации усваивали отличные от родительских ценности рыночной экономики, во многом иные жизненные (профессиональные, трудовые и др.) стратегии, реализация которых требовала опоры на достижительные установки. Кроме этого, данные возрастные периоды отличаются особой активностью человека в различных сферах жизнедеятельности (труде, семье, общении), связаны с потребностями в социальной мобильности, включая карьерное продвижение, а потому обуславливают приверженность ценностям успеха и социального признания.

Однако стремление к демонстрации своих способностей, достижению высокого социального положения, к тому, чтобы быть лучшим среди остальных присущи далеко не всем представителям средневозрастной когорты, слабо сформированы. В особенности это характерно для старшей средневозрастной когорты. Отчасти подобное отношение объяснимо особенностями воспитания,

наследующего традиционные ценности скромности и простоты и формирующего определенные черты характера: *«Способности-то, может, и проявляла, но так, чтобы этим любовались и оценивали все, мне не всегда хотелось <...> это может быть чревато, что тебя куда-то еще выдвинут»* (женщина, 55 лет). Поэтому часто среди представителей данной когорты встречаются люди, которые добились многого в жизни, но делали это не столько для себя, сколько в общественно-ориентированных и организационных целях: *«Достижения важны, но не столь для собственных амбиций и признательности со стороны других, сколько от ответственности за престиж и успешность учреждения»*. (женщина, 54 года). В этом можно найти отражение потенциала коллективистских ценностей, усвоенных когортой в молодости.

Ценность достижения условно можно отнести к ценностям «для себя», ассоциируемым с личными целями, персональным успехом. В этом смысле она противостоит ценности благожелательности, ориентированной «на другого». Это означает, что в реальной практике построение системы мотивирования, ориентированной на усиление модернизационной направленности поведения (например, работников организаций), не может апеллировать к личным выгодам и предпочтениям. Гораздо эффективней будет акцент на общем благе, коллективной выгоде и разделенном успехе. Таким образом, принятый в качестве критерия инновационной активности уровень мотивации достижения в российских реалиях оказывается неуместен, по крайней мере, применительно к средневозрастной когорте.

Власть и богатство для людей среднего возраста не являются терминальными ценностями, деньги выступают в качестве средства для обеспечения жизнедеятельности и достижения жизненных целей: *«Неважно <...> количественное богатство, сколько именно у тебя будет непосредственно денег, а чтобы тебе хватало именно на то, что тебе нужно»* (мужчина, 30 лет). Но, как уже было отмечено выше, две более младшие когорты проявляют большую склонность к материальной обеспеченности: *«Ну, богатым или не богатым? Обеспеченным – да. Т. е. свои материальные потребности я, конечно, хочу,*

чтобы они удовлетворялись <...> я хочу комфортно жить» (женщина, 30 лет). В то же время старшая средневозрастная когорта по отношению к данной ценности занимает другую позицию, демонстрируя большую ориентацию к иным ценностям, прежде всего, духовного характера: «Нет, деньги-то, конечно, надо зарабатывать. Почему и работать надо... это составляет основу нашей жизни все равно. Но в приоритете-то не должно быть только зарабатывание денег... Кроме него, это еще семья, это свое духовное развитие, ну, и т. д.» (женщина, 55).

Опять же, обнаруживается диссонанс между традиционно применяемой в зарубежной практике системы материальной мотивации для задач повышения инновационной активности (стимулирования модернизационного поведения) и фактической ее неработоспособностью в отечественных условиях.

Рост популярности использования категории «риск» для характеристики современного общества привел к тому, что восприятие риска как нормы, естественного состояния, неотъемлемого атрибута повседневности стало интерпретироваться в качестве условия успешного развития. Как следствие, необходимость толерантного отношения к риску, его высокого положения в ценностной иерархии зачастую называется «фактором прогресса»¹. Тот факт, что россияне среднего возраста не разделяют ценность риска (ценностный индекс по России в целом составил (-)0,76, по Пермскому краю – (-)0,85) в первом приближении говорит о слабой промодернизационной ориентированности их ценностей. Однако сторонники включения риска в число ценностей, способствующих модернизации, склонны интерпретировать его как готовность самостоятельно принимать решения, готовность брать на себя ответственность (западноевропейская культурная парадигма модернизации), тогда как россияне вкладывают в данную категорию иной смысл – а) риск как приключение («...приключения — это весело, с приключениями жизнь насыщена, но все в пределах разумного, рисковать я не люблю <...> можно рискнуть, если скучно

¹ См., например: Мاستикова Н. С. Ценностный аспект процесса модернизации: сравнение ценностей россиян и европейцев [Электронный ресурс] : автореф. дисс. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н. С. Мاستикова // Официальный сайт ИС РАН. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3342> (дата обращения: 14.06.2017).

жить без весёлых событий» (мужчина, 34 года)); б) риск как ненужные (бессмысленные) и неприятные изменения («...слушать другую музыку, которую я не люблю – это будет некомфортно. Заниматься лыжами, которых я не люблю, это тоже будет некомфортно. На лошади покататься – тоже боюсь. Для меня это риск» (женщина, 55 лет)); в) риск как неожиданность («...я хочу знать, чего ожидать от каждой ситуации, к чему быть готовым» (мужчина, 34 года)) и г) риск как дистресс («...риск – это неприятности, они, как правило, бывают неожиданными; мне ближе положительные события, к которым маленькими шажками идешь длительное время. Они приносят положительные, но более спокойные эмоции» (женщина, 42 года)). Отсюда, модернизационный потенциал ценностей россиян среднего возраста заключается не в стремлении рисковать (что означает для них принимать бессмысленные или необдуманные решения), а в готовности быть самостоятельными.

Показатели ценности «Риск-новизна» по Пермскому краю в целом соотносятся с соответствующими показателями в других регионах России, где данная ценность также входит в число относительно менее значимых. Так, значение индекса этой ценности составляет в Свердловской и Вологодской областях $(-0,33$ в каждой.

При анализе результатов исследования на предмет выраженности осей мотивационного круга Ш. Шварца можно сделать вывод о преобладании у людей среднего возраста двух следующих ценностных категорий (рисунок 2). Во-первых, это категория «Выход за пределы своего “Я”», среднее значение которой составляет в Пермском крае 0,3, по России в целом – 0,4. Для сравнения, значения альтернативной ей категории «Самоутверждение» составили $(-0,3$ и $(-0,13$ соответственно по каждой из рассматриваемых территорий. Другими словами, люди среднего возраста больше ценят комфортность существования окружающих людей, равенство для них жизненных шансов, возможность помогать, нежели собственный успех и способность оказывать влияние.

Второй значимой ценностной категорией выступает «Сохранение»: ее среднее значение составляет в Пермском крае 0,15, в России – 0,19, в то время как

значения противоположной, менее значимой категории «Открытость изменениям» – $(-0,28$ и $(-0,36$ соответственно.

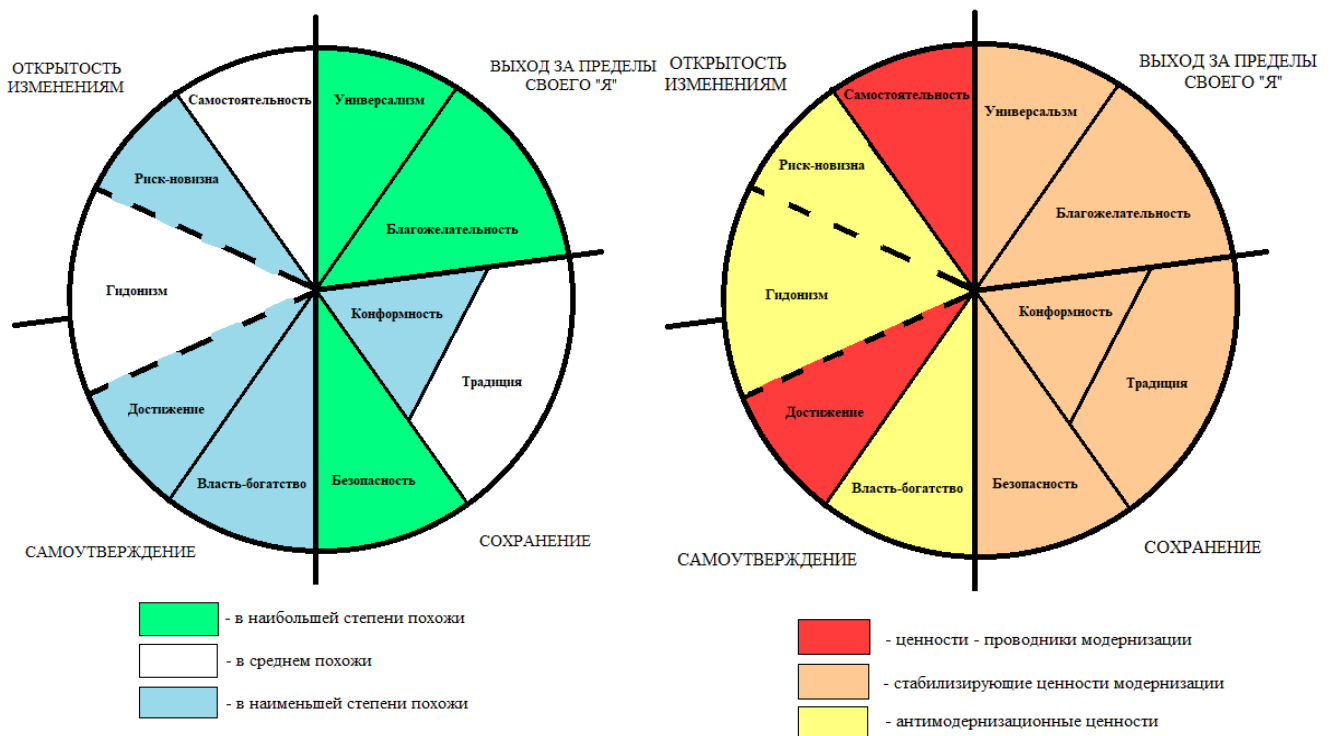

Рисунок 2 – Фактическая (слева) и целевая (справа) ценностная модель сознания россиян среднего возраста

Сравнение ценностей населения средних лет с ценностями жителей в целом показало соответствие их ценностных структур. Однако дальнейший сравнительный анализ различных возрастных групп населения выявил ряд отличий. Люди средневозрастной когорты, по сравнению с людьми более старшего возраста (старше 60 лет), выражают большую готовность к независимости и самостоятельности, включению творческих элементов в деятельность, в том числе в производственную, организационную; они сильнее ориентированы и на признание окружающими собственных способностей и достижений. Подобные ценности, оказывая воздействие на мотивационную составляющую деятельности людей среднего возраста, способствуют усилению их вовлеченности в модернизационные процессы и реализацию инновационных проектов. Несмотря на то, что самостоятельность не обязательно ведет к принятию инноваций, она повышает вероятность их инициирования. Т. е.

человек, для которого важно «придумывать новое и подходить ко всему творчески» (суждение, раскрывающее в опроснике ценность «Самостоятельность»), скорее примет на себя роль инноватора, нежели тот, кто не ценит возможности творческого подхода.

При сравнении разных возрастных субгрупп (30–39 лет, 40–49 лет и 50–60 лет) составляющих группу людей среднего возраста, выявлены некоторые различия. По мере увеличения возраста людей для них все большее значение начинают приобретать следующие ценности: «Традиция», «Конформность», «Универсализм» и «Благожелательность». В свою очередь, ряд иных ценностей («Гедонизм», «Достижение», «Риск-новизна», «Власть-богатство») становится все более малозначим (рисунок 3).

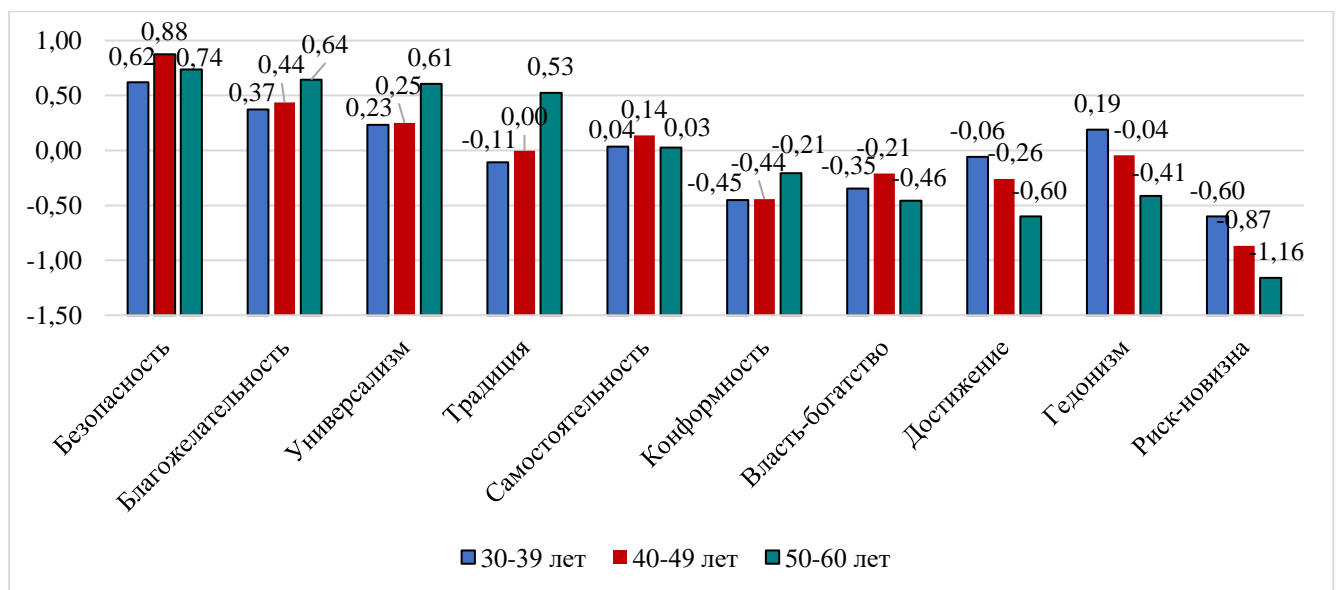

Рисунок 3 – Средние значения ценностных индексов в возрастных когортах 30–39 лет, 40–49 лет, 50–60 лет (баллы)

Отказ более старших возрастных когорт от риска и новизны объясним комплексом причин возрастного, социокультурного и исторического характера. С одной стороны, сформированная с возрастом устойчивая система убеждений личности может выступать источником консерватизма, препятствовать восприятию нового, инновационного, снижать потребность в развитии. С другой

– у представителей различных средневозрастных подгрупп разнятся и социальные позиции, роли людей разных лет. Так, у представителей более молодой средневозрастной когорты существует более выраженная потребность в профессиональном самосовершенствовании, карьерной мобильности. Этому возрастному периоду присущи большие возможности для оптимальной трудовой деятельности, повышения уровня своего благосостояния и благополучия семьи. В то же время на данном этапе менее выражены социальные риски, обусловленные выходом на пенсию и ухудшающимся с возрастом здоровьем. В более старшем возрасте усиливаются стремления людей в сохранении существующих социально-статусных позиций, формируемого в течении долгих лет запаса социокультурных и материальных ресурсов. Высокая приверженность ценностям творчества, новизны и самореализации во многом обуславливает то, что люди продолжают вести активный, деятельный образ жизни в профессиональной, общественной, внутрисемейной и т. п. областях и в пенсионном возрасте. Однако общей тенденцией все же является снижение выраженности ценностей риска, открытости изменениям и творчества с возрастом.

Вместе с усилением традиционных ценностных ориентаций, все большее значение для старшей средневозрастной когорты начинают приобретать ценности благожелательности, доброты, сочувствия, альтруизма и взаимопомощи. Актуализация данных ценностей совпадает с тем этапом жизни (и отражает его), когда люди переживают своеобразный пик множественных обязанностей: с одной стороны, они продолжают осуществлять оплачиваемую трудовую деятельность, заботиться о детях, а с другой – на их плечи ложится забота о внуках и пожилых родителях. Осуществление ухода за престарелыми родителями, «вызов заботы» о них оказывается одной из острейших проблем данного периода жизни, зачастую сопровождаемого особыми неблагоприятными последствиями: стрессовыми эмоциональными состояниями и повышенной тревожностью, физической усталостью, общим ухудшением состояния здоровья, возникновением конфликтных ситуаций в семье, нехваткой свободного времени, необходимостью

сделать перерыв в профессиональной деятельности или оставить ее¹ и т. п. В условиях современной России проблема обостряется крайне низким уровнем развития социальных институтов, которые могли бы оказывать помощь людям в подобных ситуациях. Данную проблему можно обозначить как препятствующую реализации модернизационного потенциала людьми среднего возраста.

Интересно, что самая старшая средневозрастная подгруппа оказалась не самой ориентированной на безопасность (что следовало бы из структуры их ценностного ядра и при учете социокультурных контекстов жизненного пути). Фактически, ценности «Благожелательность», «Универсализм» и «Безопасность» оказываются для данной когорты равнозначными (статистически значимых различий по критерию важности перечисленных ценностей не обнаружено). Набор ценностей подгруппы 50–60 лет можно назвать условно соответствующим стабилизационно-модернизационному кругу, способствующему закреплению модернизационных преобразований, инноваций и описываемому через важность равного обращения с людьми, толерантных отношений, безопасных условий жизни, воспитания, семьи, общества и прошлого.

Нельзя не отметить и то влияние, которое оказали особенности социализации в юности и молодости представителей различных поколенческих когорт на становление их ценностного мира. Как было показано, старшие возрастные когорты, социализация которых в молодом возрасте происходила полностью в условиях советского общества, гораздо больше тяготеют к идеалам социалистического проекта модернизации, основанного на ценностях коллективизма, социальной справедливости, патернализма, интернационализма.

Более молодые представители средневозрастной группы в условиях влияния на процесс их социализации во многом отличных социально-экономических и культурных факторов в большей мере воспринимали ценности индивидуализма, прагматизма, самостоятельности.

¹ См.: Галкина Ю. Социолог Елена Здравомыслова – о «непродуктивной» старости и боли «поколения сэндвич» [Электронный ресурс] / Ю. Галкина // The Village. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/232683-sandwich-generation> (дата обращения: 23.03.2017).

Средневозрастная когорта – это преимущественно экономически активное население, среди которых большинство работающих. По данным Росстата, на конец 2016 г. численность населения в возрасте от 30 до 59 лет в России составляла 64382,5 тыс. человек, в том числе 53035 тыс. человек (82,3 %) были заняты в различных отраслях экономики¹. Доля руководителей в группе занятых среднего возраста составила 8 %².

В средневозрастной когорте сконцентрировано 80 % всех занятых в сфере индивидуального предпринимательства россиян. Причем, распределение индивидуальных предпринимателей по 5-летним возрастным группам практически равномерное, начиная с подгруппы 30–34 года и до 50–54 года³.

Руководителям и предпринимателям отводится несколько иная роль в модернизационном проекте, нежели рядовым наемным работникам⁴. Первые скорее выступают катализаторами модернизационных процессов, тогда как вторые играют скорее «закрепляющую» роль, однако, как было показано ранее, только их тесный союз и совместная активность способны обеспечить реальные модернизационные преобразования. Для оценки степени согласованности ценностей различных профессионально-статусных групп внутри средневозрастной когорты был проведен сравнительный анализ ценностей предпринимателей и наемных работников Пермского края.

Установлено, что структура ценностей предпринимателей имеет свою специфику и значительно отличается от ценностной структуры основного контингента работающих (рисунок 4): преобладающими группами ценностей для предпринимателей выступают «Открытость изменениям» и «Самоутверждение». Особенно сравнительно высоки показатели ценностей «Достижения» («...хочется быть весомым механизмом» (мужчина, 31 год); «...я бы хотела, чтобы ко мне прислушивались, т. е. моим мнением интересовались» (женщина, 30 лет)) и «Власти-богатства» («...я похож на человека, который стремится к богатству,

¹ Труд и занятость в России 2017 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2017. С. 22, 42.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 54.

⁴ См.: Заславская Т. И. О социальных акторах модернизации России [Текст] / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 13–25.

для этого все и сделано <...> чтобы я и моя семья могли чего-то позволить себе. Потому что мир построен на деньгах и никак по-другому» (мужчина, 31 год), включенных в верхнюю половину ценностной иерархии, что отражает высокие их предпочтения в социальной группе предпринимателей.

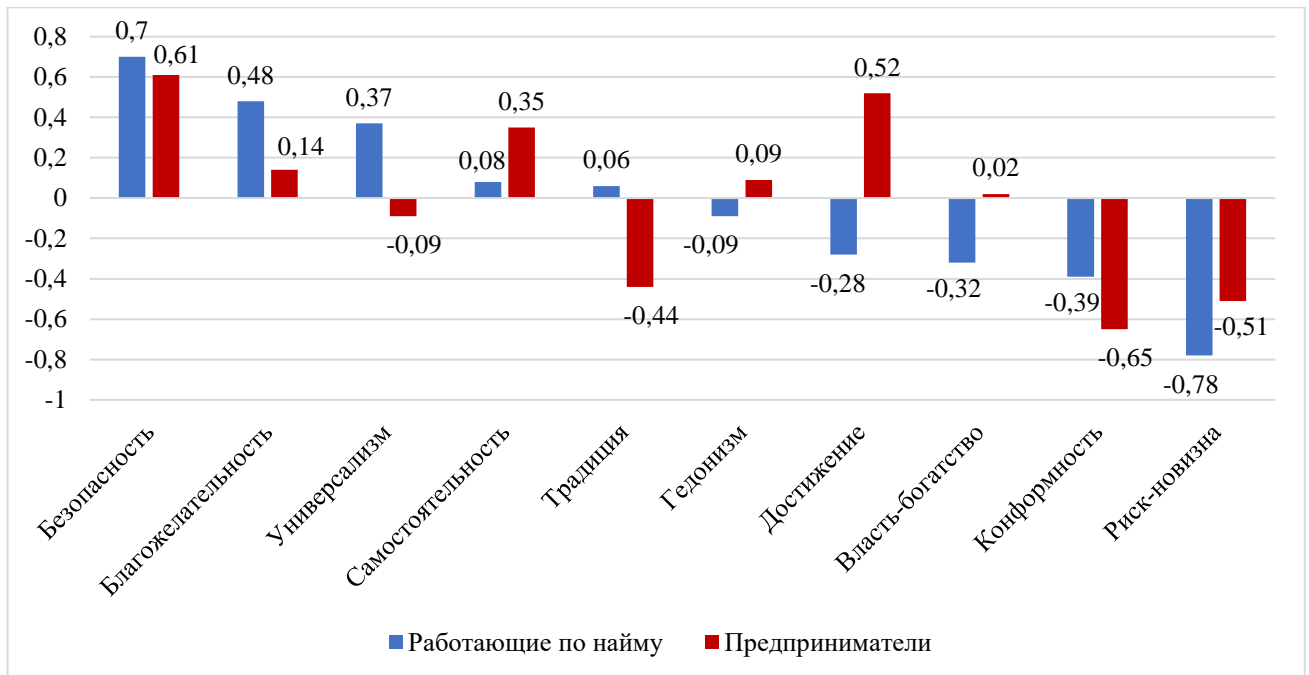

Рисунок 4 – Средние значения ценностных индексов в группах респондентов среднего возраста, работающих по найму и предпринимателей (баллы)

Ценностный портрет предпринимателей демонстрирует высокую поддержку ими независимости и самостоятельности суждений, поступков и действий, высокий уровень готовности к риску, открытость гедонизму и жизненным наслаждениям, а также меньшую приверженность к сохранению традиционных социальных практик и реализации конформного поведения. В этом проявляется их стремление к высокому социальному статусу, престижу, авторитету, общественному признанию, доминантной позиции, реализации амбиций, компетентности. Выявленная структура ценностей предпринимателей представляется логичной, но не вполне продуктивной с точки зрения целей модернизации. Отказ от ценностей благожелательности, традиции и универсализма в пользу достижений чреват возникновением ряда угроз,

поскольку не будут приниматься в расчет социальные риски, связанные с модернизационными преобразованиями (как следствие низкой значимости благожелательности и универсализма), а их проведение будет строиться без учета социокультурных особенностей общества (как следствие низкой значимости традиции).

В мотивационном круге Ш. Шварца ценность «Достижение» является оппозиционной «Благожелательности». Для ценностной структуры предпринимателей этот конфликт особенно характерен, он проявляется в их более скептической реакции по отношению к ценностям дружбы, помощи, доброты и более сильной установке на прагматизм, деловитость, самоутверждение: «...я карьерист, для меня в большей степени имеют значение дела, связанные с работой... нежели пустые ежедневные встречи с друзьями» (мужчина, 31 год); «...а если начинаются какие-то сложности: участие в социальных программах, в турне ехать по детским домам, концерты какие-то показывать <...> я не живу этим, отвлекаться на такие вещи мне некогда» (женщина, 30 лет); «...людям, до которых мне нет дела, я ничего не советую» (мужчина, 31 год).

Таким образом, кроме типичных для людей среднего возраста ценностей универсализма, безопасности и самостоятельности, предпринимателям присуще стремление к самоутверждению, что относится к индивидуалистическим ценностям и стимулирует у данной социальной группы новаторское поведение, которое, в определенном смысле, может быть важным ресурсом в модернизационном процессе. Так, пермских предпринимателей отличает более высокий уровень вовлеченности в инновационный процесс, по сравнению с рядовыми жителями Пермского края. Согласно данным нашего исследования, около 40 % принявших участие в опросе предпринимателей в течение последнего года участвовали в создании и продвижении инновационных идей, методов или продуктов.

Среди людей среднего возраста, работающих по найму, ценности «Безопасности» и «Универсализма» выражены сильнее, нежели у предпринимателей. Во многом это характеризует их как индивидов,

нуждающихся в защите государства, стабильной жизни, социальном порядке, равных возможностях. Обе эти ценности относятся к коллективистским и, казалось бы, указывают на патерналистский и традиционалистский тип поведения. Работы Ш. Шварца, посвященные ценностно-мотивационному кругу, акцентируют внимание на конфликтности противостоящих ценностей¹. Согласно результатам наших исследований², эта особенность характерна, прежде всего, когда одна ценность является высоко выраженной, доминантной, а другая имеет низкое значение. Однако, представленный анализ связей «Достижения», «Самостоятельности», «Универсализма» и «Безопасности» позволяет предположить, что оппозиционные ценности могут образовывать взаимосвязанную систему не только на основе конфликта и противостояния, но и по принципу взаимного дополнения.

Исследование показало, что не только индивидуалистические ценности, занимающие в структуре ценностей людей среднего возраста относительно высокие места (прежде всего, «Самостоятельность»), способствуют модернизационным преобразованиям. Коллективистские ценности в ряде случаев не только не препятствуют, но, напротив, стимулируют модернизационные и инновационные изменения, будучи связанными с индивидуалистическими ценностями. В частности, к таким коллективистским ценностям относятся «Безопасность», «Благожелательность» и «Универсализм», каждая из которых в той или иной мере способствует реализации модернизационных практик.

В то же время такая индивидуалистическая ценность, как «Гедонизм», относящаяся к ценностной категории «Открытости изменениям», не всегда связана с потребностью человека в саморазвитии, часто отражает

¹ См., например: Шварц Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Текст] / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 2. – С 44–70.

² См., например: Плотникова Е. Б. Опыт использования качественного, количественного подходов в исследовании модернизационного потенциала в структуре ценностей населения российских регионов (на примере Пермского края) [Текст] / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», 26–29 сентября 2016 г. Самара-Тольятти. – Самара : Самарский университет, 2016. – С. 72–77.

потребительские установки, а потому, скорее, не может рассматриваться как модернизационная.

Еще одна индивидуалистическая ценность, «Достижение», вступая в конфликт с «Благожелательностью» (как это в ряде случаев демонстрируют предприниматели), способна мотивировать к таким модернизационным и инновационным практикам, которые имеют регрессивную природу и могут иметь негативные последствия.

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день люди среднего возраста в большей степени ориентированы на ценности сохранения и гораздо менее открыты изменениям. Требования стабильности, безопасности жизнедеятельности в настоящем и будущем контрастно отражают неприятие изменений, тревожное отношение к тем или иным преобразованиям, что во многом объясняется культурными и историческими особенностями развития российского общества, влиянием российского менталитета, социально-экономическими катаклизмами трех последних десятилетий в истории России. Кроме этого, не менее значимой причиной является органично присущая человеку ориентация на стабильность как ответ на потребность в сохранении жизни и здоровья. Ценности сохранения, традиционности соответствуют законам воспроизводства стереотипов жизнедеятельности человека как необходимому условию гармоничного развития.

Россияне среднего возраста демонстрируют достаточно сильные ориентации на самостоятельность и свободу в принятии решений, кроме того, по сравнению с более старшими возрастными группами, их характеризует большая склонность к разделению ценностей творчества, новизны и достижений, что может служить важным ресурсом модернизационных процессов.

Еще более сильное выражение указанные ценности находят среди представителей наиболее молодой средневозрастной когорты. Данные ценности являются составляющими ее модернизационного потенциала, актуализация которого возможна в ходе социально-трудовой, общественной деятельности этой когорты в настоящем, а также в будущем, по мере взросления и накопления

социокультурного капитала, профессионального и жизненного опыта. Высока промодернизационная направленность определенных ценностей и среди предпринимателей. Вследствие этого представленные социальные группы могут выступать акторами в создании новых социальных практик, отношений и институтов, оказывающих позитивное влияние на модернизацию. Вместе с тем, нельзя не отметить, что успешность модернизационной деятельности данных акторов во многом зависит от объективных факторов институциональной среды российского общества, нивелирования или сглаживания отрицательного воздействия экономических, административных, правовых и других барьеров.

В свою очередь, особая структура ценностей наемных работников требует учета в рамках управленческих стратегий, реализуемых на разных уровнях, включая организационный. Данная потребность обусловлена необходимостью в предупреждении негативных последствий и рисков модернизационного развития, среди которых: сохранение привычных способов и правил осуществления трудовой и иных видов деятельности в условиях их малой продуктивности и неэффективности, сопровождающееся обеднением содержания соответствующих социальных практик; отсутствие стремления к саморазвитию, повышению профессионализма и образованности; низкий уровень мотивации к инициированию изменений, включению в процесс принятия управленческих решений и коллективной поддержки инноваций.

2.2. Инновационное поведение людей среднего возраста в процессе реализации модернизационных ценностей

Понимание инновационности в качестве ключевой характеристики модернизации определяет основной критерий отнесения ценностей к

промодернизационным – их инновационную направленность. Инновационное поведение той или иной социальной общности является производным от ее системы ценностей. Оно основывается, с одной стороны, на способности и готовности человека или социальной группы к генерированию и внедрению новых идей, продуктов или методов, а с другой – на возможности раскрывать и актуализировать свой творческий потенциал.

Анализ связанности ценностей людей среднего возраста и особенностей их инновационного поведения осуществлялся на примере группы работающих людей среднего возраста как значимого актора модернизационных преобразований¹. Был проведен формализованный опрос работающих среднего возраста, занятых в различных отраслях экономики Пермского края (2014 г., объем выборки – 671 человек)², а также серия глубинных интервью с руководителями среднего и высшего звена организаций г. Перми, специализирующихся в сферах промышленного производства, медицины, образования и науки, медиа и маркетинга (12 интервью).

Установлено, что высокая значимость ценности безопасности для работающих среднего возраста сопряжена со слабой выраженностью их инновационной активности и, более того, сопротивлением изменению («...безусловно, первое всегда – это отторжение, человек сидит в зоне комфорта и ему очень хорошо, он привык» (женщина, 46 лет, руководитель высшего звена, организация в медиасфере)). Основными причинами подобного поведения выступают: во-первых, инертность в принятии изменений, требующая перестройки рутинного поведения, и слабая выраженность ценностных установок на открытость новому; во-вторых, сопутствующая тревожность в отношении возможных, прежде всего, индивидуальных рисков, которые могут повлечь за

¹ Методология исследования частично описана в статье автора, подготовленной совместно с Е. Б. Плотниковой и И. А. Германовым: Плотникова Е. Б. Изучение инновационного потенциала населения региона: возможности методики социологического анализа (на примере Пермского края) [Электронный ресурс] / Е. Б. Плотникова, И. А. Германов, Ю. С. Маркова // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – Электрон. дан. – М. : Российское общество социологов, 2016. – DVD ROM. – 1966–1970.

² Опрос проводился автором в составе исследовательского коллектива проекта «Инновационный потенциал регионов России (на примере Пермского края)» (грант РГНФ №12-03-00200, рук. И. А. Германов).

собой нововведения; в-третьих, недостаточное понимание работниками целей и способов реализации инноваций; в-четвертых, недостаток знаний, умений, опыта в реализации инноваций; в-пятых, недоверие к руководству; в-шестых, несогласие работников с введенными изменениями.

Желание стабильности и уверенности в завтрашнем дне составляют одни из главных архетипических черт менталитета россиян и в целом отражают общечеловеческую потребность в сохранении жизни и оптимальной жизнедеятельности. Сложившаяся во многих российских организациях культура воспроизводит общекультурные образцы российского общества и характеризуется как противящаяся изменениям, инертная, воспринимающая новое в качестве угрозы и без того несовершенной стабильности. Поэтому инновации зачастую вызывают острую неприязнь или, по меньшей мере, персонализированные опасения – возможного увольнения, материальных потерь, страха не справиться с новыми обязанностями, затрат на обучение и др. Отсюда процесс адаптации работников к нововведениям протекает медленно.

В целом для российских организаций характерны две стратегии инициирования инноваций. Во-первых, административная стратегия: инициирование инноваций осуществляется преимущественно руководством организации, рядовые сотрудники чаще малоинициативны, лишь воспринимают и адаптируются к нововведениям. *«Это все исходит у нас от управляющего директора, он рассматривает это как философию... Сотрудники сами... они, конечно, менее активны, им это все не очень интересно»* (мужчина, 33 года, руководитель среднего звена, промышленное предприятие). Во-вторых, административно-партиципативная стратегия: инициирование инноваций также осуществляется руководством, но с привлечением в данный процесс сотрудников для принятия совместного решения о способах или типе преобразования. *«Ставится задача, связанная с какой-то инновацией... Предлагается подумать над ней какое-то время, и потом уже выслушиваем предложения. Но собственно личных инициатив, к сожалению, бывает не так часто и не так много»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация).

Существенно реже встречаются иные стратегии – паритетная (коллегиальное инициирование инноваций – руководитель участвует в общем обсуждении наравне с сотрудниками): *«У нас чаще это командная история. И то, что нас немного... каждый понимает: вот это вот новшество мы хотим ввести...какие-то новые правила игры или практику. Мы централизованно собираемся, обсуждаем»* (женщина, 51 год, руководитель высшего звена, организация в медиасфере)) и стратегия «инициатива снизу» (инициативы по созданию инноваций выдвигаются непосредственно работниками (индивидуально или коллективно). *«Сам сотрудник может выдвигать свои идеи, есть яркие примеры, когда внедрялись инициативы сотрудников на уровень всей компании»* (мужчина, 44 года, руководитель среднего звена, промышленная организация)).

Пассивность в продуцировании инноваций работающими среднего возраста связана также с низкой значимостью для них ценности «риск-новизна» – работающие воспринимают инновации, в первую очередь, в семантическом поле риска, как изменения, потенциально связанные с негативными последствиями. Как показали результаты формализованного опроса, лишь десятая часть работающих среднего возраста (11 %) в открытом вопросе смогли дать широкую трактовку понятию «инновации», рассматривая их как позитивные изменения, ведущие к улучшению и развитию (*«модернизация, внедрение новых технологий для более эффективного производства», «применение новых технологий для облегчения жизни, для улучшения качества жизни»*). Большинство опрошенных (64 %) склонны рассматривать инновации как любые изменения (*«открытия, достижения, новые разработки», «изобретение, что-то новое»*). В сознании значительной части опрошенных работающих отсутствует четко осознаваемая установка на рассмотрение инноваций как источника развития. Еще пятая часть (20 %) опрошенных не знают, что такое инновации.

Можно сделать вывод, что заявленные на федеральном уровне задачи инновационного развития не получили на сегодняшний день должного понимания в среде непосредственных исполнителей и потенциальных инноваторов. Причины данной проблемы кроются, прежде всего, в пробелах системы информирования и,

шире, обучения работников организаций. Задача «повышения восприимчивости населения к инновациям», поставленная в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года¹, остается актуальной.

Стоит отметить, что проблема знаний об инновациях проявляет себя и среди руководителей организаций. Как показывают глубинные интервью, многие руководители склонны относить к инновациям любые изменения в их организации – как те, которые подразумевают создание новых продуктов или методов работы, имеющих важное значение для развития организации или общества в целом, так и изменения, скорее, процессуального характера, связанного с повседневными, рутинными формами работы. Руководители называют в качестве направлений, по которым ведется внедрение инноваций, одновременно: создание завода для производства нового авиадвигателя в гражданской авиации, модернизацию станочного парка и введение новой спецодежды; внедрение высокотехнологичных продуктов, интернет-общение между сотрудниками и увеличение подбора персонала через рекомендации сотрудников при сокращении работы с кадровыми агентствами; разработку нового контента изданий и изменение системы оплаты труда.

Осознание руководством принципиального значения инноваций в развитии организации непосредственным образом связано с процессами целеполагания и планирования инновационных преобразований. Особенно сильную демонстрацию данных связей можно проиллюстрировать на примере руководителей организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования и науки. С одной стороны, этих руководителей отличает установка на рассмотрение инноваций как фактора развития организации: *«Под инновациями следует понимать принципиально важные изменения, потому что мелкие изменения постоянно идут»* (женщина, 63 года, руководитель высшего звена, научная организация). В качестве инноваций называются такие направления деятельности, как, например, критические технологии, инновационные методики и современные

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения: 12.10.2016).

направления анализа, методическое обеспечение новой парадигмы государственного управления, электронное обучение и робототехника. С другой стороны, руководители организаций в указанных сферах четко осознают, в каком направлении, каким образом будет осуществляться инновационный процесс в дальнейшем: *«Это потребует систематизировать то, что уже на первом этапе сделано... и на основе этой систематизации – развитие дальнейшего, более сложного, уровня»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация).

Следует отметить, что связь «знания об инновациях – планирование и внедрение инноваций» проявляет себя не напрямую, а в ряде случаев может отсутствовать вовсе. Наличествует своеобразное противоречие между знанием руководителей о потребностях организации в инновационных преобразованиях (*«...мы компания, которая работает на конкурирующем рынке и в принципе не может не пользоваться инновациями, новшества происходят на постоянной основе»* (мужчина, 44 года, руководитель среднего звена, промышленная организация)) и отсутствием планирования инноваций в организации (*«...у нас нет такого плана»*, *«очевидных [инноваций], наверно, нет»* (женщина, 51 год, руководитель высшего звена, организация в медиасфере)). Данное противоречие во многом отражает недостаточный уровень сформированности инновационных установок и ценностей среди части руководителей, что находит воплощение в их управленческой деятельности и реализации управленческих функций.

Отрицательный настрой работающих среднего возраста в отношении инноваций имеет социокультурную природу и указывает на острые проблемы внутри российского общества. Своеобразной квинтэссенцией данных проблем можно назвать низкий уровень доверия к властным структурам, вызванный коррупцией. Это находит подтверждение в суждениях части респондентов, воспринимающих инновации как *«отмывание денег под предлогом внедрения новых технологий»* или *«мыльные пузыри, которые «моют» бюджетные деньги»*. Известно, что доверие служит одним из ключевых условий обеспечения скоординированных взаимодействий между людьми и социальными институтами.

Недостаток доверия, прежде всего, к ряду социальных институтов затрудняет это взаимодействие, повышает ощущения ненадежности, формирует негативное отношение к рискам и возможностям доведения инноваций до внедренного продукта или технологии.

Высокая значимость ценности безопасности для работающих среднего возраста приводит к выбору руководителями соответствующих инструментов управления в сфере инноваций – акцент делается не на выгодах от их инициирования и реализации, а на потерях вследствие отказа от инновационного поведения. Так, например, на заводах для рабочих большим стимулом к принятию нововведений будут являться деньги или угроза увольнения: *«Работнику надо рассказать: слушай, у тебя будет все в два раза быстрее, если ты будешь делать вот так вот. Хотя это ему тоже не важно. Тебя не накажут, не лишат премии или не сократят, если ты будешь делать вот так»* (мужчина, 33 года, руководитель среднего звена, промышленное предприятие). Согласно данным формализованного опроса, надежность сохранения рабочего места является крайне значимой для 82 % работающих среднего возраста, тогда как возможность проявлять инициативу – лишь для 55 %. Лояльность подчиненных требованиям руководства, подкрепляемая угрозами наказаний, по сути замещает инициативность, эффективность и рост. Лояльность воспринимается как критерий распределения благ.

Данные социальные практики отражают присущие российской культуре патерналистские ценности, которые воспроизводятся в самых разных областях жизнедеятельности – от личностных и производственных до политических отношений. Имея глубокие исторические корни, патернализм выступает одним из базовых архетипов российской культуры и воспринимается населением как необходимое условие поддержания общественной и личной стабильности. Патерналистские устремления находят выражение как среди работников, так и среди руководителей. Работники, придерживающиеся патерналистских ценностей, ожидают покровительственного отношения со стороны руководства, в то время как сами мало заинтересованы в актуализации своих творческих возможностей и

инициатив, вверяя такого рода ответственность – как и ответственность в трудовых отношениях вообще – руководству.

Важным фактором, способствующим распространению патерналистских ценностей и установок, является интенсивное нарастание темпов социальных изменений. Никогда еще общество не было настолько подвержено неопределенным флуктуациям во всех сферах – экономической, политической, социокультурной, как это происходит в начале XXI в. Привыкнуть к новому типу социального развития, нелинейному, особенно сложно средневозрастной и старшей когортам, ищущим поддержку у базовых социальных институтов. Открытым остается вопрос о том, смогут ли успешно адаптироваться к нетипичным условиям жизни нынешняя молодежь.

Патерналистские ценностные и поведенческие характеристики, как показывает российская практика, особенно специфичны для работающего населения в производственной сфере, государственном секторе. В целом работники, трудящиеся в государственных и муниципальных предприятиях, в меньшей степени открыты изменениям (ценностный индекс составляет 0,07), готовы к самостоятельности (0,33) и риску ((-)0,47), нежели работники частных организаций (соответствующие ценностные индексы составляют: 0,15, 0,42 и (-) 0,34). Кроме этого, более высокую значимость открытости изменениям и риска демонстрируют работники акционерных обществ без участия государства (0,18 и (-)0,34 соответственно). Сотрудники акционерных обществ с участием государства также более высоко приветствуют изменения (0,20), однако ценность риска у них менее выражена ((-)0,41). Поскольку риск составляет одну из существенных черт организаций, ведущих свою деятельность в сфере бизнеса, то организационная культура таких предприятий поощряет новизну и открытость рискам. В то же время отличительной особенностью работников частных предприятий является то, что они менее всех проявляют готовность к неудачам. Отчасти это может быть объяснено неустойчивостью российской бизнес-среды, порождающей чувство незащищенности у работников, прежде всего, малых и средних частных организаций. Организационная культура государственных и

муниципальных предприятий во многом ориентирована на безопасность и сохранение, формируя или поддерживая соответствующие ценности у работников.

Важным в адаптации к инновациям работников умственного, творческого труда зачастую оказывается задействование, помимо материальных, социальных и духовных потребностей (в самореализации, социальном признании и др.). Так, например, в образовательных организациях, кроме материального фактора, для повышения заинтересованности сотрудников в инновационных преобразованиях руководством делается акцент на усилении вовлеченности самих сотрудников в развитии и продвижение инноваций: *«Нужно не каким-то управленческим решением это изменить, а попробовать озадачить самого учителя, чтобы он на основе анализа, а может, и самоанализа, попытался сам предложить пути решения»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация). С одной стороны, подобная актуализация творческого потенциала работников требует определенного уровня развития их творческих навыков и ценностных ориентаций. С другой стороны, большое влияние на возможности реализации подобных практик оказывает управленческий стиль руководителя. Данный стиль может основываться на упомянутых выше патерналистских отношениях, а может – на основе отношений партнерских, в которых ориентация на субъектность работников выражена выше. Руководство организации должно выступать главным вдохновителем ценностей инновационной культуры, нацеленным на создание механизма формирования инновационных ценностей и его сохранение. В условиях преобладания в управленческом стиле менеджмента организации патерналистских ценностей формирование инновационной культуры становится затруднительным.

Проведенное ранее сравнение ценностной структуры различных возрастных подгрупп внутри средневозрастной когорты позволило сделать вывод о том, что для представителей более молодых возрастных когорт свойственна большая модернизационная направленность ряда ценностей (готовность к новому, творчество, достижение), что увеличивает их адаптивный инновационный

потенциал. Сделанные выводы подтверждаются данными, полученными в ходе интервью с руководителями. По их мнению, возраст обуславливает скорость адаптации к нововведениям, поскольку является связанным с поведенческой мобильностью, быстротой в освоении нового, обучении новому. Выраженность данных черт среди более молодых возрастов, как правило, выше. Руководители-информанты отмечают: *«На новом прогрессивном оборудовании работает в основном молодняк»* (мужчина, 33 года, руководитель среднего звена, промышленное предприятие); *«Если мы заводим какую-то новую систему... то молодые люди более мобильны, им проще»* (женщина, 48 лет, руководитель среднего звена, организация в медиасфере); *«Быстрота адаптации зависит от возраста. Чем моложе учитель, тем он проще адаптируется и, наоборот, чем старше учитель, тем сложнее этот процесс проходит. Потому что мобильность переключения одних навыков на другие происходит достаточно медленно»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация). Следует подчеркнуть, что данная характеристика затрагивает непосредственно скорость адаптации к нововведениям, но не саму способность к обучению. Результаты многочисленных научных исследований¹ доказывают, что данная способность сохраняется до глубокой старости, и различия в способностях к обучению между молодыми и пожилыми незначительны. Определенные сложности могут возникать в связи с состоянием здоровья (при функциональных изменениях мозга, нарушениях зрения, слуха, координации движений и т. п.). Еще одна проблема коренится в стереотипном представлении, бытующем в обществе, об ограниченных возможностях пожилых осваивать новую информацию и навыки. С одной стороны, данный стереотип, или предубеждение, может проявляться среди самих людей старшего возраста, затормаживая или нивелируя их возможности и желания обучаться новому. С другой стороны, отрицательное действие стереотипа обнаруживается среди лиц и организаций, взаимодействующих с людьми старших возрастных когорт. Так, например, неработающие люди предпенсионного возраста – а это старшая среднего возраста

¹ См., например: Елютина М. Э. Социальная геронтология [Текст] : учеб. пособие / М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 155 с.; Кошарная Г. Б. Особенности обучения пожилых людей [Текст] / Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина // Интеграция образования. – 2013. – № 4. – С. 57–60; Ретер Д. Способность к обучению у взрослых [Текст] / Д. Ретер // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 57–66.

когорта – как известно, составляют значительную долю длительных безработных, трудоустройство которых особенно затруднительно. Адаптация к нововведениям в организациях также требует учета специфики старших возрастов, необходимости обеспечения относительно более длительного процесса обучения, подбора специальных методик обучения.

Ценности человека складываются таким образом, что с возрастом формируется относительно устойчивая система принципов и жизненных приоритетов, что может выступать фактором консервативного отношения к новому, требующему личностной перестройки. Данная характеристика проявляет себя в трудовом поведении через формирование установки о достаточности профессиональных знаний, навыков и компетенций, не требующих дальнейшего совершенствования. Как подчеркнул один из руководителей-информантов, *«за это время у них формируется точка зрения, что они все знают, все умеют и им ничего не нужно»* (женщина, 46 лет, организация в медиасфере). Такие сотрудники характеризуются закрытостью к получению новой информации, затрудняется процесс их обучения новым профессиональным навыкам. Данная ситуация может вести к негативным последствиям как для организации (снижение эффективности, инновационного потенциала), так и для самих сотрудников (психологическое напряжение, сложность в выполнении новых задач и др.). Постоянная переоценка и совершенствование личного мастерства выступает необходимым условием личностного роста сотрудников, а значит – фактором развития всей организации. Поэтому стоит вопрос о способах мотивации сотрудников к обучению и развитию, необходимости задействования переговоров, убеждений или принуждений: *«Приходится постоянно объяснять, доказывать ... либо развивайтесь с удовольствием сами, либо заставим насильно»* (женщина, 46 лет, организация в медиасфере).

Несмотря на указанные проблемы, которые могут проявлять себя в связи с возрастными характеристиками, более зрелый возраст отличают, по сравнению с молодежью, существенные преимущества, повышающие их адаптивные способности и возможности поддерживать инновации. Как известно, творчество и креативность, лежащие в основании инновационного поведения, основываются не только на соответствующей мотивации и ценностях, но и на хороших знаниях,

навыках, профессиональном и жизненном опыте – то есть тех ресурсах, запас которых, как правило, выше среди более старших возрастных групп. Именно поэтому часть руководителей расценивают сотрудников более старшего возраста как более адаптивных и восприимчивых к инновациям: *«Люди постарше...они быстрее принимают правила игры, может быть, в силу жизненного опыта, в силу того, что пришлось пройти уже через разные периоды построения предприятий, экономики и т. д.»* (женщина, 51 год, руководитель высшего звена, организация в медиасфере); *«Мне казалось, что это должны быть молодые, но на само деле они еще не дозрели. Инновации должны базироваться на хорошем знании какой-то ситуации. В нашем коллективе инновационные вещи поддерживаются, в основном, людьми среднестаршего возраста»* (женщина, 63 года, руководитель высшего звена, научная организация).

Оценка вовлеченности людей среднего возраста в инновационный процесс показала, что включена в создание инноваций четвертая часть работающего населения средних лет, в т. ч. в качестве организаторов инноваций (фирмы, продукта, технологии или услуги) выступили 11 %, участвовали наравне с другими – 14 %¹ (рисунок 5).

Рисунок 5 – Участие работающих среднего возраста в инновациях
(в % к числу ответивших)

¹ Применялась методика Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. См.: Лапин Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Российская акад. наук, Ин-т философии, Науч.-координационный совет «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции ФСПП ООН РАН. – М. : ИФ РАН, 2010. – 109 с.

Большую склонность к инновационному поведению имеют представители более молодых возрастных групп работающих: если среди 30–39-летних таковых 30 %, то среди 40–49-летних уже только 22 %, а среди 50–60-летних – 19 % (рисунок 6)¹. Среди всех возрастных когорт 30–39-летние отличаются наибольшей вовлеченностью в инновационный процесс, за ними следует молодая когорта 18–29-летних (24 %). В целом среди работающих средневозрастной когорты доля участников инноваций выше, нежели среди более старших возрастов.

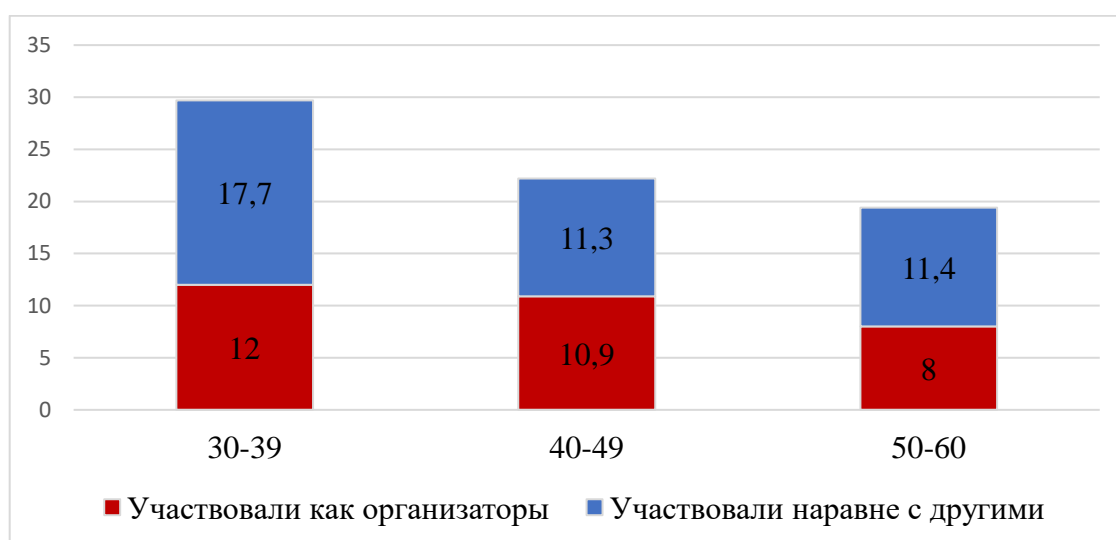

Рисунок 6 – Возрастные особенности инновационной активности работающих (в % к числу ответивших)

Указанные особенности объяснимы рядом причин. Во-первых, социокультурными причинами: работники среднего возраста обладают относительно высоким запасом социокультурных ресурсов (образовательных, финансовых, организационных, административных и т. п.), что повышает их возможности реализовывать инновационный потенциал. Так, имели возможность использовать административный ресурс (поддержку администрации) при внедрении и реализации инноваций 20 % опрошенных работающих среднего возраста, в то время как среди молодежи доля таковых составила только 4 %.

¹ Приводятся данные формализованного опроса работающего населения Пермского края в возрасте 18 лет и старше (2014 г., N=1000).

Несколько меньше среди представителей средневозрастной когорты, по сравнению с молодыми людьми, проявляет себя и необходимость обращаться за кредитом для финансового обеспечения нововведений (8 % и 14 % соответственно). Кроме этого, для молодежи выше риски отказа в выдаче кредитных средств со стороны банков, что обусловлено ее менее устойчивым финансовым положением: отказ в выдаче кредита для реализации нововведений получили 6 % участвующих в инновациях молодых работающих и 2 % работающих среднего возраста. Социальный капитал как ресурс инноваций (поддержка друзей и коллег) в равной мере доступен как молодежи, так и средневозрастной когорте. По сравнению с административным и финансовым, социальный ресурс выступает наиболее используемым видом поддержки инноваций: большинство работающих как молодого, так и среднего возраста прибегали к помощи друзей и коллег для осуществления нововведений (68 % участников в обеих группах). Стоит отметить и то, что воздействие такого фактора, как противодействие со стороны чиновников при внедрении и реализации инноваций, практически в одинаковой мере испытали на себе представители разных возрастных групп (среди молодежи – 7 %, людей среднего возраста – 9 %). Данный фактор не относится к составляющей социокультурного ресурсного потенциала человека, который используется в инновационном процессе. Однако он отражает неблагополучие институциональной среды в российском обществе, затрудняющей эффективное использование функций социальных институтов гражданами.

Вторая группа причин, объясняющих различия в инновационном поведении между возрастными когортами, охватывает социально-статусные характеристики. Они находят выражение в стремлении более молодых реализовать потребность в профессиональном самосовершенствовании, самоутверждении, карьерной мобильности, увеличении денежного вознаграждения через включение в инновационные проекты, а более старших – в желании сохранить существующее организационное положение.

Третий фактор, возрастной, проявляет себя через детерминацию поведения сформированной с возрастом устойчивой системой убеждений, зачастую препятствующей восприятию нового.

Наконец, в-четвертых, ценностно обусловленные причины: средневозрастная когорта демонстрирует более высокую, нежели старшая возрастная группа, модернизационную (как это было показано выше) и инновационную направленность ценностей.

Для уточнения особенностей связи ценностей и инновационного поведения, помимо методики Ш. Шварца, в рамках формализованного опроса работающих среднего возраста был использован дополнительный блок вопросов, сформированный на основе подхода Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко¹, относящих к специфическим инновационным ценностям: а) открытость изменениям, б) творчество, в) самостоятельность и оригинальность, г) риск и д) готовность и терпимость к неудачам (таблица 2).

Таблица 2 – Индикаторы инновационных ценностей

Инновационные ценности	Индикаторы ценностей: ценностные портреты
Открытость изменениям	Он считает, что изменения – это путь к успеху
	Для него важно разнообразие в жизни
	Встреча с неизведанным, новым не пугает его
	Для него характерна любовь к исследованию нового, любознательность
Самостоятельность и оригинальность	Ему нравится делать все по-своему, оригинально
	Он полагает, что возможности даются только тем, кто сам их активно ищет
	Он не преклоняется перед авторитетами, он независим
Творчество	Для него важно рождать новые идеи и заниматься творчеством
	Он творческий человек, всегда стремится создавать, придумывать что-то новое
	Он поощряет креативность в других людях
Риск	Он готов идти на риск ради достижений
	Он вполне комфортно чувствует себя в нестабильной среде
Готовность и терпимость к неудачам	Он не боится ошибок и конструктивно реагирует на них
	С его точки зрения сегодняшние потери совсем необязательно плохи для будущего

¹ Лебедева Н. М. Методика исследования отношения личности к инновациям [Текст] / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // Альманах современной науки образования. – 2009. – № 4-2. – С. 89-96.

Как показало исследование, наиболее значимой инновационной ценностью среди работающих среднего возраста выступает ценность самостоятельности и оригинальности, которая находит выражение в стремлении быть активным в поиске возможностей и принимать самостоятельные решения, будучи независимым от авторитетов. Данная ценность может выступать опорной при реализации инновационной политики в российских организациях, быть ресурсом, который может использоваться руководством как при продуцировании, так и поддержке и распространении инноваций. Значимость ценности «Самостоятельность» одинаково высока во всех подгруппах средневозрастной когорты (рисунок 7).

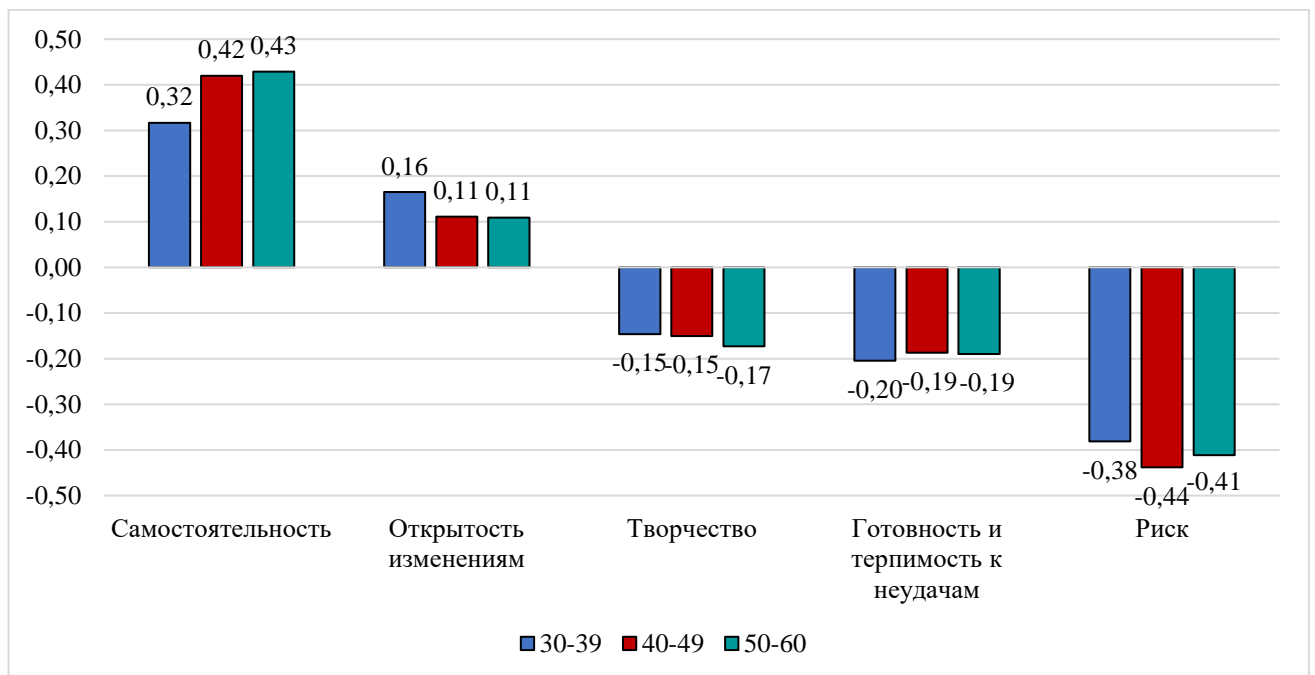

Рисунок 7 – Средние значения ценностных индексов в возрастных когортах 30–39 лет, 40–49 лет, 50–60 лет (баллы)

Несмотря на то, что в иерархии инновационных ценностей самостоятельность занимает первое место, не все работающие имеют высокую склонность к ней. Слабо разделяют данную ценность в среднем около трети (31 %) работающих средневозрастной когорты, около 7 % – не склонны разделять ее вовсе. Снятие с себя ответственности за принятие самостоятельных решений чревато пассивностью, безынициативностью, смирением с существующими

условиями даже если они неблагоприятны для человека. Такие установки отражают присущий российской культуре патернализм, и в целом могут находить выражение в отсутствии мотивации работающих к профессиональной мобильности и росту, а также к самозащите в трудовых конфликтах и спорных ситуациях. В основе любой инновационной деятельности способность самостоятельно действовать и принимать оригинальные решения является ключом эффективности нововведений. Не случайно один из информантов-руководителей в глубинном интервью подчеркнул: *«При внедрении инноваций все, что необходимо, подать административным способом ни в коем случае нельзя... необходимо еще и самостоятельное изучение дополнительной литературы, каких-то информационных источников, изучение новых форм работы»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация).

Показателен рост ценности «Самостоятельность» с возрастом: наиболее высоко выражена данная ценность у двух старших когорт среднего возраста (40–49 и 50–60 лет). Это обусловлено, прежде всего, возрастными особенностями людей. Формируемый с возрастом устойчивый набор ценностных приоритетов – убеждений способствует осуществлению самостоятельных выборов жизненных решений и поступков. Отсюда для двух данных когорт особенно свойственна установка на независимость от каких-либо пользующихся в обществе авторитетом субъектов (рисунок 8).

Помимо убеждений, самостоятельности способствуют и значительный культурный капитал, образование, жизненный опыт, которые расширяют возможности для независимости и оригинальности мыслей и действий.

Особо следует отметить когорту 40–49 лет, для которой специфический опыт социализации в молодости оказался важным в формировании самостоятельности в кардинально новых условиях формирующегося рынка, демократии и фактической невозможности положиться целиком на практики и ориентиры (образовательные, профессиональные, трудовые), которые разделяло родительское поколение. Как это было показано выше на основе методики Ш.

Шварца, ценность «Самостоятельность» оказалась доминирующей именно в данной возрастной группе.

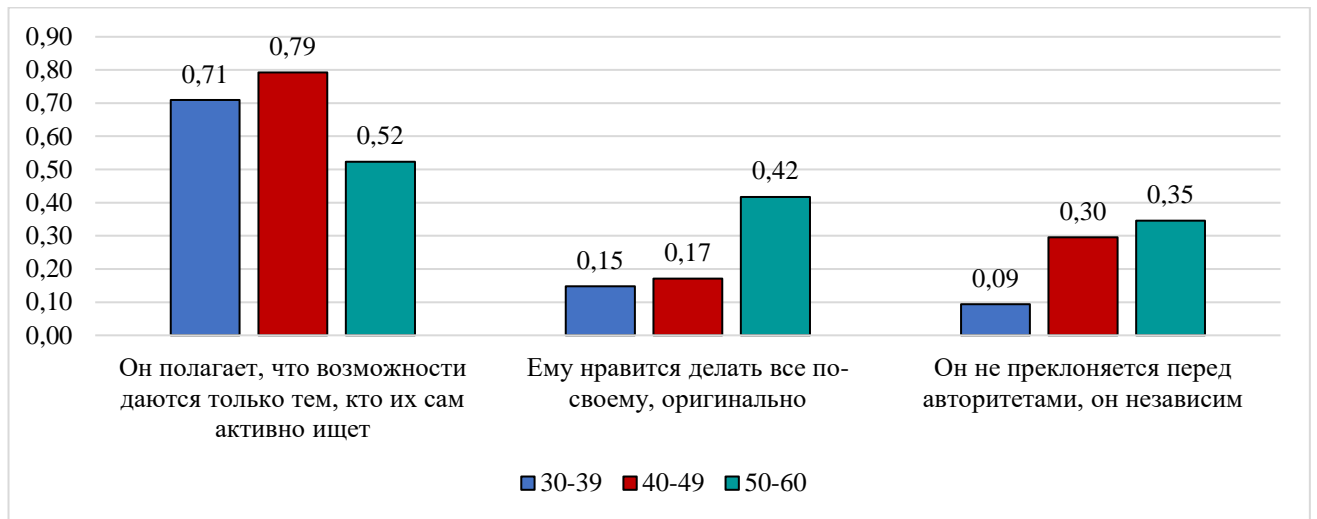

Рисунок 8 – Отношение работающих разных когорт среднего возраста к самостоятельности и оригинальности (баллы)

«Открытость изменениям» по степени значимости занимает второе место в иерархии инновационных ценностей. Ее содержание выражается в принятии изменений, любознательности и любви к познанию, предпочтении разнообразия в жизни монотонности и скудости событий и впечатлений, отсутствии опасений относительно возможных жизненных перемен, оценке изменений как возможности достигнуть успеха. Оценивают себя как «в значительной мере открытых изменениям», в среднем, около половины опрошенных работающих среднего возраста (52 %). Остальные работающие слабо готовы к изменениям, к исследованию нового, познанию и расширению кругозора, мало ценят разнообразие и в больше мере склонны с тревогой относиться к переменам. Во многом это объяснимо сложной социокультурной динамикой, в условиях которой складывалась жизнь средневозрастной когорты. Распад СССР, тяжелый политический, экономический и культурный кризис 1990-х гг., финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., вновь обострившийся в настоящее время, дисфункциональность многих российских социальных институтов обуславливают

сложность формирования оптимистического отношения к изменениям, создают противоположные настроения скепсиса и сомнения, поддерживают страхи и тревоги, подкрепляемые тенденциями ухудшения материального положения и социального самочувствия. Подобные социокультурные факторы оказывают негативное влияние на возможности целенаправленного изменения существующих ценностных установок. Запрос населения на патернализм в этих условиях становится не столько следствием иждивенческих установок, сколько надеждой на получение помощи в условиях слабых институциональных и личностных возможностей решения проблем.

Вместе с тем, отмечается тенденция, согласно которой представители более молодых средневозрастных когорт (30–39 и 40–49 лет) в больше мере склонны рассматривать изменения как путь к успеху, больше они ценят и разнообразие (рисунок 9).

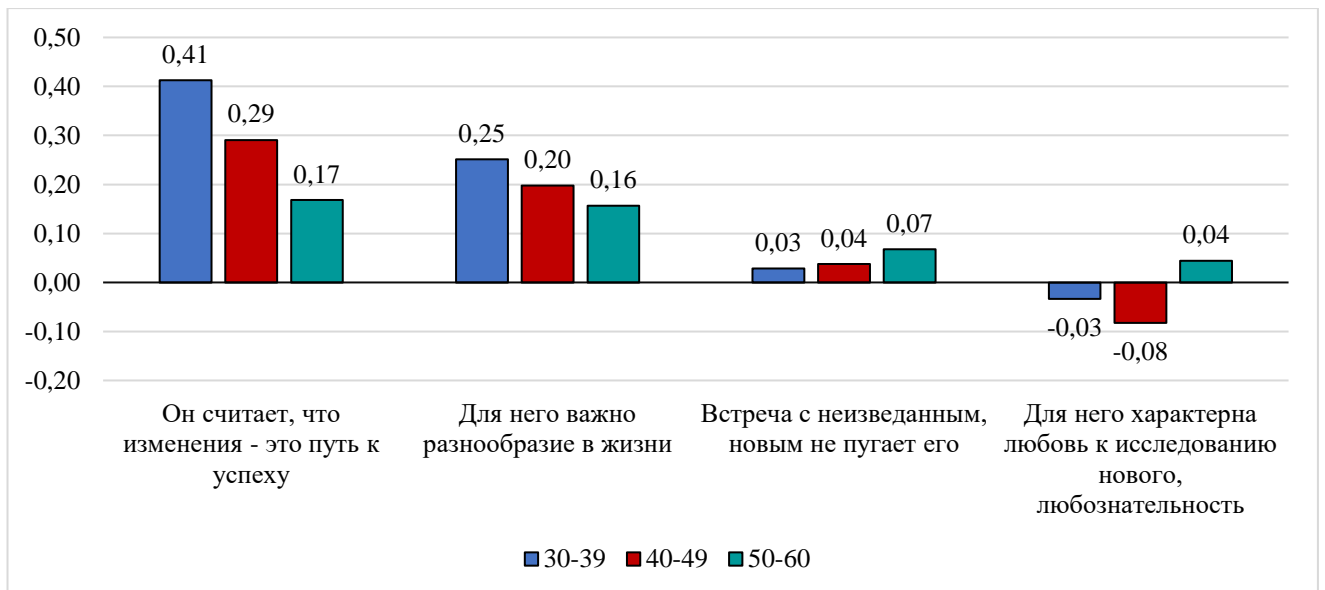

Рисунок 9 – Отношение работающих разных когорт среднего возраста к изменениям (баллы)

Подобные ценностные ориентации отражают актуализирующиеся в более молодом возрасте потребности в самореализации в различных сферах, наиболее полном раскрытии своего потенциала. Кроме этого, само современное общество

расширяет пространство предлагаемых социальных ролей, статусов, жизненных стратегий, стилей и областей, в которых становится возможной личностная самореализация. Эта тенденция роста социокультурного многообразия и свободы выборов жизненных приоритетов наиболее ярко начала проявлять себя в тот период, когда данные когорты, и прежде всего самая молодая (30–39 лет), активно усваивали ценности и культурные образцы, а потому во многом обусловила и соответствующее отношение к изменениям и разнообразию.

Подобные ценностные установки менее выражены у представителей старшей средневозрастной группы (50–60 лет) в силу, прежде всего, склонности к консервативному поведению, усиливающемуся с возрастом. Можно отнести к причинам и отмеченные факторы социокультурных трансформаций общества.

Особо стоит отметить особенность старшей когорты, отличающей ее от двух более молодых: для данной когорты гораздо более характерна любовь к исследованию нового, любознательность. По-видимому, причины подобного отношения во многом связаны с иным восприятием ценности образования, которое было заложено еще родительским поколением когорты. Образование почиталось как самоценность, способствующая всестороннему развитию человеческой личности. И подобная установка осталась значимой для многих представителей старших поколений (включая старшую средневозрастную когорту).

Открытость новому – базовая инновационная ценность, требуемая в условиях необходимости инновационных преобразований организаций и общества. Руководители организаций ценности открытости новому, познания и любознательности называют одними из приоритетных в инновационной деятельности: *«Человек должен быть по-хорошему любопытен и быть готовым к изменениям, открытым к новому»* (мужчина, 44 года, руководитель среднего звена, промышленная организация). Информанты применительно к понятию «открытость новому» используют термин «поведенческая гибкость», характеризуя ее как *«гибкость изменения отношения ко времени, гибкость мышления, даже по отношению к самому себе, когда человек может изменить*

тот устоявшийся принцип работы, деятельности и пойти совершенно другим путем» (женщина, 48 лет, руководитель среднего звена, организация в медиасфере). Отсутствие подобной гибкости является источником проблем для эффективной работы как самого сотрудника, так и организации, выступает препятствием развитию инновационной культуры: *«Бывает сложно найти какой-то подход к какому-то человеку, когда установки не могут поменяться. И если человек живет с этой установкой, то у него ничего не получается»* (женщина, 46 лет, руководитель высшего звена, образовательная организация). Развитие поведенческой гибкости требует целенаправленного обучения и, что не менее важно – саморазвития, методичной работы человека над самим собой: *«Гибкость мышления... иногда вырабатывается даже собственной волей... человек твердой воли способен преодолеть стереотипность мышления и действий, и деятельности, и прийти научить самого себя»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация). Продуктивность инновационной культуры реализуема в той мере, в какой люди нацелены на постоянное обучение, экспериментирование, использование больших знаний и принятия на себя большей ответственности.

Следующей инновационной ценностью, занимающей срединное место в ценностной иерархии работающих среднего возраста, выступает «Творчество» как важность порождения новых идей и их реализации, а также поощрение креативности в других. Данную ценность высоко разделяют чуть менее половины опрошенных (44 %). Значимость творчества находит отражение в занятиях, играющих большую роль в жизни респондентов: 46 % опрошенных имеют занятие, в котором относительно равномерно распределены как исполнительство, следование правилам и стандартам, так и разработка и внедрение новых идей; полностью творческой деятельностью занимаются 16 % работающих.

Работающие люди среднего возраста в большинстве своем (65 %) склонны поощрять творчество других людей. Креативность и изобретательность сами по себе имеют высокую ценность в российской культуре и менталитете, что находит яркое отражение, например, в многочисленных рассказах российских писателей и

в русских народных сказках. Однако становиться непосредственными инициаторами творческого процесса готовы далеко не все. Среди респондентов таковых – около трети (34 %). Это означает, в том числе, то, что зачастую работающие среднего возраста не готовы сами выступать создателями инноваций, но готовы поддерживать в этом других людей. Одновременно, часть из них, благодаря сильно выраженной ориентации на творчество, может выступать организатором нововведений.

Чуть менее ценность «Творчество» разделяется старшей возрастной когортой 50–60 лет, но эти отличия от других возрастных групп среднего возраста в целом незначительны. Однако можно отметить, что если когорты 30–39 и 40–49 лет в большей мере склонны к поощрению креативности в других, то 50–60-летние – к тому, чтобы самим стремиться создавать что-либо новое. В этом видится связь между ценностями творчества и оригинальности с независимостью, которые, как это было показано выше, имеют свою специфику и ярко проявляют себя у старшей средневозрастной когорты. Творчество как продуцирование собственных, независимых от авторитетов идей и продуктов в данном случае следует рассматривать как результат богатого опыта, включающего и знания, и практики. В этом усматривается инновационный потенциал именно старшей когорты среднего возраста.

Готовность и терпимость к неудачам как составляющие инновационной культуры имеет большую выраженность в среднем у 43 % работающих. Около половины опрошенных (54 %) не боятся ошибок и готовы конструктивно реагировать на них, что свидетельствует о позитивной мотивации к успеху. Наиболее выражено конструктивное отношение к ошибкам у возрастной группы 50–60 лет, а также у 40–49-летних. Другими словами, наблюдается тенденция роста готовности и терпимости к неудачам с возрастом. Подобная тенденция во многом объяснима накапливаемым в процессе жизни опытом формирования устойчивого отношения к многообразным сложным, проблематичным или рискогенным ситуациям и событиям. В этом отношении возраст выступает

значимым фактором, влияющим на рассматриваемую составляющую инновационной культуры.

В то же время восприятие большинством опрошенных (68 %) возможных потерь, происходящих в настоящем, в большей степени как угроз будущему состоянию может выступать тормозом достижительных мотиваций. И здесь наблюдается обратная тенденция: более молодая когорта среднего возраста расценивает потери с большим оптимизмом, нежели две старшие. Острые катаклизмы, сопровождающие биографический путь последних (дефолт 1998 г., всплески безработицы, экономические кризисы и проблемы, снижающие «запас прочности» граждан и др.), привели к значительным материальным и моральным «потерям» среди населения, во многом обусловив восприятие любых потерь как угроз и рисков. В свою очередь, младшая средневозрастная группа начала активно осваивать «взрослые» социальные роли в относительно стабильный период начала 2000-х гг., и в целом ее перспективы в отношении создания надежного будущего следует оценить как более позитивные в силу относительной молодости. В то время как для старшей когорты риски создают выход на пенсию (в условиях которой минимизировать последствия потерь особенно сложно), а также возможное ухудшение здоровья.

Вышесказанное во многом объясняет то, что ценность «Риска» слабо присуща или совсем не присуща большинству работающих среднего возраста (63 %), больше таковых – среди старших возрастных когорт (рисунок 10).

Таким работающим некомфортно находиться в условиях нестабильности, они тяготеют в большей мере к безопасности жизнедеятельности и порядку. Высокий уровень избегания неопределенности может служить источником низкой мотивации к достижению целей, боязни неудачи, высокого уровня тревожности и помехой трудовой активности. Кроме этого, избегание неопределенности и рисков может выражаться в отказе инвестировать денежные средства в развитие инноваций. Около трети (30 %) опрошенных работающих характеризуются низким уровнем готовности осуществлять денежные вложения в нововведения, и еще половина (51 %) не демонстрируют подобную готовность

совсем. Данная особенность отражает низкий уровень развития культуры инвестирования в российском обществе, что обусловлено не только и не столько отсутствием сформированности соответствующих ценностей и знаний, но и наличествующими в российском обществе высокими институциональными рисками (экономическими, финансовыми, политическими).

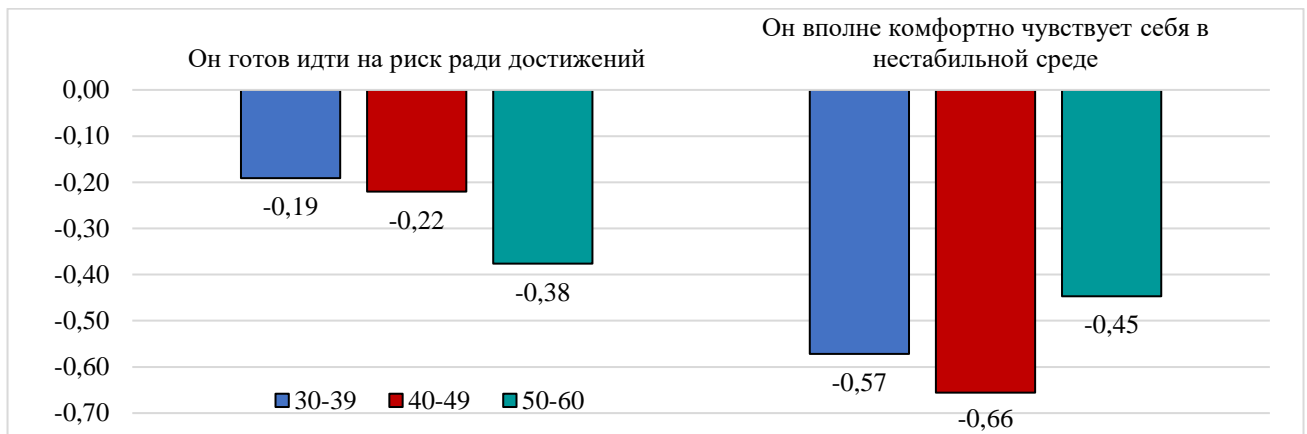

Рисунок 10 – Отношение работающих разных когорт среднего возраста к риску (баллы)

Как показал анализ по методике Ш. Шварца, ценность «Риск-новизна» находится на последнем месте в иерархии базовых ценностей представителей средневозрастной когорты. Дополнительное исследование инновационных ценностей выявило, что, несмотря на общее низкое положение ценности риска в ценностной иерархии работающих, среди них есть те, кто обладает высокой ориентацией на риск и готов рисковать для достижения целей. Таковых среди работающих средних лет чуть более трети (37 %), несколько больше – в относительно более молодых когортах.

Глубинные интервью с руководителями организаций показали, что не все руководители видят необходимость ценности риска в работе их сотрудников. Связано это может быть, во-первых, с характером работы организации, который предполагает воспроизводство, скорее, устоявшихся форм работы с совершенствованием в пределах данной системы: *«Мне, например, не нужно от них склонность к риску. У меня все четко организовано, последовательно. У них,*

конечно, есть движение к инновациям, но это больше совершенствование системы. Для них созданы такие условия, в которых они сами ищут варианты, чтобы эту систему улучшить» (мужчина, 33 года, руководитель среднего звена, промышленное предприятие).

Во-вторых, склонность к риску воспринимается как нежелательная не в условиях инициирования инноваций, когда «сотрудник придумывает что-то новое» и «способность к риску будет дополнительным плюсом» (мужчина, 44 года, руководитель среднего звена, промышленная организация), а при необходимости принятия изменений, осуществляемых со стороны руководства организации. В этом случае руководители опасаются сопротивления инновациям, того, что работающий будет «делать как-то по-своему», тем самым создавая угрозу целенедостижения. Механизмы решения этой проблемы лежат в сфере обучения работников и построения двусторонних моделей коммуникации в организации.

В-третьих, существует позиция, что риск как ценность должна быть присуща, прежде всего, руководству, предпринимателям, которые «отвечают за свою жизнь сами, готовы поменять, посмотреть, как получится», а не рядовому персоналу: «чем меньше рисков, тем для них лучше» (женщина, 46 лет, руководитель высшего звена, организация в медиасфере). С одной стороны, данная установка отражает ключевые ценности менеджмента и предпринимателей, с другой стороны – во многом воспроизводит патерналистские ценностные ориентации, при которых ответственность за принятие решений целиком принадлежит вышестоящему руководству. Однако инновационная культура требует научения рядовых сотрудников готовности принимать на себя больше ответственности, а также в ряде случаев толерантно относиться к риску и неудачам. В этом процессе ценность ответственности, ее формирование выступает важнейшим фактором, опосредующим и сознательное отношение к риску, и самостоятельные решения: «Риск – это еще одна сторона ответственности... за то, что ты сделал и за то, что сделали твои подчиненные... за то, что ты будешь делать» (женщина, 51 год, руководитель

высшего звена, организация в медиасфере); *«Даже если человек самостоятелен, но ему не присуще такое качество, как ответственность, он может просто относиться формально к тому, что он делает... и это обязательно пагубно скажется на достижении общей цели»* (женщина, 54 года, руководитель высшего звена, образовательная организация).

Помимо рассмотренных выше ценностей, руководители организаций также сделали акцент на следующих характеристиках, значимых с позиций инноваций и требований современного времени. Была названа такая черта, как возможность работать в условиях многозадачности, которая обусловлена особенностями современной информационной эпохи: *«Мы живем в такое время, что у нас всегда много информации. Наша жизнь в принципе многозадачна. Но оказывается... много людей не могут эту многозадачность привносить в свою работу и адекватно себя в ней ощущать»* (женщина, 51 год, руководитель высшего звена, организация в медиасфере). Подчеркивается, что умение работать в условиях многозадачности сегодня может не являться приоритетным качеством разве что у *«исполнителя простейшего уровня»*.

Руководителями-информантами была подчеркнута значимость восприятия работниками общих целей деятельности коллектива (как долгосрочных, так и краткосрочных) и умения работать в команде: *«Кто-то не воспринял общей поставленной задачи, значит он не будет ни активен, ни мобилен, то есть он эту цель просто не присвоит»* (женщина, 46 лет, руководитель высшего звена, образовательная организация); *«И они понимают, что это не только работа, а общее дело по созданию того же самого перспективного двигателя, будут потом помнить, что ты свою лепту внес»* (мужчина, 33 года, руководитель среднего звена, промышленное предприятие).

Помимо этого, названа и некоторая интегральная характеристика работника современного типа – проактивность, которая объединяет в себе и самостоятельность, и инициативность, и любознательность: *«И вот проактивность... в какой-то мере он должен предлагать... чтобы они и*

рассказывали, и предлагали, или пытались узнать» (мужчина, 33 года, руководитель среднего звена, промышленное предприятие).

Руководители организаций в качестве одного из самых важных факторов, влияющих на формирование инновационного поведения, помимо ценностей, назвали интерес: *«Для инноваций это, прежде всего... может быть, это архаично звучит... но преданность делу, человек должен быть реально заинтересован в том, что он делает»* (женщина, 51 год, руководитель среднего звена, организация в медиасфере); *«Человек, у которого горят глаза... когда человек хочет что-то сделать, он может проявить гибкость и идти за идеей»* (женщина, 48 лет, руководитель среднего звена, организация в медиасфере); *«Им должно быть интересно, что очень важно для продвижения, они должны видеть практическое внедрение результатов своих работ»* (женщина, 63 года, руководитель высшего звена, научная организация). Интерес, наряду с ценностями, представляет собой один из ключевых механизмов, лежащих в основе детерминации человеческого поведения¹.

В целом проведенный анализ показал, что у работающих россиян среднего возраста наименее выражены ценности готовности к неудачам, риска, независимости, которые являются альтернативными ценностям безопасности и стабильности, имеющим высокое значение как среди средневозрастной когорты, так и в российской культуре вообще. В этом проявляется важное противоречие между ценностями, характерными для западной модели модернизации, основанной на разделяемом приоритете самовыражения по отношению к стабильности, и ценностным ядром основного актора модернизационных преобразований в России – людей среднего возраста. Базирование российской модернизации на культурных основаниях западноевропейского и североамериканского образца будет требовать серьезного сдвига культурных стереотипов, целесообразность и перспективы которого представляются неоднозначными.

¹ Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности. С. 123–129.

Установлено, что в иерархии ценностей россиян среднего возраста ключевое место отводится стабилизационно-модернизационным ценностям, что позволяет говорить об особой роли данной социально-демографической группы в осуществлении принципиальных социокультурных и социально-экономических преобразований. Средневозрастная когорта – это люди, которые могут воспринять новое и выступить его проводниками в случае, когда внедряемые инновации ясно ассоциируются с возможностями удовлетворения потребностей в безопасности, надежности, предсказуемости будущего. Интегрирование важнейших, по мнению идеологов прозападной модернизационной модели, ценностей личной независимости, риска и свободы выбора в ценностное ядро средневозрастных россиян невозможно осуществить эволюционным путем (для этого слишком мало оснований), а культурная революция влечет значительное количество неоправданных социальных рисков.

Происходящие (и описанные, например, Р. Инглхартом) в развитых западных обществах сдвиги ценностей по осям «коллектив – свобода личности», «власть государства – личная независимость», «безопасность – обретение свободы» фактически не затрагивают средневозрастную когорту в России. Это не означает, что несформированность в нашей стране «гуманистической культуры» (в западном понимании) определяет невозможность модернизации, но обуславливает необходимость базирования ее на иных ценностных основаниях.

Попытка руководителей апеллировать к «ценностям самовыражения» работающих среднего возраста приводит к их слабой инновационной активности. Повышение включенности средневозрастной когорты в производство и, в особенности, реализацию инновации определяется построением мотивационной системы не на декларировании возможностей «реализовать себя» и «попробовать что-нибудь новое», но на демонстрации значимости инновационной деятельности для стабильности функционирования организации, указании на то, что включение в инновации делает будущее самих людей более прогнозируемым и безопасным.

Слабая ориентированность большинства представителей средневозрастной группы на иницирующие модернизационные ценности (самостоятельность и

достижение) компенсируется значимостью данных ценностей среди так называемых «активистов модернизации» – предпринимателей и молодежи. Средневозрастная когорта – скорее проводник модернизации, чем ее инициатор и лидер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость и первоочередность комплексной модернизации в России декларируется на самом высоком уровне. Это определило актуальность задачи осмысления социальных и социокультурных основ модернизационного проекта в нашей стране, постановки вопроса о том, какие социальные группы могут выступать инициаторами и проводниками модернизации, правомерно ли перекладывать ответственность за успешное инновационное развитие в различных сферах (в т. ч. экономической) исключительно на молодое «прогрессивное» поколение.

Накопленный в социально-гуманитарном знании в течение XX в. опыт изучения модернизационных процессов показывает их зависимость от деятельности и ресурсного потенциала социальных общностей и составляющих их индивидов. Осуществленный в рамках диссертационной работы анализ роли различных социальных акторов в модернизационных преобразованиях показал, что одним из важнейших субъектов модернизации являются люди среднего возраста (30–60 лет). Это определяется факторами внешней среды (серьезными демографическими изменениями в современном обществе, увеличением доли занятых среди пожилых людей, размыванием ассоциированных с возрастом нормативных границ, рискогенным характером развития общества), а также спецификой самой социальной группы (готовностью «контролировать обстоятельства», высоким уровнем производительности труда и «профессионального оптимизма», обостренным чувством социальной справедливости, накопленным социальным и интеллектуальным капиталом).

Для того чтобы индивиды и социальные общности выступили активными двигателями изменений, необходимо соотнесение их цели и содержания с ценностной структурой массового сознания. В работе доказано, что реализация модернизации в России по «западному образцу» в сочетании с опорой на

средневозрастную когорту как наиболее экономически активную невозможна в силу отсутствия релевантных ценностных оснований. Ценностная структура сознания людей среднего возраста в нашей стране характеризуется коллективистской ориентацией, высокой значимостью ценностей безопасности, и низкой – «прозападных» ценностей богатства, достижения и новизны. У средневозрастной когорты в приоритете находятся комфортность существования окружающих людей, равенство для них жизненных шансов, возможность помогать, а не собственный успех и способность оказывать влияние.

Выделены две группы социокультурных факторов, определивших иерархию ценностей россиян среднего возраста. Во-первых, рождение и социализация (по крайней мере – первичная) в советский период и, как следствие, интериоризация характерных для коммунистической идеологии духовно-нравственных ценностей коллективистской направленности. Во-вторых, вынужденная адаптация к социально-политическим и социально-экономическим преобразованиям постсоветского периода, сопряженная с ценностным поворотом в сторону прагматизма. Действие данных факторов, а также накопленный опыт субъективных переживаний, ставших результатом острых катаклизмов и потрясений, сопровождавших биографические пути людей среднего возраста в условиях транзитивности российского общества, привели к формированию пограничного ценностного ядра средневозрастной когорты, сочетающего ориентации на благожелательность и универсализм с высокой значимостью безопасности при фактическом отказе от патернализма.

Описанные факторы оказывали неодинаковое воздействие на отдельные субгруппы средневозрастных россиян (30–39-летних, 40–49-летних и 50–60-летних) в силу высокой динамики исторических социокультурных контекстов их социализации. Показано, что по мере увеличения возраста, усиливается значение таких ценностей (в терминологии Ш. Шварца) как «традиция», «конформность», «благожелательность» и «универсализм», и уменьшается – в отношении «гедонизма», «риска–новизны», «достижения» и «власти–богатства». Это объясняется не только неодинаковой длительностью периода детской и

юношеской социализации различных подгрупп средневозрастной когорты в условиях советского общества и пропаганды идеалов социалистического проекта модернизации, но и некоторым расхождением их статусно-ролевых позиций, в частности, нарастанием с возрастом двойного «вызова заботы» (необходимости заботиться не только о детях, но и о пожилых родителях).

Анализ особенностей функционирования и развития российского социума, культурной идентичности и менталитета россиян позволил уточнить ценностные основания модернизации в нашей стране. Показано, что наибольшим активным модернизационным потенциалом обладают ценности самостоятельности и достижения, которые побуждают к инициативному инновационному поведению. Ценности безопасности, традиции, благожелательности, универсализма и конформности формируют стабилизационный механизм модернизации, обеспечивая принятие и успешное закрепление инновационных образцов. В свою очередь ценности гедонизма, власти–богатства и риска–новизны определяются как антимодернизационные, поскольку слабо соотносятся с русской ментальностью.

Структура ценностей россиян среднего возраста в большей мере соответствует стабилизационно-модернизационной ценностной модели. Высокая значимость чувства защищенности для средневозрастной когорты означает, что представители данной социально-демографической группы могут воспринять новое и выступить его проводниками в случае, когда внедряемые инновации ясно ассоциируются с возможностями удовлетворения потребностей в безопасности, надежности, предсказуемости будущего.

Эмпирические исследования показали, что при осуществлении модернизационных преобразований в различных отраслях экономики России, существующая структура ценностей основного контингента работающих – людей среднего возраста – учитывается слабо. Это приводит а) к слабой инновационной активности работающих, особенно – в сфере производства инноваций, поскольку система мотивации обращается к чуждым для них ценностям, б) к сопротивлению инновациям в силу сформированного восприятия их как направленных не на

общее благо, а на решение частных организационных задач, в) к длительной адаптации к нововведениям как к ситуации риска, г) непониманию работающих среднего возраста своей роли в модернизационном процессе в условиях противоречивости действий руководителей, то навязывающих роль инноваторов, то вообще отказывающих работникам в способности продуцировать новое.

На основе полученных в рамках диссертационного исследования результатах можно сформулировать ряд рекомендаций, направленных на укрепление ресурсов для реализации инновационного устойчивого развития России во всех сферах жизнедеятельности общества.

На федеральном и региональном уровнях:

– учет при разработке программ инновационного развития территорий особенностей ценностной структуры различных социальных групп (в т. ч. – людей среднего возраста) через ценностно-ориентированное обоснование целей и задач модернизации;

– усиление работы по информированию о сущности инноваций через расширение спектра образовательных и просветительских программ, направленных на формирование более целостного восприятия инноваций – не только как действий и решений, носящих рискогенный характер, снижающих уровень безопасности среды, но как ресурсов развития;

– формирование правовой культуры, в частности, продуктивных правовых установок, позволяющих обеспечить соблюдение формальных норм, призванных обеспечивать и стабилизировать модернизационные преобразования, в условиях низкой лояльности ценности конформности.

На организационном уровне:

– построение системы мотивирования работающих среднего возраста к инновационному поведению на основе демонстрации значимости инновационной деятельности для стабильности функционирования организации, указания на то, что включение в инновации делает будущее самих людей более прогнозируемым и безопасным;

– учет при определении «пула инноваторов» в организации структуры ценностей работающих граждан – приоритетные действия по побуждению к выработке инноваций целесообразно направлять на тех, кто ориентирован на ценности самостоятельности и достижения;

– отказ от восприятия склонности к риску как ведущей детерминанты инновационного поведения, перенос акцентов на аргументы безопасности;

– стимулирование творческой активности в организациях через формирование культуры открытого обмена информацией.

Фокус дальнейших исследований ценностей людей среднего возраста может сместиться с национального модернизационного контекста на более широкие проблемы. Так, перспективной является дискуссия о соответствии ценностей средневозрастных россиян новым ценностям глобального мира, об их гуманистическом характере и риске консервации.

Важным является осуществление мониторинга ценностной структуры сознания российской молодежи, поскольку данной социальной группе отводится роль основных производителей инноваций. Ценностное ядро сознания молодежи неизбежно отличается от приоритетных ценностей средневозрастной когорты, но в условиях нарастающей динамики социальных изменений, ее нелинейном характере, как будет изменяться структура ценностей молодых людей – пока неясно. Будут ли они по-прежнему более толерантными к новизне, неопределенности и риску, ориентированными на индивидуалистические ценности, чем средневозрастная когорта, или нет – от ответа на этот вопрос зависит успешность модернизации в России в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология [Текст] / Дж. Александер ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. – М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с.
2. Алексеев, А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия [Текст]. В 4 т. Т. 1 / А. Н. Алексеев. – СПб. : Норма, 2003. – 592 с.
3. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.
4. Архангельский, А. Базовые ценности: инструкции по применению [Текст] / А. Архангельский. – СПб. : Амфора, 2006. – 287 с.
5. Аузан, А. А. Доклад «Культурные факторы модернизации» [Текст] / А. А. Аузан, А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин, В. А. Найшуль. – М. ; СПб., 2011. – 221 с.
6. Балтес, П. Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни [Текст] / П. Б. Балтес // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 60–80.
7. Бауман, З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
8. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
9. Бек, У. Что такое глобализация? [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
10. Беляева, Л. А. Культурный капитал, социальный капитал и напряженность социального пространства России [Текст] / Л. А. Беляева // Общественные науки и современность. – 2013. – № 6. – С. 27–44.

11. Бергер, П. Введение. Культурная динамика глобализации [Текст] / П. Бергер // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 8–24.
12. Бессокирная, Г. П. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследования [Текст] / Г. П. Бессокирная, А. Л. Темницкий // Мир России. – 2000. – № 4. – С. 103–124.
13. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака [Текст] / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – М. : Академические проект, 2007. – 335 с.
14. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступительная статья С. Н. Зенкина. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
15. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–271.
16. Виттрок, Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние [Текст] / Б. Виттрок // Полис. – 2002. – № 1. – С. 141–159.
17. Вишневский, Ю. Р. Человеческий капитал свердловского студенчества: динамика развития, тренды и проблемы [Текст] / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, Д. Ю. Нархов // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2017. – С. 112–119.
18. Волков, Ю. Г. Креативный класс: поиск социологического концепта [Текст] / Ю. Г. Волков // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2010. – Вып. 9. – С. 43–60.
19. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования [Текст] : Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Л. С.

Выготский ; под ред. и со вступ. статьей А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. – 519 с.

20. Галкина, Ю. Социолог Елена Здравомыслова – о «непродуктивной» старости и боли «поколения сэндвич» [Электронный ресурс] / Ю. Галкина // The Village. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/232683-sandwich-generation>.

21. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность [Текст] / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – №. 5. – С.107–134.

22. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс ; пер. с англ. – М. : Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.

23. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – 528 с.

24. Гимпельсон, В. Е. В ожидании перемен (рабочие о ситуации на промышленных предприятиях) [Текст] / В. Е. Гимпельсон, В. С. Магун // Социологические исследования. – 1990. – № 1. – С. 4–20.

25. Глухова, А. В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) [Текст] / А. В. Глухова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 68–73.

26. Голенкова, З. Т. Некоторые аспекты современной жизни российского предпринимателя [Текст] / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 183–196.

27. Гордон, Л. А. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития [Текст] / Л. А. Гордон, А. К. Назимова ; отв. ред. Э. В. Клопов. – М. : Наука, 1985. – 221 с.

28. Горшков, М. К. Готово ли российское общество к модернизации? [Текст] / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова // Общество и экономика. – 2010. – № 5. – С. 105–172.

29. Горшков, М. К. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги ; М-во образования и науки, Центр социологических исслед., Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва : Ин-т социологии РАН, 2010. – 592 с.

30. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении [Текст] / М. К. Горшков // Мир России. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

31. Горшков, М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки [Текст] / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 28–41.

32. Гофман, А. Б. Пятнадцать тезисов в защиту идеи модернизации [Текст] / А. Б. Гофман // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2012. – Вып. 11. – С. 27–35.

33. Гринберг, Р. С. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) [Текст] / Р. С. Гринберг, М. К. Горшков // Мир перемен. – 2012 – № 1. – С. 8–31.

34. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах [Текст]. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. – М. : «Прогресс-Традиция», 2001. – 624 с.

35. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах [Текст]. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 1-я) / Б. А. Грушин. – М. : «Прогресс-Традиция», 2003. – 448 с.

36. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах [Текст]. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я) / Б. А. Грушин. – М. : «Прогресс-Традиция», 2006. – 464 с.

37. Гудков, Л. Д. Молодежь России [Текст] : приложение к журналу «Общая тетрадь» / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 95 с.
38. Гурко, Т. А. Социологический аспект социальной стратификации в постсоветской России [Текст] / Т. А. Гурко // Гендерные тетради / науч. ред. А. А. Клецин. – СПб. : СПб. филиал Института социологии РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 55–70.
39. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество Избранное [Текст] / Дж. К. Гэлбрейт ; пер. с англ. под науч. ред. И. В. Филатова. – М. : Эксмо, 2008. – 1200 с.
40. Демографическая модернизация России, 1900–2000 [Текст] / под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Новое издательство, 2006. – 608 с.
41. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. [Текст] / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. – М. : ПРООН в РФ / Дизайн-макет, допечатная подготовка, печать : ООО «Дизайн-проект «Самолет», 2011. – 146 с.
42. Докторов, Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски [Текст]. В 6 т. Т. 4. Историко-биографические поиски. Продолжение бесед с социологами / Б. З. Докторов. – М. : ЦСПиМ, 2014. – 570 с.
43. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания [Текст] / Э. Дюркгейм // История психологии периода открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX в.) : тексты / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – 2-е изд., доп. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – С. 273–297.
44. Елютина, М. Э. Социальная геронтология [Текст] : учеб. пособие / М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 155 с.
45. Зарубина, Н. Н. Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте / Н. Н. Зарубина // Мир России. – 2015. – № 2. – С. 28–49.

46. Зарубина, Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества [Текст] / Н. Н. Зарубина // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 4. – С. 62–52.

47. Заседание Совета по модернизации экономики и инновационному развитию 24 октября 2012 г. [Электронный ресурс] : стенограмма // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16708>.

48. Заславская, Т. И. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные общности и взаимодействия в проблемной институциональной среде [Текст] / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 4. – С. 5–23.

49. Заславская, Т. И. «Новосибирский манифест» (1983 г.): О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии [Текст] / Т. И. Заславская // *Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция*. М. : Изд-во «Дело», 2002. – С. 18–40.

50. Заславская, Т. И. О социальных акторах модернизации России [Текст] / Т. И. Заславская // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 3. – С. 13–25.

51. Заславская, Т. И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений [Текст] / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // *Социологический журнал*. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

52. Здравомыслов, А. Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания [Текст] / А. Г. Здравомыслов // *Социологические исследования*. – 2008. – № 8. – С. 3–18.

53. Зеер, Э. Ф. Психология профессий [Текст] : учеб пособие для вузов / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 336 с.

54. Иконникова, С. Н. Молодежь: Социологический и социально-психологический анализ [Текст] / С. Н. Иконникова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 166 с.
55. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–23.
56. Исследование «Старт-83 (работающая молодежь)» [Электронный ресурс] // Официальный сайт НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1472/Q=36>.
57. Кагитина С. Ю. Эволюция системы ценностей современной российской молодежи [Текст] / С. Ю. Кагитина // Гуманизация образования. – 2010. – № 1. – С. 46–51.
58. Калабеков, И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Электронный ресурс] / И. Г. Калабеков. – Режим доступа: <http://refru.ru>.
59. Карачаровский, В. В. Культура и модернизация в зеркале взаимодействия российских и иностранных профессионалов в мультинациональных трудовых коллективах в России [Текст] / В. В. Карачаровский, О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 67–77.
60. Карпухин, О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [Текст] / О. И. Карпухин // Социс. – 2000. – № 3. – С. 124–128.
61. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
62. Константиновский, Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) [Текст] / Д. Л. Константиновский. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.
63. Константиновский, Д. Л. Институт образования и социальное неравенство [Текст] / Д. Л. Константиновский // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 144–161.

64. Константиновский, Д. Л. Качественное образование: ресурс и его использование [Текст] / Д. Л. Константиновский // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 202–212.
65. Константиновский, Д. Л. Самоопределение или адаптация? [Текст] / Д. Л. Константиновский // Мир России. – 2003. – № 2. – 123–143.
66. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/info/6217/>.
67. Концепция промышленной политики Пермского края до 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Пермской торгово-промышленной палаты. – Режим доступа: <http://permtpp.ru/upload/iblock/f05/kontsepsiya-promyshlennoy-politkii.pdf>.
68. Коровицына, Н. В. Социокультурный разрыв 1980-х годов в Центральной и Восточной Европе: польский случай [Текст] / Н. В. Коровицына // Социс. – 2009. – № 11. – С. 21–30.
69. Коровицына, Н. В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века [Текст] / Н. В. Коровицына ; отв. ред. Ю. С. Новопашин ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Логос, 1999. – 187 с.
70. Косова, Л. Б. Третий возраст: социальное самочувствие [Электронный ресурс] / Л. Б. Косова // Демоскоп Weekly. – 2015. – № 667–668. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/tema05.php>.
71. Кошарная, Г. Б. Особенности обучения пожилых людей [Текст] / Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина // Интеграция образования. – 2013. – № 4. – С. 57–60.
72. Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации [Текст] // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – № 3. – С. 41–64.
73. Куприянова, З. В. Трудовые мотивы российских работников [Текст] / З. В. Куприянова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1998. – № 2. – С. 30–34.

74. Лапин, Н. И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти [Текст] / Н. И. Лапин // Модернизация экономики и общественное развитие : материалы VIII Международной научной конференции. В 3 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 201 – 219.

75. Лапин, Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России [Текст] / Н. И. Лапин // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67. – № 2. – С. 140–145.

76. Лапин, Н. И. О стратегии интегрированной модернизации [Текст] / Н. И. Лапин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 26–35.

77. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Российская акад. наук, Ин-т философии, Науч.-координационный совет «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции ФСПП ООН РАН. – М. : ИФ РАН, 2010. – 109 с.

78. Лапин, Н. И. Развилки процессов модернизации и взаимопонимания в российском обществе (обсуждение проекта) [Текст] / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 137–147.

79. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации [Текст] / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3–18.

80. Лапыгин, Ю. Н. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы [Текст] / Ю. Н. Лапыгин, Я. Л. Эйдельман ; Рос. акад. наук, Ин-т проблем занятости. – М. : Наука, 1996. – 109 с.

81. Латова, Н. В. Особенности кризисного социально-психологического состояния общества: от 1998-го к 2015-му [Текст] / Н. В. Латова // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М. : Издательство «Весь Мир», 2015. – С. 12–30.

82. Лебедева, Н. М. Динамика ценностей русской культуры и их влияние на модернизацию [Текст] / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Д. В. Лимарь // Модернизация экономики и государство. В 3 кн. Кн. 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики при участии Всемирного банка и междунар. валютного фонда. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 379–390.

83. Лебедева, Н. М. Методика исследования отношения личности к инновациям [Текст] / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // Альманах современной науки образования. – 2009. – № 4–2. – С. 89–96.

84. Левада, Ю. А. Варианты адаптивного поведения [Текст] / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 1. – С. 7–13.

85. Левада, Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования [Текст] / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5. – С. 7–14.

86. Лисовский, В. Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) [Текст] / В. Т. Лисовский // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 98–104.

87. Магун, В. С. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) [Текст] / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 5–22.

88. Магун, В. С. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья вторая) [Текст] / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 5–17.

89. Магун, В. С. Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами [Текст] / В. М. Магун, М. Г. Руднев // Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. – Киев : Институт социологии НАНУ; Харьковский национальный университет им. В. Н. Карамзина, 2007. – С. 226–273.

90. Магун, В. С. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации [Текст] / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Образовательная политика. – 2010. – № 9–10 (47–48). – С. 65–72.

91. Магун, В. С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание [Электронный ресурс] / В. С. Магун // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/Magun-statya-MirRoss-98.pdf>.

92. Магун, В. С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения [Текст] / В. С. Магун // Россия: трансформирующееся общество / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Канон- Пресс-Ц, 2001. – С. 432–434.

93. Мареева, С. В. Российская молодёжь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве [Текст] / С. В. Мареева // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2013. – Вып. 12. – С. 361–380.

94. Маркова, Ю. С. Проблемы и перспективы модернизации крупного промышленного региона России (на примере Пермского края) [Текст] / Ю. С. Маркова, Н. А. Лебедева-Несевря // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы III Международн. научн.-практ. конф. Екатеринбург, 21–22 апреля 2017 г. В 2 т. Т. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 86–89.

95. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс ; пер. с нем. Г. А. Лопатина. – СПб. : Изд. Н. П. Полякова, 1872. – 688 с.

96. Мاستикова, Н. С. Ценностный аспект процесса модернизации: сравнение ценностей россиян и европейцев [Электронный ресурс] : автореф. дисс. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н. С. Мاستикова // Официальный сайт ИС РАН. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3342>.

97. Мацковский, М. С. Семья в России и в США: сравнительный обзор [Текст] / М. С. Мацковский, Д. Г. Олсон // Семья на пороге третьего тысячелетия /

под ред. А. И. Антонова, М. С. Мацковского, Дж. У. Мэддока [и др.]. – М. : Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – С. 9–34.

98. Медведев, Д. А. Россия, вперед! [Текст] / Д. А. Медведев // Экономика и управление. – 2009. – № 9. – С. 3–7.

99. Медведев, Д. А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики [Текст] / Д. А. Медведев // Вопросы экономики. – 2016. – № 10. – С. 5–30.

100. Меренков, А. В. Система детерминации человеческой деятельности [Текст] / А. В. Меренков ; М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. горно-геол. акад. : Банк культурной информации, 2003. – 229 с.

101. Меренков, А. В. Социология стереотипов [Текст] / А. В. Меренков ; М-во образования Рос. Федерации, Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 290 с.

102. Меренков, А. В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе [Текст] / А. В. Меренков // Социс. – 2013. – № 2. – с. 101–110.

103. Наумов, С. А. Российский модернизационный проект как ответ на вызов времени [Текст] / С. А. Наумов // Инновации. – 2010. – № 5. – С. 15–20.

104. Новикова, Л. И. Словечко «инновация» как «покушение на русскую ментальность» [Текст] / Л. И. Новикова // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 9. – С. 46–47.

105. О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России: Указ Президента РФ от 18 июня 2012 г. № 878 (с изм. и доп. от 20 ноября 2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70190762/#friends>.

106. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) [Текст] / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина ; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.

107. Омельченко, Е. Л. От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России [Электронный ресурс] / Е. Л. Омельченко // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 5 (61). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/5/om18-pr.html>.

108. Павловский, В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи [Текст] : монография / В. В. Павловский. – М. : Академический проект, 2001. – 301 с.

109. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

110. Патрушев, В. Д. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 90-е годы [Текст] / В. Д. Патрушев, Г. П. Бессокирная // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 72–84.

111. Перлаки, И. Нововведения в организациях [Текст] / И. Перлаки ; пер. со словац. ; предисл. Н. И. Лапина. – М. : Экономика, 1980. – 144 с.

112. Плотникова, Е. Б. Модернизационный потенциал в структуре ценностей жителей Пермского края [Текст] / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Вестник Омского университета. Серия экономика. – 2015. – № 3. – С. 135–140.

113. Плотникова, Е. Б. Изучение инновационного потенциала населения региона: возможности методики социологического анализа (на примере Пермского края) [Электронный ресурс] / Е. Б. Плотникова, И. А. Германов, Ю. С. Маркова // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – Электрон. дан. – М. : Российское общество социологов, 2016. – DVD ROM. – 1966–1970.

114. Плотникова, Е. Б. Опыт использования качественного, количественного подходов в исследовании модернизационного потенциала в структуре ценностей населения российских регионов (на примере Пермского

края) [Текст] / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», 26–29 сентября 2016 г. Самара-Тольятти. – Самара : Самарский университет, 2016. – С. 72–77.

115. Поваренков, Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека [Текст] / Ю. П. Поваренков ; Ун-т Рос. акад. образования. – М. : Изд-во УРАО, 2002. –159 с.

116. Подвойская, Н. В. Жизненные силы молодежи как потенциал молодежного развития России XXI века [Текст] / Н. В. Подвойская // Социальная политика и социология. – 2008. – № 4. – С. 150–158.

117. Послание Президента Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

118. Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/11>.

119. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>.

120. Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.

121. Преступность в регионах [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total.

122. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2009. – 808 с.

123. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации [Текст] / под ред. Л. М. Гохберга. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – Вып. 2. – 88 с.

124. Ретер, Д. Способность к обучению у взрослых [Текст] / Д. Ретер // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 57–66.

125. Римашевская, Н. М. Социальные последствия экономических трансформаций в России [Текст] / Н. М. Римашевская // Социс. – 1997. – № 2. – С. 55–65.

126. Российская молодежь в динамике десятилетий. Статистические материалы и результаты исследований [Электронный ресурс] : монография / А. Т. Гаспаршвили, Д. Л. Константиновский, Л. И. Мешкова [и др.] ; Федеральное агентство научных организаций, Институт социологии РАН. – М. : Ин-т социологии РАН, 2017. – 175 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

127. Руднев, М. Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран [Электронный ресурс] : автореф. дисс. к. соц. н. / М. Г. Руднев // Официальный сайт ИС РАН. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1506>.

128. Рыжов, Б. Н. Системная периодизация развития [Электронный ресурс] / Б. Н. Рыжов // Системная психология и социология. – 2012. – № 5. – Режим доступа: http://systempsychology.ru/journal/2012_5/85-ryzhov-bn-sistemnaya-periodizaciya-razvitiya.html.

129. Семенова, В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства [Текст] / В. В. Семенова // Россия реформирующаяся: ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Институт социологии РАН, 2004. – С. 157–170.

130. Семенова, В. В. Дифференциация и консолидация поколений [Текст] / В. В. Семенова // Россия трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М. : Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 256–271.

131. Семья на пороге третьего тысячелетия [Текст] / под ред. А. И. Антонова, М. С. Мацковского, Дж. У. Мэддока [и др.]. – М. : Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – 237.

132. Солодников, В. В. Объект исследования – «средний возраст» человека [Текст] / В. В. Солодников, И. В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 1 (89). – С. 166 – 180.

133. Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологического исследования [Текст] / Ю. В. Арутюнян, И. А. Гришаев, М. Н. Губогло [и др.] ; отв. ред. Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1986. – 453 с.

134. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04.

135. Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>.

136. Темницкий, А. Л. Мотивация труда наемных работников [Текст] / А. Л. Темницкий // Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ). В 3 ч. Ч. 2. Фирмы современной России / под. ред. Р. М. Нуреева. – 2-е изд., исп. и доп. – М. : МОНФ, 2003. – С. 140–142.

137. Темницкий, А. Л. Современная молодежь в перипетиях российского рынка труда и образования [Текст] / А. Л. Темницкий // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2017. – Вып. 15. – С. 91–108.

138. Темницкий, А. Л. Социокультурная модель наемного работника рыночного типа [Текст] / А.Л. Темницкий // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 3-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 376–385.

139. Тихонова, Н. Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта [Текст] / Н. Е. Тихонова // Вестник Института социологии. – 2011. – № 3. – С. 10–27.

140. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 1 [Текст] / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23.

141. Тихонова, Н. Е. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века [Текст] / Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин, С. В. Горюнова, Ю. П. Лежнина // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2007. – № 25. – С. 22–47.

142. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) [Текст] / под. ред. Р. М. Нуреева. – М. : Московский общественный научный фонд ; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 193 с.

143. Труд и занятость в России 2017 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 261 с.

144. Федотова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации [Текст] / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 607 с.

145. Феофанов, К. А. Виктор К. Старость в современном обществе: руководство по социальной геронтологии [Текст] / К. А. Феофанов // Социальная геронтология: современные исследования. – М. : РАН ИНИОН, 1994. – С. 41–57.

146. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] : двенадцать лекций / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляев и др. – 2-е изд., испр. – М. : Весь Мир, 2008. – 414 с.

147. Хахулина, Л. А. Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) [Текст] / Л. А. Хахулина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 1. – С. 30–38.

148. Хорос, В. Модернизация России в контексте глобализации [Текст] / В. Хорос, В. Иноземцев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 2. – С. 90–103.

149. Хофстеде, Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур [Текст] / Г. Хофстеде // *Язык, коммуникация и социальная среда*. – 2014. – № 12. – С.19–45.

150. Чумаков, В. За икса не отвечаю [Текст] / В. Чумаков // *В мире науки*. – 2013. – № 3. – С. 74–81.

151. Шварц, Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Текст] / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2012. – Т. 9. – № 2. – С. 44–70.

152. Шинковский, М. Ю. Глокализация как предмет научного исследования [Текст] / М. Ю. Шинковский // *Полития*. – 2008. – № 2. – С. 46–57.

153. Шкаратан, О. И. Русская культура труда и управления [Текст] / О. И. Шкаратан // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 1. – С. 30–54.

154. Шкаратан, О. И. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития [Текст] / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский // *Мир России*. – 2002. – № 1. – С. 3–56.

155. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова ; Ин-т «Открытое о-во». – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

156. Шубин, А. В. СССР в апогее: как мы жили [Электронный ресурс] / А. В. Шубин // *Неприкосновенный запас*. – 2007. – № 2 (52). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/sh2.html>.

157. Щупленков, О. В. Молодое поколение: социально-философский аспект в исследовании [Текст] / О. В. Щупленков // *Современное образование*. – 2013. – № 2. – С. 58–114.

158. Эрикссон, Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эрикссон ; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеев. – СПб. : Летний сад, 2000. – 415 с.

159. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон ; пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых.– М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344.

160. Ядов, В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и ее социальной обусловленности [Текст] / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», ФГНУ Центр социологических исслед., Ин-т социологии РАН. – 2-е расш. изд. – Москва : ЦСП и М, 2013. – С. 31–39.

161. Ядов, В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества [Текст] / В. А. Ядов // Мир России. – 2010. – № 3. – С. 46–56.

162. Ядов, В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции [Текст] / В. А. Ядов // Социологические исследования. – 1983. – № 3. – С. 50–62.

163. Ядов, В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций [Текст] : курс лекций для студентов магистратуры по социологии / В. А. Ядов ; Фак. социологии Гос. акад. ун-та гуманитарных наук, Ин-т социологии Российской акад. наук. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2009. – 137 с.

164. Яницкий, О. Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии [Текст] / О. Н. Яницкий // Россия реформирующаяся : ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2010. – Вып. 9. – С. 124–139.

165. Яницкий, О. Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции [Текст] / О. Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 5–15.

166. Яницкий, О. Н. Риск-солидарности: российская версия [Текст] / О. Н. Яницкий // ИНТЕР. – 2004. – Том. 1. – № 2–3. – С. 52–62.

167. Яницкий, О. Н. Социальные ограничения модернизации России [Текст] / О. Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 17–27.
168. Ясин, Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей [Текст] / Е. Г. Ясин ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 83 с.
169. Altman, M. Culture, Human Agency, and Economic Theory: Culture as a Determinant of Material Welfare [Text] / M. Altman // Journal of Socio-Economics. – 2001. – No. 30. – P. 379–391.
170. Alwin, D. F. Political Attitudes over the Life Span: The Bennington Women after Fifty Years [Text] / D. F. Alwin, R. Cohen, Th. Newcomb. – Madison, Wis. : University of Wisconsin Press, 1991. – 422 p.
171. Berger, P. L. Facing Up to Modernity: Excursions in Society, Politics and Religion [Text] / P. L. Berger. – New York : Basic Books, 1977. – 233 с.
172. Berger, P. L. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness [Text] / P. L. Berger, B. Berger, H. Kellner. – New York : Vintage Books, 1974. – 258 p.
173. Dahrendorf, R. Class and Class Conflict in Industrial Society [Text] / R. Dahrendorf. – Stanford : Stanford University Press, 1959. – 336 p.
174. Davidov, E. Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries [Text] / E. Davidov, P. Schmidt, S. H. Schwartz // Public Opinion Quarterly. – 2008 – No. 72. – P. 420–445.
175. Dorfman, P. GLOBE: A twenty year journey into the intriguing world of culture and leadership [Text] / P. Dorfman, M. Javidan, P. Hanges, A. Dastmalchian, R. House // Journal of World Business. – 2012. – № 47 (4). – P. 504–518.
176. Eisenstadt, S. N. Modernization: Protest and Change [Text] / S. N. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1966. – 166 p.
177. Eisenstadt, S. N. Social Change, Differentiation and Evolution [Text] / S. N. Eisenstadt // American Sociological Review. – 1964. – Vol. 29. – No. 3. – P. 375–386.
178. Eisenstadt, S. N. Studies of Modernization and Sociological Theory [Text] / S. N. Eisenstadt // History and Theory. – 1994. – Vol. 13. – No. 3. – P. 225–252.

179. Featherstone, M. *Global Modernities* [Text] / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London : Sage Publications, 1995. – 292 p.
180. Giddens, A. *Living in a Post-Traditional Society* [Text] / A. Giddens // *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order* / ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Cambridge : Polity Press, 1994. – P. 56–109.
181. Giddens, A. *The consequences of modernity* [Text] / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 188 p.
182. Hall, G. S. *Stanly Adolescence: Its Psychology and Its Relation to Psychology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education* [Text] / G. S. Hall. – N. Y. : D. Appleton and Company, 1904. – 799 p.
183. Hudson, F. M. *The Adult Years* [Text] / F. M. Hudson. – N.Y. : Jossey-Bass Publishers, 1991. – 352 p.
184. Huntington, S. P. *Political Order in Changing Societies* [Text] / S. P. Huntington. – New Haven : Yale University Press, 1968. – 263 p.
185. Huntington, S. P. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order* [Text] / S. P. Huntington. – N.Y. : Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
186. *In Search of an East Asian Development Model* [Text] / ed. by P. L. Berger, H.-H. M. Hsiao. – New Brunswick, N. Y. : Transaction Books, 1988. – 242 p.
187. Inglehart, R. *Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence* [Text] / R. Inglehart, C. Welzel. – N. Y. : Cambridge University Press, 2005. – 344 p.
188. Kerr, C. *Industrialism and Industrial Man* [Text] / C. Kerr, J. T. Dunlop, F. Harbison, H. Harbison, C. A. Myers. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1960. – 331 p.
189. Lee, J. *Schwartz Values Clusters in the United States and China* [Text] / J. Lee, G. Soutar, T. M. Daly, J. J. Louviere // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2011. – No. 42 (2). – P. 234–252.
190. Levy, M. J. *Some Sources of the Vulnerability of Relatively Non-Industrialized to Those of Highly Industrialized Societies* [Text] / M. J. Levy // *The*

Progress of Underdeveloped Areas / ed. by B. Hozelitz. – Chicago, London : University of Chicago press, 1952. – P. 113–125.

191. Li, L. M. W. Analyzing National Change in Citizen Secularism Across Four Time Periods in the World Values Survey [Text] / L. M. W. Li, M. H. Bond // World Values Research. – 2010. – №3 (2). – P. 19–32.

192. Miliband, R. The State in Capitalist Society [Text] / R. Miliband. – London : Merlin Press, 2009. – 245 p.

193. Moore, W. Social Change [Text] / W. Moore. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice Hall, 1963. – 120 p.

194. Muller, K. “Modernizing” Eastern Europe: Theoretical Problems and Political Dilemmas [Text] / K. Muller // European Journal of Sociology. – 1992. – Vol. 33. – No. 1. – P. 109–150.

195. Nisbet, R. Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development [Text] / R. Nisbet. – New York : Oxford University Press, 1969. – 335 p.

196. Perun, P. J. Structure and dynamics of the individual life course [Text] / P. J. Perun, D. D. V. Bielby // Life course: Integrative theories and exemplary populations / Ed by K. W. Back. – Boulder, CO : Westview Press, 1980. – P. 97–119.

197. Piirainen, T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life [Text] / T. Piirainen. – Aldershot : Dartmouth, 1997. – 262 p.

198. Rostow, W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto [Text] / W. W. Rostow. – New York, Cambridge : Cambridge university press, 1960. – 179 p.

199. Roxborough, I. Modernization Theory Revisited. A Review Article [Text] / I. Roxborough // Comparative Studies in Society and History. – 1988. – V. 30. – № 4. – P. 753–761.

200. Schwartz S. H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries [Text] / S. H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – No. 25. – P. 1–65.

201. Shane, S. Why do some societies invent more than others? [Text] / S. Shane // *Journal of Business Venturing*. – 1992. – No. 7. – P. 29–46.
202. Smelser, N. J. Processes of social change [Text] / N. J. Smelser // *Sociology: An Introduction* / ed. by N. J. Smelser. – New York : Wiley, 1973. – P. 709–762.
203. Smith, P. *Social Psychology Across Cultures* [Text] / P. Smith, M. H. Bond. – Boston : Allyn and Bacon, 1998. – 401 p.
204. Super, D. E. Theory of Vocational Development [Text] / D. E. Super // *American Psychologist*. – 1953. – Vol. 8. – № 5. – P. 185–190.
205. Triandis, H. C. *Culture and social behavior* [Text] / H. C. Triandis. – New York : McGraw-Hill, 1994. – 330 p.